

Святитель Филарет, митрополит Московский: Слово при посещении Свято-Троицкой единоверческой церкви

Проповедь

Эта проповедь печатается по изданию: Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. IV. (1836–1848). М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1882, с. 131–137. Ею мы продолжаем журнальную публикацию отдельных проповедей и текстов святителя Филарета, духовного покровителя Московской высшей православно-христианской школы (начало см. в «Православной общине», № 33).

В них святитель Филарет затрагивает острые церковные проблемы, не потерявшие актуальности и сейчас, как, например, в этой проповеди, где он утверждает, что единая вера «может существовать при разнообразии образов».

Цитируя Священное писание в силу традиции по-церковнославянски, святитель Филарет был, тем не менее, последовательным сторонником его перевода на русский язык. Одно из его подробных обоснований этого читайте в следующем номере нашего журнала.

Святой апостол Павел в своем Послании говорит между прочим к чадам Римской церкви: «Желаю видети вас, да некое подам вам дарование духовное ко утверждению вашего, сие же есть, соутешитесь в вас верою общею, вашею же и моею» (Рим 1: 11, 12)¹.

Поучительна ревность апостольская. Св. Павел имел в своем попечении многие церкви Азийские, Греческие, Македонские, большей частью им основанные и им руководствуемые: но и на Римскую, не столь близкую, и не им основанную, простирает внимание; и не только писал к ней послание, но и лично посетить ее желал.

Если те, которые, по устройению Божию, прияли, хотя не апостольскую власть, впрочем, от апостолов друг-другопримательно преданный жребий священноначальства, по справедливости должны подражать ревности апостольской в своем, хотя не столь обширном, круге действия: то я не особенным чем-либо похваюсь, а только укажу на свою обязанность, если скажу, что уже давно желаю видети вас, братья, в вашей собственно церкви, и что теперь исполняется мое давнее желание.

Но, может быть, кто-нибудь, услышав сие, помыслит: почему же бы давно и не исполниться сему желанию? Если оно есть давнее? — Дабы ответить на сей вопрос, я прибегну опять к святому апостолу Павлу, который, вслед за вышеприведенными словами, в Послании к римлянам пишет: «Не хочу же не ведети вам, братие, яко множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых доселе»¹. Если могло случиться, что святой Павел, при толиком обилии данной ему, даже чудодейственной благодати, долго не мог исполнить трудного: то при моей немощи, конечно не удивительно, что я не скоро мог исполнить не трудное.

Вопрос, несравненно более достойный внимания для меня и для вас, должен быть сей: для чего я желал, или лучше, для чего должен был желать увидеться с вами здесь, и для чего вам прилично было желать сего; ибо я нахожусь ныне здесь как по моему давнему желанию, так и

по вашему неоднократному приглашению. И в сем отношении тот же апостол может быть руководителем и образцом уже не для меня только, но купно и для вас, братия. «Желаю бо видети вас», — говорит он римским христианам. Но для чего? — «Да некое, говорит, подам вам дарование духовное». Что это значит? Какое обещает он дарование духовное? Он объясняет: «Сие же есть соутешитесь в вас верою общею, вашею же и моею». Итак, вот для чего апостол желает посетить церковь Римскую, видеть христиан римских: он желает найти у них общую веру и общение в вере, ближайшим образом дознать и открыть, что римляне — точно единоверцы ему. И он единоведец римлянам. И в сем дознании он уповает обрести соутешение, то есть взаимное утешение, римлянам от него, и ему от римлян. И не просто утешение человеческое, но дарование духовное, дар Святого Духа Утешителя. Если, братия, и мы хотим быть верными сему апостольскому направлению, сообразными сему первоначальному образу Церкви Христовой: то надобно, чтоб и ваше предварившее приглашение, и мое к вам настоящее пришествие, имело не иную цель, как веру общую, вашу же и мою. Едино должно быть и у меня и у вас желание, да обрящемся точно друг другу единоверцы, по вере истинной, православной чистой, непорочной, от Господа Спасителя, через святых апостолов и Богоносных отцов преданной, и непрерывным и неизменным преданием и до нас достигшей; да в общении мирных сердец и несмущенных совестей, соутешимся верою общею, вашею же и моею, и в сем утешении познаем и ощутим благодатное дарование духовное.

Не домогаюсь покорить вас моему слову: покоряюсь слову евангельскому и апостольскому, и в покорении ему желаю быть вместе с вами. Послушайте еще, как оно проповедует и заповедует, не только веру каждому порознь, но и всем в совокупности общение и соединение веры.

Когда Господь наш, отходя на вольное за нас страдание, Своею всемогущею к Единосущному Отцу Своему молитвою на веки утверждал Свою Церковь, тогда, помолясь прежде о Своих апостолах, проповедниках веры, столпах Церкви, строителях тайн, потом продолжал молитву Свою так: «Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут» (Ин 17: 20, 21)¹. Слышите: не о том только печется Начальник и Совершитель веры, чтобы верующие пребывали в вере, но и в особенности о том, чтобы верующие все были едино. Итак, если кто и мнится иметь веру, но не держится великого единства всех верующих, ходит самочинно, не заботясь об искреннем общении с Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью: за такого весьма надобно бояться, чтобы он не остался вне действия спасительной молитвы Христовой, а следственно. и вне спасения, ибо нет сомнения, что спасутся только те, за которых принес молитву Свою Ходатай Бога и человек, и над которыми она исполнилась.

Посему-то и апостол, увещевая христиан поступать достойно своего звания, увещевает соблюдать единство. «Молю вас, — пишет святой Павел к Ефесянам, — аз юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, — тщася блюсти единение духа в союзе мира» (Еф 4: 1,3)¹. Таким сочетанием мыслей он дает разуметь, что достойно христианского звания ходит только тот, кто тщится блюсти единение духа в союзе мира; что небрежение о единстве принадлежит к хождению, недостойному звания христианского. Далее, открывая основания христианского единства, и убеждая к его соблюдению, апостол присовокупляет: »Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего: един Господь, едина вера, едино крещение: един Бог и Отец всех, Иже над всеми, и чрез всех, и во всех нас» (Еф: 4-6)². Подлинно, сколько причин, и каких сильных причин и побуждений к единству! Если для рабов бывает средоточием единения один общий господин, и еще более для домашних глава семейства, для детей отец, то кольми паче для нас, братья христиане, Единый над всеми нами Господь Вседержитель, Единый у всех нас Отец Небесный! Если едина есть вера, живущая в единстве Церкви, в общении единых таинств, то устраняющийся от единства по необходимости должен опасаться, чтобы от него не устранилась самая вера, которая не может отлучиться от своего единства. Если все мы во Христе должны составлять единое тело, единым духом

одушевленное, то кто может вознрадеть о единстве, без крайней для себя опасности? Кто не знает, что члены тела живут только в единстве тела, при несовершенном единстве бывают больны, отделясь от единства, умирают? Если мы призваны благодатью к единому упованию Царствия Небесного, то нам очевидно нужно единение душ, чтобы беспрепятственно вступить в обладание нераздельного небесного наследия. Как верно то, что царство раздельшееся на ся запустеет (Мф 12: 25)3, так же верно и то, что царство вечное и неразрушимое не примет в себя никаких разделений и раздоров. В чистом единении веры и любви на земле должна образоваться способность к высочайшему соединению с Богом и святыми на небе.

Братья святого храма сего! Чем удостоверительнее мы узнаем из Божественного слова, сколь важно и необходимо единение в вере, тем заботливее надлежит нам помыслить о том, действительно ли мы имеем это благо, можем ли, при настоящем видимом общении, внутренне и духовно, по апостолу, соутешитися верою общею, вашею же и моею.

И почему же не предаться нам утешению сему, неколеблющимися мыслями, не стесненными сердцами? Не имеем ли мы твердых оснований вашего единения в вере? Не одну ли Единосущную и Нераздельную Троицу, одними и теми же догматами Православия исповедуем и славим? Не одну ли крестную смерть и живоносное Воскресение Иисуса Христа полагаем в основание нашей веры и нашего спасения? Не одну ли благодать Святого Духа приемлем, в одних и тех же таинствах? Не одни ли и те же имеем заповеди и правила евангельские, апостольские, соборные, свято-отеческие? Не одним ли священноначалием и священством, которое от одной живой Лозы Христа, через апостолов, исходит в подобии ветвей, простирающихся по всем местам, продолжающихся через все времена, и никогда не пресеченных, прививаемся к одной и той же живой и жизнедательной Лозе духовной и Божественной? Узел единства, связанный из столь многих золотых нитей, перестанет ли быть крепким, если ниже его кто-нибудь усмотрит расходящиеся концы некоторых малых нитей?

Знаю, братья святого храма сего, что единоверие ваше не для всех кажется ясным, во-первых, потому, что видят у вас некоторые богослужебные обряды и обычаи, по внешнему образу отличные от употребляемых в великой Церкви, хотя, впрочем, не противоречащие духу и значению оных, как дознано испытанием не кратковременным; во-вторых, потому, что держащиеся этих обрядов некогда были подвержены церковному осуждению, когда держались их с преслушанием Церкви и с отторжением от единства ее. Но не разрешаю ли уже я этих недоумений, когда только произношу их? Где есть единый дух веры, и единение духа в любви и в послушании, так как слово апостольское повелевает христианам быть чадами послушания (1 Пет 1: 14): там некоторое случайное разнообразие в обрядах не есть разделение; и от суда, произнесенного на непокорных, по справедливости освобождаются послушные. Так рассуждать не мы начали ныне, и не наши предшественники недавно: так рассуждала и поступала Святая Церковь и в первые свои времена по требованию обстоятельств.

Во втором столетии по Рождестве Христовом между обычаями Церквей восточных и западных была разность в предмете важном: восточные праздновали Пасху в четырнадцатый день марта, хотя бы он был и не воскресный, а западные — непременно в воскресный день. Но при этом единство веры и единение Церквей существовало, и не подлежало сомнению. Римский епископ Виктор восстал было за это против восточных, и покушался на расторжение церковного общения с ними: но этому немирному намерению противостал и западный же епископ, святой Иринея, который притом напоминал Виктору, что когда святой Поликарп посетил Римского епископа Аникиту, тогда каждый из них остался при своем обычае празднования Пасхи, но тем не менее они имели общение между собою, и Аникита ради чести предоставил святому Поликарпу в своей церкви первенство в совершении святой Евхаристии, и оба расстались в мире, и мир сохранялся во всей Церкви между держащимися одного, и между держащимися

другого обыкновения. Вот доказательство, что единоверие может существовать при разнообразии обряда и доказательство это представляют вам святой Поликарп и святой Ириной. Вспомните при этом, что, по установлении на первом Вселенском Соборе для всей Церкви одного времени празднования Пасхи, и вслед за тем общего пасхального круга, непокорные этому определению не были извинены старым обычаем, но были осуждены: и вот вы имеете древний церковный пример того, как церковная строгость может падать на непокорных и враждующих за обряд или обычай, терпимый в миролюбивых и послушных. Кто размыслит о сказанном теперь, внимательно и беспристрастно, тот, надеюсь, ясно увидит, как и ныне святая Церковь согласна сама с собою, когда к искренне желающим быть чадами послушания снисходительно простирает свои материнские объятия, и, твердо держа свои общие древние обряды и благочестивые обычаи, не поставляет однако же в преграду единоверию некоторых частных старого времени обрядов, при уверенности в единстве догматов, таинств и священноначалия.

Итак, братья, нет нам препятствия соутешитися верою общою, как истинным дарованием духовным, если только искренно сего желаем и усердно взыскуем. «Аще убо кое утешение о Христе, — со апостолом глаголю вам, — или аще кая утеха любви, аще кое общение духа, аще кое милосердие и щедроты; исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единомудушни, единомудренни: ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще. Не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите» (Флп 2: 1-4)¹.

Имейте христианскую любовь; это просто, а любовь умудрится, чтобы соделать вас единомудренными; ибо ей свойственно соединять, а не разделять.

Рвение, тщеславие, своекорыстие суть семена распрей и разделений: не допускайте сеяться злым семенам, и не возникнут злые ростки.

Глубоко насаждайте смиренномудрие, и обильно произрастет мир.

Ищите блага, утешения и спасения не себе только, но и ближним: да упрочится надежда спасения вашего, да умножится радость спасения общего. Обретайте спасительное утешение в единении с единою святою Церковью; и приносите материнскому сердцу ее утешение вашим искренним ей послушанием. Не довольствуйтесь быть только как-нибудь ей не чуждыми: подвизайтесь, да будете, по слову Господню, совершени во едино (Ин 17: 23). Духом чистого единения и любви и примером благозаконного жития споспешествуйте, да придут в безопасную ограду единства церковного и ины овцы, яже не суть от двора сего.

Так мудрствующим, и такими правилами живущим, благословение вам, и благодать, и мир от Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Истинного Бога, во Святой Троице славимого и поклоняемого во веки.

Благословение Господне да придет и на благое начинание, к которому теперь мы приближаемся, чтобы с самым началом дела, в последствии святого, соединить начало освящения. Да примет Господь добровольную жертву рабов Своих, сердца которых Он подвинул на дело благочестия и человеколюбивого странноприимства; и да ниспошлет им Свою Божественную благодать и щедроты. Да оснует храм Свой, да создаст, да освятит, да утвердит [...].

Аминь.

8 сентября 1840 г.

Архимандрит Виктор (Мамонтов): Слово на Литургии после чтения Евангелия (Лк.8,5-15)

Проповедь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Братья и сестры!

Как тихо и кротко входит в нашу жизнь Тот, Кого ждали веками праведники и пророки Израиля, и вместе с ними все человечество. «Вышел сеятель сеять семя свое...». От этих слов веет миром и покоем. Надеждой на жизнь. Сеять — значит давать жизнь, без сеяния, без урожая — голод и смерть. В прикровенной форме притчи Иисус Христос вновь говорит о Царстве Божьем, о приближении которого Он возвестил в начале Своего общественного служения: «Исполнилось время и приблизилось Царство Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк 1: 15).

Праведники в лице Иоанна Крестителя и его учеников чувствовали приближение Царства Божия. Они думали, что пришло время, когда Бог хочет положить конец злу, переполнившему мир. Они ждали Мессию карающего грешников и милующего праведников. Но перед ними предстал Мессия тихий и кроткий, не карающий, а исцеляющий, всех любящий.

Царство Божие в Духе Святом действительно приходит с Ним. Но не мгновенно, а постепенно. Его рост в мире и в сердцах людей подобен медленному росту семени. Поэтому в услышанной нами притче Иисус Христос называет Себя Сеятелем. Сеятель вышел сеять Сам, вышел в мир, к людям, ибо человек не мог своими силами приблизиться к Богу. Иисус Христос особо подчеркивает, что Он сеет «семя Свое». Его слушатели сразу уловили это. Проповедь Христа удивляет их тем, что никто до Него так не говорил: «Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф 7: 29). Слово Иисуса Христа названо семенем потому, что содержит в себе жизнь. Оно есть «дух и жизнь» (Ин 6: 63).

Пророки, законоучители стремились вселить в людей надежду на лучшую жизнь. Но не могли дать то, чем сами не владели — спасение и вечную жизнь.

Если бы Иисус Христос учил народ, как книжники и фарисеи, Его бы приняли и не соблазнились бы Им. Но Он иной Учитель, и слово Его имеет иное достоинство, достоинство вечной жизни, которая в Его лице явилась людям и которую нужно принять. Поэтому Он свидетельствует о ней не одними проповедями, но и всем Своим бытием. Он — начаток новой жизни, Семя ее. Эта жизнь не передается по наследству, она насаждается в мире с условием внутренней свободы ее принятия каждой личностью.

Воля Христа в том, чтобы человек покался, возвратился к Богу, принял Его и жил в познании Его. Воля Христа в том, чтобы человек всегда видел своего ближнего и служил ему. Он ставит ударение на человеке, на наших отношениях друг с другом, и за этим для каждого из нас сокрыта мистическая глубина познания Бога. Мы же часто ставим ударение на исполнении заповедей Божиих, на литургии, на молитве. Но главное в том, как привнести в жизнь любовь к ближнему. Как я поступаю с ближним? Как я его люблю? Господь на Страшном суде не спросит: как ты молился? А просто скажет: «Я был голоден, и ты Меня накормил» или,

наоборот: «Я был голоден, и ты Меня не накормил».

Когда я эти вопросы начинаю решать в своем опыте жизни, я начинаю познавать Иисуса Христа и Царство Божие. Семя вечной жизни начинает прорастать в моем сердце. Если я научился жить с ближним, следовательно, я научился жить в Царстве Божием. Вот тайна Царства Божия, которую открывает нам Иисус Христос Своей проповедью и Своей жизнью для того, чтобы мы ею жили, чтобы она стала опытом нашего сердца. Когда Иисус Христос говорил о приближении Царства Божия, Он имел в виду этот момент.

Опыт Царствия Божия приобретается через совместное усилие Бога и человека.

Бог пробивается к нам с усилием, через нашу глухоту и слепоту, через лень и расслабленность, через наши запутанные отношения, и тот, кто хочет приблизиться к Нему, должен постараться забыть о себе, открыть Ему свое сердце, принять Семя Божие и растить его. На верность Бога человек должен ответить верностью и любовью.

Но не все люди видят и слышат Христа, «видя не видят и слыша не понимают» (Лк 8: 10). Мешают страх, пороки нашего сердца: мы боимся Его слов, потому что их нужно воплощать. Мы боимся не только сами любить, но боимся позволить Господу нас любить, быть Им одаренными, а без принятия Его дара любви нет христианства.

Многие из нас оказались трудной почвой для Божьего семени, такой трудной, что брошенное в нее семя даже не проросло, или едва смогло прорасти и увяло, или проросло, но плодов не принесло. Слово Божие, услышанное нами, часто остается только в нашей памяти, не прорастая в наше сердце, не принося плода.

Но мы видим учеников Христа, принявших новый опыт Божьего откровения, которым «дано знать тайны Царствия Божия» (Лк 8: 10). Они и есть в притче добрая почва, приносящая сторичный плод. В них истинно совершилась любовь Божия, потому что Слово Христа они не только услышали и радостно откликнулись на Него, но и сохранили Его в своих добрых и чистых сердцах. Жизнь Иисуса Христа стала их жизнью.

Аминь.

24 октября 1996 г.

Священник Георгий Кочетков: Современное богословие

Богословие и философия

Современное богословие — тема, не имеющая границ: можно об этом говорить очень много, а можно говорить и очень мало, в зависимости от того, как говорить и для чего или для кого говорить.

Совершенно ясно, что и по сей день мы имеем кризис богословия, и многим оно кажется ненужным, даже вредным для духовной жизни, ибо далеко от жизни и очень жестко, многим оно представляется противоречащим принципам любви, свободы личности и единства.

Здесь вспоминается одно яркое выражение Сергея Сергеевича Аверинцева, что на Страшном суде хуже всех будет богословам. И о. Александр Шмеман говорил, что теперь «к богословию

относятся неприязненно или с недоверием. Богословие стало уделом одних богословов» (1, с. 3). И он же отмечал, что «у нас богословием называют многое,» так что есть «злоупотребление словом, или расслабление слова», и это есть «первородный грех, яд которого отравляет и нашу духовную жизнь. Любое слово мы употребляем в любом смысле» (там же).

Увы, это действительно часто так. И поэтому, наверное, нам нужно как-то определиться, попытаться хотя бы подвести общий базис для современного разговора на любые богословские темы, в том числе об экклезиологии.

Тут могут сказать, что есть же замечательные издания последних времен, делались прекрасные доклады и издавались книги, которые сейчас вышли в свет, и все это можно просто прочитать. Это, наверное, в какой-то степени правильно, если иметь для этого время и достаточную подготовку. И для таковых мне хотелось бы сразу сослаться здесь на курс лекций по догматическому богословию о. Александра Шмемана «Введение в богословие», опубликованный в 1993 году, на работы о. Иоанна Мейендорфа, в частности, «Введение в святоотеческое богословие», на его доклады, включенные в сборники «Синергия» и «Православие и современный мир», или, например, на интересный доклад епископа Каллиста (Уэра) о богословии на Пятой международной конференции Syndesmos'a по христианскому образованию, проходившей на Халки в 1994 году, русский перевод которого опубликован в журнале «Православная община» № 24. Интересны и интенсивно перепечатаваемые ныне в России старые работы — как начала века (например, в трехтомном энциклопедическом словаре «Христианство»), так и, конечно, святоотеческие, — хотя ни одна из современных работ по богословию, естественно, не обходит вниманием наследие святых отцов. (Всеми этими работами мы в основном и будем пользоваться).

В определениях богословия, вообще говоря, много путаницы. Готовясь к этому выступлению, я с удивлением увидел, что просто взять какое-то одно из определений, данных даже очень авторитетными авторами (иногда даже святыми отцами), невозможно, ибо иногда эти определения лишь дополняют друг друга, но иногда противоречат друг другу, иногда они слишком односторонни, а иногда слишком сильно обобщены и даже преувеличены.

Например, подчас противопоставляются определения богословия, опирающиеся исключительно или на опыт Богопознания, или на дар Богооткровения, иногда говорят (это из доклада владыки Каллиста), что богословие есть Премудрость и поэтому оно — Сам Иисус Христос (2, с. 86). Это красивое выражение, но, может быть, все-таки несколько преувеличенное. Или еще можно прочитать (у о. Александра Шмемана), что богословие есть высшее призвание (1, с. 3). Есть у того же епископа Каллиста и такое высказывание, что богословие — это всеобъемлющий образ жизни, ибо оно само по себе есть «всецелое преобразование через вхождение Духа Святого» (2, с. 88).

Конечно, возможно, вне контекста эти и подобные им выражения покажутся странными, в контексте они иногда звучат мягче и, может быть, лишь усиливают мысль тех или иных авторов. Но как бы то ни было, сейчас все, видимо, согласится с тем, что источником богословия являются вместе и Священное Писание, и Священное Предание, в том высшем смысле, в котором мы употребляем эти слова, а также вытекающий отсюда вероучительный и литургический опыт Церкви.

Родоначальниками систематического христианского богословия являются древнеалександрийские учителя Климент Александрийский и Ориген. Нельзя забывать, что самого слова «богословие» в Библии не существует. Это не библейское, а эллинское понятие, и это достаточно важно. «Потребность богословствовать родилась, — как пишет о. Александр Шмеман, — впервые в Александрии, но не только из желания защиты веры от ее врагов» (1, с.

19). Хотя заметим, что это, может быть, наиболее распространенная точка зрения, будто именно апологетическая цель здесь была главной и чуть ли не единственной побудительной причиной. Очень важно отметить, что это не только так. Потребность богословствовать в Церкви возникла прежде всего из внутреннего почину, из потребности внутренней духовной жизни, даже из необходимости ее, «из некоего богословского эроса» (там же), как иногда говорили святые отцы, склонные к личной, особенно к созерцательной мистике. Правда, тут, вероятно, надо было бы оттенить еще один момент, добавив третий церковный источник богословствования в Церкви. Конечно, оно родилось и из системы оглашения взрослых и подготовки для него катехизаторов. Не случайно же у истоков его стоят именно Климент Александрийский и Ориген (см. там же), то есть те, кто наиболее успешно возглавлял александрийскую школу катехетов.

Христианская доктрина развивалась постепенно. Мы можем о ней говорить уже, наверное, с середины второго века. Она начинает развиваться с этого времени как система научения и как наука, но «фундаментом не только самого учения, но и литургического опыта в Церкви всегда остаются символ, Евангелие и апостольская преемственность» (1, с. 18). Впрочем, Церковь, как говорит о. Александр Шмеман, «когда-то жила и без писаного Евангелия, и без оформленной иерархии, но она никогда не оставалась без Евхаристии» (там же). Из этого он делает интересный для нас вывод, что «только через литургию можно вернуть и возродить богословие и церковное благочестие» (там же). Мы к этому могли бы добавить лишь одно — и через Крещение в его полноте, ибо Церковь никогда не жила и без Крещения, составляющего с Евхаристией единое таинство Просвещения.

В связи с этим встает проблема изучения и усвоения опыта святых отцов. Конечно, всем членам церкви католической традиции это очень понятно, и вряд ли кто-то будет спорить с тем, что наша вера и жизнь — отеческие в принципе. Но и здесь, по мнению о. Иоанна Мейендорфа, «следует всегда помнить, что Церковь определяет себя как Церковь апостольская, а не святоотеческая. Святым отцом почитается тот, кто в правильных (или, если употребить выражение св. Василия Великого, в «богоприличных») понятиях толкует апостольскую веру для своих современников. Такой человек ясно видит проблемы своего времени и проповедует христианство таким образом, чтобы разрешить эти проблемы, ответить на вопросы, противостоять заблуждениям. Четкая «юридическая» формулировка в таком случае невозможна: вся Церковь, все Предание служит критерием. Это отсутствие четких определений в каком-то смысле представляет большое неудобство — люди любят, чтобы их направляли, ими руководили, им указывали, как поступать и что думать. Возникновение папства в каком-то смысле можно рассматривать как проявление этого всеобщего желания четких правил, внешних критериев и рецептов истины (3, с. 9).

Святость святых отцов не означает, что они «были абсолютно безгрешны: один Бог без греха. Церковь никогда не считала безгрешность условием признания кого-то святым» (там же).

«Если мы считаем писания святых отцов Церкви свидетельством истины, нам следует пребывать с ними в духовной преемственности. Это отнюдь не означает, что мы должны слепо повторять все, что написано у святых отцов, а скорее предполагает усвоение некоей внутренней логики, интуиции, последовательности развития святоотеческой мысли. На этом святом пути всегда существует опасность впасть в ересь, однако не следует забывать, что никакой человек, просто в силу своей человеческой ограниченности, не свободен от такой опасности, и что, с другой стороны, вполне еретиком является один лишь дьявол, раз и навсегда сказавший Богу «нет».

Как и все люди, отцы Церкви жили в конкретной исторической и культурной обстановке, и их писания были ответами на определенные вопросы, адресованные конкретным людям. А по

поводу ереси повторим еще раз: в нашем падшем мире полной свободы от заблуждений не существует, и в каком-то смысле люди даже «имеют право» на заблуждения. Еретические утверждения можно отыскать у любого святого отца. Но не существует такого явления, как полный, абсолютный еретик... Только вера Церкви как единого целого, как сообщества верующих, объединенных и ведомых единым Духом, может «опознать» ересь, может провести границу между истиной и заблуждением, обеспечить ее преемственность и постоянство христианской мысли во времени и пространстве, которые и составляют сущность церковного Предания» (3, с. 10-11).

Богословие, таким образом, всегда современно и требует нового языка для вечно новой Христовой Истины. По словам о. Александра Шмемана, «нахождение нового языка для новой истины и есть заслуга святых отцов» (1, с. 22). Отсюда, в частности, проистекает и наша задача воцерковления умов людей, приходящих ко Христу и живущих в Церкви.

«Когда нужно было исповедование тех фактов, о которых повествует Священное писание, то для выковывания «богоприличных слов» отцы не пренебрегали и профанным языком и, обращаясь к языку своего времени, употребляли его на служение истине» (1, с. 24).

«Человек не есть «tabula rasa». У него имеются какие-то предпосылки; поэтому истина о Церкви была дана миру на том языке, на котором он был способен ее воспринять» (1, с. 14).

«Новый язык для новой истины», конечно, означает и «традиционный». Традиционность — вещь неотъемлемая от церковной духовной жизни, откуда она, хотя бы иногда и противоречива, но все же неразрывна с церковным преданием. И здесь, в связи с этой традиционностью, и в то же время в связи вообще с проблемой языка церкви надо признать, что существует и проблема церковнославянского языка, который, по выражению о. Александра Шмемана, является лишь «осколком греческого» (1, с. 29).

С этим вопросом тесно связаны и другие проблемы, в частности, противоречие языка церкви и школы. Язык церкви часто расходился и расходится с языком богословских школ. «Язык Церкви стал не языком школы, а язык школы — не языком Церкви. Оттуда же был взят и весь особый мир духовной школы, и между ним и жизнью Церкви получился разрыв», — утверждает о. Александр (1, с. 31).

Есть и более общая проблема противоречия светского (в том числе культуры) и церковного, или, лучше сказать, светского и духовного. «Единство культуры и Церкви, которое существовало на Московской Руси, нарушилось», и не случайно у нас в XIX веке возникает светское богословие, но уже в XX веке, большей частью за рубежами России, произошла встреча этих путей — «пути Церкви и пути культуры» (1, с. 33-34).

Хотя бы частичное решение проблем языка и эта встреча привели во многих случаях к реабилитации человеческого ума. Но, как об этом пишет о. Александр Шмеман, «ум надо реабилитировать не по человеческому разуму (ratio), а по Логосу, через который воплощается подобие Божие в человеке» (1, с. 34). В связи с этим в наше время обострились новые проблемы, в частности, связанные с критикой разума и, следовательно, с научной критикой.

И здесь надо вспомнить, насколько критика, свойственная всякому человеческому разуму, его труду и его методу, «определялась трезвым взглядом на вещи, и до того, как она стала разрушительной, критика составляла основную добродетель монаха и аскета, ибо главным моментом ее является рассуждение, трезвость... А трезвость является одной из первых ступеней на пути христианского богословия. Эта трезвость заключается в критике себя, в проверке эмоций, сферы душевного» (1, с. 35).

Таким образом, всем нам нужно стремиться к тому, чтобы в Церкви достигалась полнота духа и смысла, чтобы «сбросить те разноцветные бумажки, которые навешивались (на протяжении длительного времени) на христианство, ибо ложная защита христианства не нужна» (там же).

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что само «богословие не является чем-то раз и навсегда готовым и очерченным, как бы упавшим с неба. Оно есть продукт непрерывного творческого процесса, который можно охарактеризовать как «творимую современность». Богословие всегда будет зависеть как от наших духовных потребностей, так и от степени слияния его с православной Церковью и проникновения той Истиной, которую Церковь с собою несет» (1, с. 34).

Теперь остановимся на некоторых современных методах богословствования. Среди этих методов мне бы хотелось более всего сейчас остановиться, не имея возможности говорить об этом подробно, на методах историческом и литургическом. В связи с первым из них подчеркнем, что «богословие, — как говорит об этом о. Александр Шмеман, — не есть органическое развитие самих фактов, ибо они всегда были, а познание их. Поэтому богослов обязан, прежде всего, знать факты» (1, с. 37), но «апостольская преемственность и передача богословских истин есть та же (но уже метаисторическая) передача Христа» (1, с. 38).

«Христианство не стало систематическим осколком истории, оно находится в постоянном становлении. И истину мы схватываем не в разорванных, отдельных ее частях, а во всей ее плироме (т. е. во всей ее совокупности, полноте и целостности), как некое органическое целое. Проповедь христианства о Царствии Божиим тоже дана нам (как бы) в историческом аспекте. Символом Царствия всегда является нечто такое, что может расти, развиваться» (там же), как мы все это хорошо помним по евангельским притчам. Эти символы являют собой нечто органичное, а не «какую-то абстрактную систему понятий» (там же).

«Относиться честно и правдиво к истории не значит мерить прошлым современную церковную жизнь, любить или не любить ее из-за ее прошлого (такой подход типичен для консерватора или активиста). Нужно любить то, что в ней истинно, любить в ней Христа, Который вчера, сегодня и вовеки тот же, Которому угодно было создать Свое Тело в истории» (1, с. 39).

Для богословия чрезвычайно важным является литургический опыт Церкви и литургический метод. «Под ним разумеется не знание только богослужебных книг, а само богослужение церкви... Древо богословия — *lex credendi* — всегда питается от *lex orandi*, это закон питания Церкви. ...Богословие есть только раскрытие открываемого Богом человеку в духовном опыте» (там же).

В связи с этим встает и наша задача актуализации кафоличности богословия. Раскрытие, о котором только что шла речь, раскрытие духовного опыта, открываемого Богом человеку, всегда должно быть кафолично.

Как замечательно пишет о. Александр, «в каждом христианине отображается весь опыт Церкви, и это есть основа христианства... Богословие есть отражение и свидетельство всей истины Церкви. Христианство в глубочайшем смысле не провинциально, не индивидуалистично, и поэтому, прежде чем что-либо в церкви отвергнуть, надо убедиться, что оно не совпадает с истиной Церкви, а не с нашими вкусами и желаниями. Никакого разрыва между богословием и миром быть не должно». Богословие есть путь «перерождения всего человека сообразно Христу. И сеющий и жнущий плоды богословия есть тот же Христос» (1, с. 40).

Продолжая важнейшую тему кафоличности современного богословия, напомним, что в

настоящее время мы живем в мире, который существенным образом изменился, причем, как отмечает о. Иоанн Мейендорф, прежде всего в двух отношениях. Во-первых, «как восточное, так и западное христианство может теперь считаться представленным повсюду в мире», так что «Православная церковь оказалась в основном течении экуменических (мировых) событий». Во-вторых, «все христиане стоят перед вызовом единого и в корне расцерковленного мира. Этому вызову нужно смотреть в лицо, как таковому, как проблеме, нуждающейся в богословском и духовном ответе. Для молодых поколений, где бы они ни были, несущественно, от какой именно духовной генеалогии зависит этот ответ — западной или восточной, византийской или латинской, — лишь бы он прозвучал для них истиной и жизнью. Поэтому православное богословие будет либо подлинно «кафолическим», то есть действительно для всех, либо оно не будет богословием вообще. Оно должно определить себя как «православное богословие», а не как «восточное», и это можно делать, не отказываясь от своих исторических восточных корней.

Эти явные факты нашего современного положения совсем не означают, что мы нуждаемся в том, что обычно называют «новым богословием», которое порывает с Преданием и преемственностью; но Церкви неоспоримо необходимо, чтобы богословие разрешало сегодняшние вопросы, а не повторяло старые решения старых вопросов...

В настоящее время наша задача состоит не только в том, чтобы остаться верными отцам, верными их мысли, но и в том, чтобы им подражать в их открытости проблемам своего времени. Сама история отнесла нас от культурной ограниченности, от всякого провинциализма и психологии гетто» (4, с. 57-58).

Как считает о. Иоанн, «православие может избежать новой исторической катастрофы в нашем поколении только через здоровое богословское возрождение... Нам действительно нужно богословие библейское, святоотеческое и современное... Единственное здоровое и осмысленное будущее — в богословии...» (4, с. 75-76).

По мнению того же авторитетного современного богослова, Церкви перед лицом современности «нужно избегать двух вполне конкретных опасностей». Первая из них заключается в том, что церкви следует избегать считать себя «деноминацией», а вторая в том, что церковь «не должна смотреть на себя как на секту. Те, например, кто отождествляет Православие с народностью, обязательно исключают из среды членов Церкви и даже из церковных интересов всякого и все, что не принадлежит к определенным этническим традициям.

У деноминации и секты общее то, что обе они исключительны: первая релятивистична по самому своему определению, поскольку рассматривает себя как одну (единственную) из возможных форм христианства, а вторая потому, что находит удовольствие (удовольствие действительно бесовское) в изоляции, в отделении, в отличии и в комплексе превосходства» (4, с. 76).

Задача православного богословия, по убеждению о. Иоанна, заключается в том, чтобы обе эти опасности исключить из своей жизни и осудить. «Одно только богословие, конечно, соединенное с любовью, надеждой, смирением и другими необходимыми слагаемыми истинного христианского поведения, может помочь нам открыть и полюбить свою Церковь как Церковь кафолическую.

Кафолическая Церковь, как все мы знаем, не только «универсальна». Она истинна не только в том смысле, что она обладает истиной, но также и в том, — здесь о. Иоанн говорит очень смелые слова, — что она радуется, находя истину вне себя. Она для всех людей, а не только для

тех, что являются ее членами сегодня, и она готова безо всяких условий служить повсюду любому продвижению к добру. Она страдает, если где-либо существует заблуждение или разделение, она никогда не допускает компромисса в делах веры, но бесконечно сострадательна и терпима к человеческой слабости» (4, с. 77). Во всем этом только и проявляется наше истинное Православие и победа Христа в нас и через нас.

В связи с этим возникает, естественно, особое богословское представление о Церкви — экклезиология, в первую очередь пневматологическая и персоналистическая. Вот что о таком особом вызове нашего времени, как персоналистическая экклезиология, говорит о. Иоанн Мейендорф: «Быть членом Тела Христова еще означает свободу. В конечном итоге свобода значит личное (здесь, может быть, лучше было бы перевести как «личностное» — о. Г. К.) существование... При наличии у многих христиан наших дней огромной потребности отождествления своей христианской веры с социальным активизмом, с динамикой группировок, политическими убеждениями, с утопическими теориями исторического развития, им как раз и не хватает того, что является центром новозаветного благовестия: личного живого опыта общения с личным Богом» (4, с. 70).

«На Православии лежит особая ответственность: осознать огромную важность духовного и святоотеческого понимания Церкви как Тела, являющегося одновременно и таинством... и общиной живых, свободных личностей, с их личной непосредственной ответственностью перед Богом, перед Церковью и друг перед другом...

Очевидно, что именно в этой антиномии между сакральным и личным находится ключ к пониманию авторитета Церкви. Будет ли тут что сказать православному богословию, справедливо притязующему на то, что оно сохранило равновесие между авторитетом, свободой и ответственностью за истину?» (4, с. 71-72). Хотя бы и в малой степени, но теперь в России это зависит и от нас.

Итак, завершая это выступление, мне хотелось бы как-то иными словами высказать то главное, что содержится в современном представлении о богословии и в нашей потребности в современном богословии, которое хочет быть и оставаться церковным, католическим и современным, а иначе оно, как мы уже знаем, и вовсе не богословие.

Да, «Бог всегда говорит, и мы отвечаем» — в такой прекрасной формуле о. Иоанна Мейендорфа содержится весь внутренний импульс нашего богословия, ибо наше богословие — это язык Церкви, это слово Церкви Богу и о Боге в ответ на слово Бога Церкви и о Церкви, это язык Богочеловечества, и значит — язык Бога, мира, жизни и человека в их единстве, святости, связи и различии.

Этот язык всегда непосредственно связан с мистическим, мистериальным и этико-эстетическим церковным опытом. Поэтому он язык восхождения, преображения, но и нисхождения, икономии, кенозиса Бога и Его Церкви. Это продолжение воплощения богочеловеческой Премудрости, и значит — язык Богопознания и гнозиса, с одной стороны, и божественного Откровения и пророчества, с другой. Это — откровение сердца и уст, откровение ушей и глаз, что предполагает возможность выражения этого опыта и на философском, и на богословском языке. Поэтому мы, желая научиться современному богословию, не должны чураться построений религиозных мыслителей и философов, которые, как и много веков назад, служат Церкви.

Путь восхождения для нас всегда связан с образом некоей ангельской «лестницы», т. е. с этико-эстетическим, сакраментально-аскетическим и мистическим опытом Богопознания, на чем особый акцент ставится в традиции Православной церкви. Но с «лестницей» связан и путь

нисхождения, что может быть выражено тем же этико-эстетическим, аскетико-сакраментальным и мистическим опытом Богооткровения, на чем нередко особым образом акцент ставился в Церкви западной. Но именно то и другое вместе являют нам полноту божественного домостроительства (икономии) в мире.

Отсюда мы можем, конечно, перебросить мостик и к проблемам богочеловеческой культуры, и к современным проблемам экологии.

Богословие есть собирание и обобщение всего опыта Церкви, как опыта Богоявления и Боговидения, Божественного Откровения и Боговедения, опыта, отраженного в Священном церковном писании, т. е. в Библии, и в исполняющем ее Священном церковном предании, а также в писаниях и преданиях отцов и в писаниях и преданиях всей Церкви.

Этот опыт всегда внешне выражается, как и всякий духовный опыт любого человека, на мифопоэтическом языке. Другого языка для этого не существует, ибо всякий язык чувств говорит о вещах субъективных, а рационалистический язык может говорить лишь о вещах объективных и научных, он может исследовать богословскую традицию, но он не будет самой тканью, выражающей живой опыт богословия.

Мифопоэтические знаки и образы могут жить тысячелетия. Но и они со временем нуждаются в специальной экспликации или в переводе. Проблема перевода в Церкви — это всегда проблема переложения того же Откровения и опыта Богопознания на такой мифопоэтический язык, который должен незаметно, но адекватно считываться современным человеком, т. е. максимально восприниматься им. Это означает уход от того, что уже не считывается и не воспринимается современным человеком, а это в свою очередь предполагает использование новых мифологем. Здесь вся суть проблем современной миссии, катехизации и богословского образования, залог их настоящего успеха.

Богословие в некотором, узком смысле есть именно учение о Божестве, церковная теория, плод созерцания Церковью Бога и Его творения, т.е. жизни, мира и человека, в молитве и в таинствах веры и жизни человека в ведомой благодатью Божьей церковной общине.

Таким образом, богословие есть и способ церковного свидетельства, так чтобы человек, и свидетельствующий, и получающий это свидетельство, мог стать церковным, ибо богословие есть способ восприятия и передачи «силы и славы и энергии Божией», по выражению Дидима Слепца.

Богословие всегда открыто — и вверх, и вниз, ивширь, т. е. и по вертикали, и по горизонтали, и для духовного познания, и для восприятия откровения, оно открыто ко всем людям, ко всему живому и ко всему тому миру, который не отвернулся от Бога. Закрытое богословие не подлинно, даже если оно внешне правильно повторяет все прежде известные формулы и формы истинного Богооткровения и Богопознания.

ЛитератураПротопр. Александр Шмеман. Введение в богословие. Курс лекций по догматическому богословию. М., 1993.

Еп. Каллист (Уэр). Богословское образование в Писании и у св. отцов. Доклад на V международной конференции по христианскому образованию (Халки, август 1994 г.). Православная община, № 24 (6), 1994, с. 83-92.

Протопр. Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Конспект лекций. Пер. с англ. Ларисы Волохонской. Изд. 2-е. Вильнюс-Москва, Весть, 1992.

Протопр. Иоанн Мейендорф. Православное богословие в современном мире. Пер. с англ. В сб.: Православие и современный мир. Минск: Лучи Софии, 1995, с. 57-78.

Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. И.Д. Андреев и др. Богословие. Т. 1, с. 275-286.

Протопр. Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире. Лекция в Минском епархиальном управлении (июнь, 1992). В сб.: Православие и современный мир. Минск. Лучи Софии, 1995, с. 4-30.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Переписка клириков Свято-Сретенского храма Херсонской епархии с митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром

Церковная жизнь

От редакции

Проблемы, стоящие сейчас перед православием в области богослужебного языка, полноты участия прихожан в богослужении и т. д., вообще — в открытости современным людям, ищущим (пусть непоследовательно) Бога и Церковь, очень серьезны. Уповать на то, что все они разрешатся сами собой, естественно, не приходится: известна позиция «охранителей православия», видящих ересь в любом непривычном для них слове или действии. Но опасна и «обратная» позиция, когда нужное и полезное вводится в церковную практику или без достаточной опоры на Предание, или без поддержки и корректировки других заинтересованных в том же приходов и отдельных христиан, или — с некоторым вызовом и обличением тех, кто даже «по должности» не имеет права на принятие однозначных и мгновенных решений.

Вышеприведенные материалы публикуются как пример ситуации, о которой говорил в феврале 1994 г. на конференции «Православие и обновленчество» проф. Московской духовной академии А.И. Осипов: «Если чайник запаять и потом нагревать, понятно, что будет». Многие в конфликте, описанном в этих текстах, объяснимо именно наличием такой ситуации. И все же — самим доводить ее до крайности, вставить в прямую оппозицию представителям церковной иерархии (тем более, признающим искренность священника и его желание помочь Церкви — см. письмо архиеп. Феодосия) — дело вряд ли плодотворное и перспективное.

Будем надеяться, что у обеих сторон хватит терпения, мудрости и Любви, чтобы «хромлющее не совратилось, а лучше исправилось» (Евр 12: 13). В Церкви, основанной на Любви, не должно быть «победившей стороны». Победить во всех может лишь Иисус Христос — Ника — единый Победитель смерти и ада.

Письмо митрополиту Киевскому и всея Украины Владимиру

Ваше Блаженство, досточтимый Владыка Митрополит Владимир!

После долгих колебаний решил написать Вам это пространное письмо. Учитывая Вашу занятость, думаю, что читать его не к спеху, а если много срочных дел, то, может, стоит отложить прочтение и на совершенно неограниченное время. Эти строки — плод моего опыта служения приходским священником в церкви. И мне хотелось им с Вами поделиться не как с главой церкви, а как с простым человеком-христианином. Цель моего письма только одна — попытаться стать понятным. Достичь понимания не столько для себя как индивидуальности, сколько себя как представителя молодого поколения христиан.

Почему именно Вам я адресовал это письмо? Первое, — когда я беседовал с Вами — брал интервью для газеты «Христианин Таврии» (это был небольшой по времени разговор), я почувствовал нечто такое, что сложно объяснить, — некое ощущение, которое я до сих пор помню. Это «нечто» заставляло к Вам относиться с особым уважением. Во-вторых, Вы — предстоятель церкви, и от совершенства Вашей информированности будет многое зависеть в благоустройстве Тела Христова на земле.

Немного о себе. Я — священник Иоанн, настоятель храма Сретения Господня в г. Херсоне. Родился и был воспитан в семье протоиерея Петра Замараева, которого чту как отца по плоти и по духу, который полностью, без остатка, посвятил себя Богу и Церкви. После учебы в светских учебных заведениях я поступил и окончил Одесскую духовную семинарию и Ленинградскую духовную академию. Затем покойным блаженной памяти высокопреосвященнейшим митрополитом Одесским и Херсонским Сергием (Петровым) рукоположен сначала во диакона, а затем и в сан священника и назначен настоятелем в Свято-Сретенскую церковь, где и служу по сей день.

... 10 лет служения моего в этом храме проходило на фоне искреннего старания стяжать добрые отношения с представителями церковной иерархии и постоянных в этом неудач. Наверняка в чем-то и я виноват, а может быть, по неведению, и во всем виноват, но совесть меня не обличает...

Поскольку община нашего храма, когда я только приступил к служению в нем, состояла из нескольких старушек, первое, с чего я начал, — это посещение различных светских учреждений и проведение бесед о христианстве и Церкви. Тогда это уже светскими властями позволялось. Учитывая то, что я с юности посвятил себя диалогу с неверующими и к этому времени у меня был уже достаточно большой опыт, мне это было нетрудно и в удовольствие. Разумеется, после подобных мероприятий приходили в церковь единицы, а отнюдь не толпы людей, но и это для меня было важно. Да я и не ставил перед собой невыполнимой цели: после беседы все как один — в храм. Главное, всем нравилось, вроде бы все были довольны.

Довольны, да не все. Моя активность в проповеди была отмечена тогдашним секретарем митрополита протоиереем Михаилом Гаркушенко. Он вызвал меня «на ковер», отчитал меня за «самовольные» (без согласования с ним) лекции и запретил впредь без особого благословения любые выступления в общественных местах. Мне было не совсем понятно, зачем каждый раз согласовывать с ним то, что я обязан делать даже не как священник, а просто как христианин, но, как у нас говорят, «послушание выше поста и молитвы» (не знаю, правда, откуда эти слова — у святых отцов не встречал). Ладно — «простите, благословите, больше не повторится». И в дальнейшем, когда меня приглашали благовествовать в школу или библиотеку, в институт или на фабрику, я просил руководство этих заведений ходатайствовать о разрешении мне выступать непосредственно у секретаря епархии. Отец Михаил, по непонятным для меня причинам, старался благословить на лекцию какого-либо другого священника.

Я далек от мысли считать себя более достойным или умным. Конечно, каждый человек в чем-то уникален и несомненно обладает иными качествами в большей степени, чем его ближний, но, думаю, несомненно и то, что не каждый человек может на достаточно высоком уровне проводить публичные беседы.

Город Херсон, как у нас говорят, — большое село, и поэтому не совсем удачные выступления других священников стали общеизвестными. Поэтому многие руководители организаций стали обращаться с приглашениями ко мне лично. Отец секретарь — против, люди — упрашивают, я после колебаний — соглашаюсь: «ковер», оправдания, конфликт... С этого и начинается история развития дефицита любви к духовному начальству.

Особенно напряженной, помню, была ссора после моего выступления на телевидении. Дело в том, что я получил устное благословение отца секретаря на телепередачу по местному телеканалу, но выход передачи затянулся более, чем на три месяца, а к тому времени отец Михаил забыл о своем благословении и, когда увидел меня на экране своего телевизора, пришел в бешенство. Бегал по двору кафедрального собора и, встречая любого, даже не имеющего непосредственного отношения к данной ситуации человека, в исступлении выплескивал свой гнев. Несдобровать бы мне, если бы не мои перед ним «заслуги» — составлял епархиальные отчеты, писал статьи, готовил для него выступления. Долго серчал он на меня, но потом остыл. Нельзя сказать, чтобы надолго. Открыл при храме духовные школы для взрослых и детей — «почему без благословения?», выехал с общиной на природу — «почему без разрешения?» и т. д. и т. д.

После внезапной кончины приснопамятного владыки митрополита Сергия на Одесско-Херсонскую кафедру был назначен митрополит Леонтий. К этому времени я уже был готов к реализации некоторых проектов относительно евангелизации и воцерковления, поэтому 8 ноября 1990 года я направил владыке пространное прошение, выдержки из которого я хочу привести ниже.

«... Многие поселки, села и районы нашей области не имеют действующих храмов. В кратчайшие сроки открыть их повсеместно не представляется возможным. На мой взгляд, целесообразно иметь переносной престол и св. антиминс с тем, чтобы иметь возможность совершать богослужения как в подходящих помещениях, так и под открытым небом в тех районах, где люди более всего в этом нуждаются...» (При нашем храме уже тогда был большой автобус.) Далее я просил владыку Леонтия благословить на этот труд меня, а в наш храм дать второго священника. Затем следовало еще несколько пунктов прошения:

«Прошу благословения Вашего Высокопреосвященства организовать при нашем храме бюро паломничества и экскурсий по храмам Херсонской области. Кадры для проведения экскурсий, для ознакомления с историей святыни нашего края имеются среди глубоковерующих и образованных прихожан нашего храма...»

«Прошу Вашего благословения организовать копировальный цех для размножения религиозной литературы. Параллельно имеет смысл держать переплетную мастерскую... Доходы от печати будут перечисляться в епархиальную казну...»

«Много людей болящих, страждущих, прикованных к одру болезни, которые лишены посещения храма и участия в богослужениях. Я консультировался с представителями местных гражданских властей и получил предварительное «добро» на установку радиостанции, транслирующей на коротких волнах богослужения и проповеди. Если Ваше Высокопреосвященство благословит, я продолжу настаивать на разрешении этого предприятия».

Вскоре, к моей великой радости, канцелярия Одесско-Херсонско-го управления письменно сообщила мне о резолюции митрополита: «9.11.90 г. Дорогой о. Иоанн! Божие Вам благословение и мое на благое дело. Приступайте неленостно трудиться на благо Церкви Христовой и народа Божьего. Митрополит Леонтий.» Вскоре на служение в наш храм был назначен и мой отец, протоиерей Петр.

Жизнь закипела. Мной был взят солидный денежный кредит, приобретено оборудование, заключены договора для наладки аппаратуры, приняты рабочие. Начали совершаться выездные богослужения. И все это было как никогда замечательно, если бы не человеческая зависть. Есть у нас в Херсоне два священника — настоятели храмов, болезненно относящихся к любому успеху ближнего (не хочу называть их имена). Они стали внушать архиерею мысль о том, что я — человек коммерческий, стяжательный, жадный, и вся моя деятельность сводится к стремлению обогатиться.

Мне это было очень обидно слышать, потому что материальные блага никогда не были у меня на первом месте. И по сей день у меня нет ни своего дома, ни своей квартиры, и родители мои не имеют ни метра жилплощади. Живем в церковном домике с обвалившимся потолком и надеемся отремонтировать его по завершении строительства купола и колокольни храма.

И все же ложь почему-то всегда правдоподобней. По прошествии некоторого времени, когда уже готовы были сойти с конвейера первые молитвословы, я получаю распоряжение митрополита Леонтия, теперь уже Херсонского и Таврического, от 6 апреля 1991 года: «Настоящим распоряжением отменяется, полностью аннулируется прежняя наша резолюция о благословении на организацию походной церкви и сопутствующих мероприятий». А 19 апреля 1991 года был разослан отцам-настоятелям циркуляр: «... В случае, если настоятель Свято-Сретенской церкви г. Херсона священник Иоанн Замараев лично сам или через своих людей будет предлагать какую-либо духовную литературу, то ни в коем случае нет благословения приобретать таковую». Хочу здесь сказать, что до этих санкций с моей стороны не было ни одной попытки распространять книги, минуя епархию.

С ознобом вспоминаю свои ощущения в те дни. Начатое дело, кредит, обязательства перед рабочими, наладчиками, партнерами. Но это вопросы внешние. Главное, — мне было не понять, почему люди должны испытывать дефицит в религиозной литературе, особенно редкой, не печатающейся большими тиражами? С этим я уже был не согласен по существу.

Это был переломный момент в моем чинопочитании. Именно с этого дня я решился руководствоваться не распоряжениями, а голосом совести.

Несмотря на запрет, я начал печатать литературу, распространять ее. Чуть позже я открыл в центре города маленький магазинчик «Христианская книга».

События продолжали развиваться. Митрополит Леонтий, видя мое непослушание, с целью физически ограничить возможности моей деятельности в начале страстной седмицы того же 1991 года переводит моего отца в Свято-Духовский собор. Я остаюсь один и, понятно, не в состоянии справиться с совершением богослужений в храме и на выезде, требоисполнением и управлением производством. Действительно, перевод протоиерея Петра был сокрушительным аргументом против меня, и, по всей видимости, этим все мои фантазии должны были закончиться. Я был в глубокой скорби, делился своей печалью с Богом. Как сейчас помню, был вечер среды Страстной седмицы. Я сидел дома в своем кабинете за письменным столом. Зазвонил телефон. На линии — Ставрополь. Звонит священник Михаил Пшеничный. К этому времени у него назрели не менее острые проблемы, чем у меня, хотя и в другой плоскости...

... Отца Михаила я знал по учебе в Ленинградской духовной академии. Позже мы стали родственниками: наши супруги — родные сестры. После окончания Ленинградской духовной школы отец Михаил был направлен на родину в Ставрополье, в родительский дом. Михаил — человек трудолюбивый, добросовестный, неконфликтный, покладистый, пользовался любовью и уважением паствы и начальства. И никаких недоразумений с его характером никогда и не случилось бы, если бы не следующее обстоятельство.

Его супруга — матушка Светлана — человек слабого здоровья, очень больна сердцем. Часты опасные для жизни приступы сердечной болезни. Это усугубляется еще и своеобразным горным климатом Ставрополья, который был противопоказан ей для жизни (сама она родилась и выросла в Петербурге), и доктора настаивали на необходимости переезда семейства в другую местность с более подходящим климатом. Отец Михаил стал просить митрополита Ставропольского Гedeона дать ему отпускную грамоту. Намеревались они переехать в Ленинград, так как этот город — родина матушки Светланы. Владыка отказал. Шло время. Свете было все хуже и хуже. Михаил неоднократно пытался объяснить серьезность положения, подавал владыке прошения, но митрополит отвечал полным равнодушием к здоровью Светланы. Время шло, и самочувствие матушки стало угрожать ее жизни. К описываемому времени она уже слегла в постель, и конечности ее стали остывать. Супруг метался беспомощно, не зная, что делать, и, наконец, пришла ему мысль позвонить к нам в Херсон. Как уже было сказано выше, это был вечер среды Страстной седмицы.

События развивались быстро. Я уговорил отца Михаила подать рапорт митрополиту Гedeону и, не дожидаясь ответа, выезжать с болящей к нам в Херсон. Он так и поступил. И богослужение Великой Субботы мы служили уже вместе.

В этот же день митрополит Гedeон отправляет Леонтию телеграмму, в которой пишет, что «за непослушание и глумление над Святой Церковью» он запрещает о. Михаила в служении. Поэтому, когда отец Михаил приходит к нашему митрополиту, тот его не принимает и отправляет назад в Ставрополь. Возвращаться, понятно, нельзя, и, в результате, вполне добропорядочный священник с больной супругой и двумя малыми детьми остается на улице.

Для меня и нашей церковной общины это было детонатором уже давно готового взорваться возмущения и протеста. Это, наверное, было приблизительно тем же самым, когда в XVI веке в Виттенбергский храм прибыл монах из Рима с индульгенциями. Я принимаю решение никак не реагировать на прещения священноначалия. Во мне и в тех людях, которые меня окружали, была твердая вера, что не могут быть действительными санкции архиерея, который поступает не только вопреки христианской нравственности, но и попирает все общечеловеческие нормы морали.

Отец Михаил начинает служение в нашем храме, и, таким образом, решается его семейная проблема и моя церковная. В нашем храме вновь два священника.

Далее я получаю указ о запрещении меня в священнослужении, а также следует назначение в наш храм нового настоятеля — протоиерея Михаила Гаркушенко. Началась открытая конфронтация. Наша община его не принимает. Нужно сказать, что к тому времени наш храм стало посещать много молодых, инициативных, энергичных людей. Причем, таковых было уже более 200 человек, поэтому силой захватить храм сторонникам епархиальных властей не удалось.

В ближайшее воскресенье было проведено общее собрание общины, на котором присутствовал в качестве представителя епархии тот же отец Гаркушенко, от светских властей — В.Н. Панченко, уполномоченный по делам религий. На этом собрании была выплеснута буря

негодования о случившемся. И, как результат собрания, было решено внести изменения в Устав общины, а именно: постановили, что впредь все распоряжения вышестоящих церковных властей считать вступившими в силу только после принятия их всей приходской общиной на общем собрании.

Немногим позже был выработан Устав, принят общиной и утвержден исполкомом. С тех пор началась спокойная, благостная, творческая жизнь общины. Проклятия в мой адрес, в адрес моей семьи и окружения, гласно произносимые в алтаре митрополитом Леонтием, не действовали, а если и действовали, то на него самого — вскоре он умер, а с ним — и все прещения.

... Приход на Херсонскую кафедру епископа Илариона (в миру Романа Шукало) был для меня весьма обнадеживающим. Мы вместе поступали и учились в Одесской духовной семинарии и были в хороших отношениях. Но дело не в этом. Несмотря на проблемы взаимоотношения его как епископа с нашей общиной, которых тоже было достаточно, сейчас я уже могу с уверенностью сказать, что, насколько я знаю украинский епископат, Иларион — один из самых лучших владык. Его отличают здравомыслие, простота взаимоотношений, большая работоспособность. Есть, как и у всякого человека, недостатки, но говорить о них здесь вряд ли уместно. Корень проблемы в том общеправославном духе жесткой косности, который сформировался у нас уже много столетий назад. «Держать и не пущать», шаг вправо, шаг влево — провокация. «Что ты творишь! В каком храме ты это видел? Хоть в одном храме Украины это есть?.. Почему без благословения?.. Я не благословляю».

«Благословляю», «Не благословляю» — этот принцип взаимоотношения между священником и епископом вообще мне непонятен.

Епископ (греч. episkopos) — это надзиратель, блюститель, в данном случае вероучения и нравственности. Насколько нас учили в духовных школах, епископ наделен исполнительной властью. Законодательная власть принадлежит только собору, на котором принимаются правила, каноны, регламентирующие церковную жизнь. Если правила церковные предписывают поступать так-то и так-то, как может епископ это запретить, или же, наоборот, если закон запрещает что-либо, как архиерей может благословить? Другое дело, если я нарушил закон — функция епископа как надзирателя выявить преступление и наказать виновного. Есть анекдот: у католиков — что нельзя, то нельзя; у протестантов — что можно, то можно; у неверующих — что нельзя, то можно; у православных — что можно, то нельзя. Разве не основной принцип любого права — «что не запрещено — то разрешено»?

Совсем недавно произошел с моим одноклассником по ЛДА протоиереем Александром Михайленко (служит настоятелем в г. Бориславе Херсонской области) одновременно и смешной, и плачевный случай. Решив отдохнуть и получив у владыки Илариона письменное разрешение на отпуск с правом выезда за пределы епархии, отец Александр часть отпуска посвятил паломничеству во святой град Иерусалим, желая поклониться Гробу Господню, что и осуществил. Вернувшись домой, он оказался в запрете за поездку в Иерусалим без благословения (!!!).

Буквально на днях актив нашей общины выехал на природу. Выезд состоялся в 7 часов утра в воскресенье (в храме богослужение проходило своим чередом). Заехали в лес, выбрали живописную поляну. Пение птиц, стрекотание кузнечиков. Тишина, аромат, солнышко, уют. Как мы все же истосковались по общению с природой! Здесь в наиболее подходящем месте мы поставили переносной престол с антимином, жертвенник, аналои с местными иконами. Совершили полным чином проскомидию, литургию. Почти все причастились Святых Христовых Таин. Затем трапеза, общение. К обеду поехали на море в Железный Порт. И там отдохнули, и

к вечеру в добром здравии, с прекрасными впечатлениями возвратились в Херсон...

Что только не высказал архиепископ в мой адрес, квалифицируя совершение литургии под открытым небом не иначе, как кощунство, называя меня [...] и торжественно обещая прислать указ о запрещении меня в служении!

Я не думаю, что владыка Иларион взъелся на меня, или же в словах и действиях его есть какая-то злонамеренность. Парадокс заключается в том, что будь на его месте другой епископ, скорее всего ситуация была бы аналогичной, если не более острой. По всей видимости, это недоразумение или недопонимание сути дела, неумение отличить форму от содержания...

Как я реагирую на эти и подобные вещи? Стараюсь никак не реагировать. Было искушение говорить об этом с амвона — выдержал. Зачем углублять трещину в отношениях с правящим епископом? Был в одно время соблазн использовать для критики страницы газеты «Христианин Таврии», которая содержится и редактируется общиной нашего храма, — не стал и этого делать, дабы не усиливать разделение.

Но, может быть, следовало просто не создавать предпосылки для недовольства, ничего не менять, никаких нововведений, не смущать других, быть таким послушным, как говорят, тише воды, ниже травы, пай-мальчиком: «простите, благословите» — и никаких печалей? Кстати говоря, очень многие из моих братьев-священников старшего поколения так мне постоянно и советуют. Безусловно, последуй я подобным советам — все было бы в этом отношении в порядке: мир, тишина, никаких конфликтов, ссор, проблем.

Но без проблем не прожить. Так уж, наверное, Богу угодно. Вот в других храмах нашего города все тихо, спокойно — идиллия, никаких ссор с епископом, а людей нет. Вот и проблема. Приходят несколько старушек. А если молодой человек в храме, то или случайный захожий, или с отклонениями в психике. Разве это не проблема?

В нашем храме этот вопрос с Божией помощью решается. На сегодняшний день постоянных членов общины уже более трехсот человек. Более половины составляет молодежь. Актив общины (около пятидесяти человек) либо преподает, либо учится в духовной школе для взрослых, а также организует занятия в детской воскресной школе и в общенародной школе по изучению Библии. Актив общины также курирует детскую областную больницу. Там же находится часовня, в которой в определенные дни дежурит священник. Хотелось бы, конечно, охватить больше, успеть больше. Ведь вокруг нас всюду побелевшие нивы и множество жатвы. Но как ни странно, и то малое, что удается, совершается не благодаря епископу, а вопреки его воле, вопреки его противодействию. Здесь нужно пояснить.

Приход человека к Богу осуществляется посредством двух факторов:

1) евангелизации, т. е. проповеди, которую сейчас, как правило, произносит не проповедник, а случайный знакомый, родственник, сотрудник по работе, а иногда и сама жизнь с ее поворотами, катаклизмами, горем;

2) воцерковления — приобщения к жизни во Христе посредством Таинств Церкви, богослужения, соответствующего стиля жизни, обрядов и иных форм культуры исторического христианства.

С вопросом евангелизации все ясно — как бы она ни происходила, в конце концов, как ее следствие — человек приходит в храм. Может, конечно этот приход оказаться случайным, из любопытства, например, а потом оказаться судьбоносным. Но пришедший в первый раз в храм,

должен возжелать придти сюда еще и еще раз. Ему должно понравиться в храме, и он должен почувствовать пользу, удовлетворение тем, что происходит в храме. Храм, в конце концов, должен стать средоточием духовной жизни христианина. Должно произойти воцерковление. Но горе заключается в том, что этого-то как раз чаще всего и не происходит. Я уже не буду говорить о недоброжелательности завсегдатаев, которые норовят одернуть, упрекнуть пришедшего в храм за совершенно незначительные погрешности во внешней этикете. Что видит и что слышит молодой человек, находящийся в православном молитвенном здании?

- 1) Невнятное чтение на совершенно непонятном языке.
- 2) В лучшем случае стройное пение также непонятного содержания.
- 3) Абсолютно непонятные священнодействия; наиболее значительные из них скрываются иконостасом.

Невнятность чтения можно исправить подбором чтецов и электронным усилением, что мы и осуществили, несмотря на «уход благодати из нашего храма», кой наблюдало старое поколение ревностных ортодоксов.

С переводом богослужебных текстов труднее. Имеющиеся переводы на русский язык непригодны — безграмотны и литературно бездарны. Переводим все заново.

В связи с этим вспоминается протоиерей Всеволод Страшевский, который, будучи в свое время секретарем митрополита по Херсонской области, стал читать Св. Евангелие в кафедральном Свято-Духовском соборе на русском языке. Это был приблизительно 1969 год. Донесли, и владыка наказал его епитимьей — на год земными поклонами в храме в каком-то большом количестве.

Весьма значительным событием в богослужебной жизни нашей общины стало открытие евхаристического канона, который впредь совершается гласно, и верующие могут сообща участвовать в молитве, которая по своей сути является литургической, т. е. общей, которую, кстати, по правилам церкви, единолично не имеет право совершать ни пресвитер, ни епископ. Это послужило возможностью для мирян более глубокого осмысления Таинства Таинств и благоговейного стремления к нему. Причащаются Св. Тела и Крови Христовых в нашем храме еженощно абсолютное большинство прихожан.

Удалось преодолеть, на мой взгляд, абсурдное обыкновение совершать таинство исповеди в самый день причастия, когда перед литургией стоит толпа кающихся в надежде попасть к священнику на три минуты для диалога: «Грешна? — Да. — Каешься? — Да. — Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти чадо...» В нашем храме в любой день человек может придти на исповедь, а затем причаститься в течение месяца за любой литургией по желанию. Зато если какому-то человеку нужно уделить час или два часа для беседы, ему в этом отказано не будет.

Думаю, не стоит описывать реакцию архиерея на подобные изменения.

Вообще, наше «православное» сознание поражено многими идеями фикс. Но вот самая страшная, губительная идея, которая метастазами раковой опухоли пронизывает наш социальный организм, — это идея единообразия в диоцезе. «Везде должно все быть одинаково, а если что-либо преобразовывать, то общецерковным решением и всем вместе». Но это же практически невозможно. В таком громадном человеческом пространстве, как Церковь Православная, всегда найдутся сторонники и длинных монастырских богослужений, и

сокращенных. Всегда будут сторонники древних стилей иконописи, языка. Не заржавеет и за любителями української мови і національними вишиванками на священнических облачениях. Ну и что же здесь плохого? Пусть в одном храме поют Бортнянского, в другом — Знаменный распев, в третьем — Евангелие читают на языке оригинала, в четвертом — пусть богослужение совершается на коптском или эфиопском, или еще каком-то обряде, в пятом — пусть создается новый обряд. Почему так прочно въелось в сознание заблуждение, что создать форму могли только в прошлом, наши отцы, деды, а нам это не под силу? Кстати, не во всем и совершенны эти формы. В процессе работы над переводом богослужебных текстов нам часто приходится сталкиваться, мягко сказать, с неудачными фрагментами гимнографии.

Два года назад при нашем храме был сформирован второй большой профессиональный хор. Но для того, чтобы не устанавливалась монополия на пение хористов и, одновременно, чтобы вовлечь в непосредственное участие всех молящихся в ход богослужения, мы решили часть песнопений литургии разучить со всем народом. А чтобы это общенародное пение было достаточно стройным, мы стали сопровождать его органом. Органные звуки синтезатора стали держать в тональности поющих, гармонизируя звучащую мелодию и скрывая тембровые дефекты голосов тех, кто не имеет никакого певческого опыта. Абсолютное большинство общины было радо нововведению. Несколько человек остались равнодушны к этому. Четыре человека свое недовольство выразили переходом в соседний Свято-Николаевский храм. Правда, трое из них через некоторое время возвратились. Самым недовольным оказался владыка Иларион. Чего только не было — и угрозы запрета, и публичные порицания, и попытки в личных беседах убедить меня отказаться от нововведений. Разговор снова и снова в той же плоскости: «а я тебя не благословляю!», «в каком православном храме ты видел орган?» Я пытался как-то объяснить, что в православной церкви нет никаких правил, запрещающих применение аппаратуры или музыкальных инструментов. И если есть у кого-либо желание восполнить этот канонический пробел, то следует поступать в соответствии с законом, т. е. поставить этот вопрос на рассмотрение Синода Украинской Православной Церкви, затем, если Синод сочтет нужным, этот вопрос должен прозвучать на Синоде Русской Православной Церкви, после этого он включается в повестку дня Собора, и если уже и здесь будут осуждены эти нововведения, продолжать использовать их будет нарушением канона и подлежит церковному наказанию.

Подобное недопонимание произошло и совсем недавно. Дело в том, что мы приобрели дорогостоящую звукозаписывающую цифровую лазерную аппаратуру, которая дает возможность осуществлять запись и воспроизведение хора такого уровня качества, которое вполне соответствует натуральному звучанию. Цель не ставилась заменить живое звучание хора фонограммой. Весь смысл — в независимости от всевозможных жизненных обстоятельств, коллизий, которые либо могут полностью сорвать богослужение, либо внешне ухудшить его качество. Хористы иногда болеют, иногда опаздывают на богослужение, иногда проявляют безответственность. И с тем, чтобы это не отражалось на богослужении, с нами наготове всегда аппаратура. А для того, чтобы никто не смог обвинить нас в том, что мы, дескать, заменили живое пение мертвой фонограммой, мы ее в чистом виде не используем, т. е. ставим одного или нескольких человек, которые поют параллельно с фонограммой.

Мы уже привыкли к возможностям аппаратуры и оцениваем их высоко. Но мы, в нашем храме, менее всех церквей Херсонской области нуждаемся в фонограмме — у нас два неплохих хора. А что делается в деревнях! Поют ведь так, что лучше и вовсе не петь. Кое-где так и делают — песнопения читают, хорошо, если грамотно и выразительно, но ведь, как правило, — нет. Да если и хороший чтец, каково, например, в пасхальную ночь слушать песнопения Пасхи в исполнении чтеца. Почему бы не использовать электронику в селах? «Благодать исчезнет?» Так она уже «исчезала», когда проводили электричество в храмы. Сколько возмущений было!

Возмущения, недовольство, ропот, обличение, порицание, осуждение, предубеждение, наказание, прещение, давление, угроза и сколько еще этих компонентов для шпаклевки, намертво законопатившей все щели окон и дверей нашей Великой Церкви! Воздух настолько сперт, что уже нечем дышать. Как уместно было бы распахнуть все двери и окна навстречу прохладному свежему воздуху! Но не подобраться к ним, ибо они бдительно охраняются епископи — стражами порядка...

Жизнь продолжается. Только начинает наш владыка Иларион успокаиваться по поводу совершения вечерних литургий по пятницам в редакции Свято-Сретенской общины для молодежи и новообращенных, как готовится к выпуску литургия в редакции для детей. И опять будет скандал. (Скорее всего.)

Я сердечно благодарен, Ваше Блаженство, дорогой владыка Владимир, за прочтение моего письма.

Искренне Ваш

свящ. Иоанн Замараев 5.09.96

ЕГО БЛАЖЕНСТВУ, БЛАЖЕННЕЙШЕМУ МИТРОПОЛИТУ КИЕВСКОМУ И ВСЕЯ УКРАИНЫ
ВЛАДИМИРУ

Копия: ИЛАРИОНУ, архиепископу Херсонскому и Таврическому

ВАШЕ БЛАЖЕНСТВО! На отношение Вашей канцелярии от 17 сентября с.г. номер 573 по поводу письма священника Иоанна Замараева честь имею ответить следующее.

Знакомясь с письмом вышеупомянутого священника, у меня сложилось мнение, что это человек честный, желающий добра Святой Церкви Христовой, человек беспокойный, ищущий, но эти поиски не всегда вмещаются в рамки Священного Писания, каноники, предания, святоотеческого учения и обычаев Православной Церкви.

[На странице 2 своего письма] он возмущается фразой: «Послушание выше поста и молитвы». Откуда это? — спрашивает он. Это взято из монастырского опыта и устава. Так учили наши древние подвижники. Но эта добродетель не только сугубо монашеская. На ней зиждутся все человеческие сообщества: без послушания нет семьи, нет школы, нет армии, нет Церкви — есть только самочиние, хаос, произвол. Послушание на небе несут Ангелы, и не только, но и даже неодушевленная природа. Что было бы с нашим миром, космосом, если бы небесные светила перестали бы слушаться, подчиняться своим законам и сошли со своих орбит? Что было бы с нами, если бы солнце перестало подчиняться силе всемирного тяготения и стало по небу ходить по своему хотению, как попало? Что было бы, если бы оно то очень приближалось, то очень удалялось от нас? Жизнь на земле погибла бы. Так что послушание — это порядок, это наша жизнь.

Учитывая все это, святые отцы в 39 правиле Канонов записали: «Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают».

То же самое говорит и 57 правило Лаодикийского Собора: «Пресвитерам ничего не творити без воли епископа».

Эти правила пусть будут ответом о. Иоанну на его недоумение по поводу архиерейского

«благословляю» и «не благословляю», о чем он пишет [на 8 странице].

[На странице 2] говорится о проповеди и лекциях. Это обязанность каждого священника. Апостол Павел пишет: «Горе мне, если не благовествую» (1 Кор 9: 16).

Согласно словам Спасителя (Мф 28: 20) и 58 правилу Св. Апостолов, священник может учить в храме, всенародно и по домам (Деян 20: 20).

Устройство воскресных школ является прямым исполнением этих постановлений, тем более, что на это есть благословение последних Поместных Соборов РПЦ и УПЦ. Но усердствуя на этом поприще, необходимо соблюдать церковные правила относительно границ приходов. Поэтому в населенных пунктах, где имеется несколько церковных общин, для того, чтобы не нарушать 20 правила шестого Вселенского Собора, лучше всего во время проповеди вне своего прихода руководствоваться 39 правилом Святых Апостолов и 57 правилом Лаодикийского собора, то есть испрашивать благословения у местного епископа.

[На 3 и 9 странице] автор письма говорит о переносном престоле и совершении богослужений, литургии «под открытым небом».

31 правило Святых Апостолов, 5 правило Антиохийского Собора, 94 правило Карфагенского Собора, а также 6 правило Гангрского Собора воспрещают без благословения епископа, по своей воле, устроить алтари в вертоградах, то есть под открытым небом. Виновные в этом являются восхитителями епископской власти и должны понести соответствующее наказание.

В письме [на 9 странице] говорится про природу, пение птиц, тишину, кузнечиков, аромат, трапезу, купанье в море, литургию и причащение.

Священник Иоанн этим нарушил 55 правило Лаодикийского собора, гласящего: «Не подобает освященным и причетникам, слагаясь, делать пиршествва». Кроме того, нарушены 77 правило шестого Вселенского Собора и 30 правило Лаодикийского Собора, запрещающие духовным лицам общее купание с мирянами.

[На 6 странице] своего письма о. Замараев пишет о своем совместном служении с запрещенным в служении священником Михаилом Пшеничным, приехавшим к нему из чужой епархии.

Из правил Святых Апостолов 12 и 33, 13 правила четвертого Вселенского Собора и 17 правила шестого Вселенского собора ясно видно, что служить вместе со священником из чужой епархии без отпускной грамоты, к тому же находящимся под запрещением, — не разрешается. Если священник Михаил Пшеничный незаконно или ошибочно архиереем был запрещен, он имел право обратиться с жалобой в более высокую инстанцию — к Патриарху.

Священник Иоанн Замараев [на страницах 11-12] поднимает вопрос о проведении таинств исповеди и причащения. Священное Писание ясно говорит, что исповедь должна предшествовать причащению: «Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно (без подготовки, без исповеди, без покаяния), повинен будет против Тела и Крови Господней».

Да испытывает себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (1 Кор 11: 27-28).

Священник Иоанн пишет: «В нашем храме в любой день человек может придти на исповедь, а затем причаститься (в письме «причащаться») в течение месяца за любой литургией по желанию».

Не только за месяц, но и за день человек может столько нагрешить, что не будет достоин Чаши Господней, не будет готов принять Святые Таинства. Поэтому практика как древней церкви, так и наших дней говорит в пользу того, чтобы исповедь, покаяние, очищение от грехов были максимально приближены к святому причастию. Попутно замечу, что в некоторых храмах исповедь практикуется вечером, во время утреннего богослужения или после него. Такой исповедываемый не успеет много нагрешить — это не месячный срок.

Если же кающийся не успеет высказаться во время исповеди, рассеять все свои сомнения, с ним нужно провести беседу до или после богослужения.

Что касается редакции, составления и перевода богослужебных текстов, о чем о. Иоанн говорит в своем письме [на страницах 11, 12 и 14], то 18 правило Лаодикийского Собора и 116 правило Карфагенского Собора запрещает составление новых молитвословий взамен уже написанных святыми отцами. Если же у кого-то из прихожан о. Замараева есть дар Божий для гимнотворчества, и этот человек имеет необходимые для этого нравственные качества и догматические познания, то для него открывается широкое поприще в деле составления служб новопрославленным святым Украинской Православной Церкви. Проект такой службы должен быть представлен на утверждение Священного Синода, как того требует 116 правило Карфагенского собора.

Относительно совершения вечерних литургий. Об этом автор письма говорит [на 14 странице]. Известно, что одной из целей литургии является вкушение Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа во оставление грехов. Люди, пришедшие вечером в храм к литургии, уже успевают вкусить гленного брашна, навряд ли будут достойны вкусить нетленной Святыни — Тела Господнего. Тем более, что 29 правило шестого Вселенского Собора, а также 50 и 38 правила Карфагенского Собора повелевают христианам приступать к причащению неядящими.

О церковном пении и чтении. В 15 правиле Лаодикийского Собора сказано: «Кроме певцов, стоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно быть иным некоторым пети в церкви».

Здесь, в этом правиле, говорится о пении, но не о музыке. Пение от души и ума, а орган, рояль, магнитофон или другое какое-либо звукопроизводящее музыкальное устройство этими качествами не обладают и потому не могут «приносить псалмопения Богу» с «великим вниманием и умилением», как того требует 75 правило шестого Вселенского Собора.

Почти 2000-летняя православная традиция не знает ничего подобного. Церковные хоры никогда не сопровождалась органной музыкой. На Западе, правда, такое имеется, но там в храмах уже танцуют, женщин рукополагают, с собаками в храм заходят и даже в автомобилях туда заезжают.

Фраза «расконопатить все щели, растворить все окна и двери» является оскорбительной для Святой Церкви. Против ломки устоявшихся церковных обычаев выступает иерейская присяга, данная при рукоположении, 2 правило шестого Вселенского Собора, 3 правило Карфагенского Собора, 21 правило Гангрского Собора и 1 правило седьмого Вселенского Собора.

Священнику о. Иоанну следует помнить, что Церковь не должна идти на поводу у времени, не должна гоняться за изменчивой модой; следует помнить, что не все то хорошо, что ново, и не все то плохо, что старо.

Если же у того или иного священника возникнут какие-либо претензии к епископу за неправильное прещение, то он должен поступить согласно 6 правилу второго Вселенского

Собора и другим каноническим правилам, регламентирующим судопроизводство в Церкви.

Из письма все же видно, что священник Иоанн Замараев горит желанием помочь Святой Церкви в столь трудное для нее время, когда все силы ада под видом забот о благе человечества, когда демоны под видом светлых ангелов штурмуют Православие и Святую Русь. Намерение о. Иоанна весьма похвальное, но методы для этой цели непригодные. Он себе позволяет самочиние. А если, отбросив канонику, все так начнут действовать? По своему разумению. Тогда в каждом приходе будет своя «церковь» и свое «православие». Церковь Христова рассыплется на мелкие осколки, на секты. Вот почему надо придерживаться апостольских правил, постановлений святых соборов и подчиняться своему священноначалию. Тут воистину «послушание выше поста и молитвы».

Да дарует же Господь всем нам дух святой ревности и единства, дух мира и смирения, дух покорности воле Божией и дух евангельского разумения.

Смиренный послушник Вашего Блаженства + Феодосий, Архиепископ Полтавский и Кременчугский

24.10.96

СПРАВКА

о недопустимости музыкальных нововведений в православное богослужение

Утверждение священника Иоанна Замараева, что «идея единообразия в диоцезе является самой страшной, губительной идеей, которая метастазами раковой опухоли пронизывает наш социальный организм» [стр. 12 его письма] противоречит апостольскому наказу держаться строго того, чему научены были (2 Тим 3: 14), а также заповеди «вся по чину да бывают» (1 Кор 14: 40).

Кроме того, правило 2 Карфагенского Собора гласит, что «церковный чин, по согласию каждого и всех вкупе, должно соблюдать».

Следовательно, употребление органа и фонограммы, каким бы привлекательным организационно это ни казалось, недопустимо как нарушение чина церковного.

При этом важно подчеркнуть, что само понятие «чин церковный» — это церковно-канонический термин, подразумевающий четко очерченный строй отправления таинства, а не сумму произволов «грамотного священника».

Поэтому до соборного суждения о позволительности технических средств музыкального сопровождения литургии не может быть и речи, — при кажущейся убедительности аргументов о. Иоанна Замараева.

Нарушение чина церковного (даже и из благих побуждений) явилось к тому же поводом для неподчинения своему епископу. Это уже само по себе влечет за собой запрещение в служении, поскольку собственная оценка себя и своей правоты выше епископской оценки деяний того священника. До церковного (синодального) суждения о. Иоанн Замараев должен все прекратить и исполнять волю Высокопреосвященного Илариона как правящего архиерея.

Киевская духовная академия

ЖУРНАЛ № 60 ЗАСЕДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ

ЦЕРКВИ

от 6 декабря 1996 года

В заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви под председательством Блаженнейшего ВЛАДИМИРА, Митрополита Киевского и всея Украины -

СЛУШАЛИ:

1. Рапорт Преосвященного Илариона, Архиепископа Донецкого и Мариупольского, временно управляющего Херсонской епархией, о ситуации, сложившейся в связи с поведением клирика Херсонской епархии священник Иоанна Замараева, который, игнорируя присягу священника, нарушает церковные каноны, церковный устав и православные традиции относительно богослужения и поведения священнослужителя.
2. Письмо священник Иоанна Замараева, клирика Херсонской епархии, в котором он пытается оправдать свои неканонические действия и нарушения церковного благочестия.

СПРАВКА:

по поручению Предстоятеля УПЦ Блаженнейшего Владимира, Митрополита Киевского и всея Украины, по этому поводу дело клирика Херсонской епархии священник Иоанна Замараева рассматривалось Синодальной Канонической Комиссией (председатель — Преосвященный Архиепископ Полтавский и Кременчугский Феодосий) и в Киевской Духовной Академии.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Итоги Синодальной Канонической Комиссии с озабоченностью принять к сведению.
2. Поручить Преосвященному Илариону, Архиепископу Донецкому и Мариупольскому, временно управляющему Херсонской епархией, на местном Епархиальном собрании довести до сведения клира и верующих Херсонской епархии, что ситуация, сложившаяся в Свято-Сретенском приходе г. Херсона вследствие антиканонических и противоуставных действий священник Иоанна Замараева требует строгих мер согласно церковным правилам.

МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ И ВСЕЯ УКРАИНЫ *Владимир*

ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:

МИТРОПОЛИТ ХАРЬКОВСКИЙ И БОГОДУХОВСКОЙ *Никодим*

МИТРОПОЛИТ ОДЕССКИЙ И ИЗМАИЛЬСКИЙ *Агафангел*

АРХИЕПИСКОП ЧЕРНОВИЦКИЙ И БУКОВИНСКИЙ *Онуфрий*

ЕПИСКОП ХМЕЛЬНИЦКИЙ И ШЕПЕТОВСКИЙ *Антоний*

ЕПИСКОП ОВРУЧСКИЙ И КОРОСТЕНСКИЙ *Виссарион*

ЕПИСКОП ЛЬВОВСКИЙ И ДРОГОБЫЧСКИЙ *Августин*

АРХИЕПИСКОП СУМСКОЙ И АХТЫРСКИЙ, *Ионафан*

Управляющий делами УПЦ

Открытое письмо клириков Свято-Сретенского храма митрополиту Киевскому и всея Украины Владимиру

Ваше Блаженство, досточтимый владыка Владимир!

Перед нами два документа, присланные от Вашего имени, — ответ архиепископа Полтавского и Кременчугского Феодосия, где он произвел «канонический анализ» письма к Вам протоиерея Иоанна Замараева, и справка Киевской духовной академии «О недопустимости музыкальных нововведений в православное богослужение».

Весьма досадно за то, что Вас окружают люди низкого профессионального уровня, с которыми Вы вынуждены работать и с мнением которых обязаны считаться.

Владыка Феодосий, нужно отдать должное, много потрудился в составлении своего письма с «каноническим анализом». И при беглом чтении его доводы о якобы имеющих место канонических нарушениях в нашем храме производят определенное впечатление убедительности, что совершенно нельзя сказать о справке, составленной комиссией Киевской духовной академии, члены которой проявили полную некомпетентность в разбираемом ими вопросе.

<DIR>

О послушании пресвитеров и диаконов епископу

</DIR>

Очень серьезен вопрос о послушании в церкви. Архиепископ Феодосий считает на страницах своего «канонического анализа» послушание чуть ли не главной добродетелью христианства. И на самом деле, о послушании многие говорят, что это качество является Альфой и Омегой всего мироздания. «Что было бы с нашим миром, космосом, — восклицает владыка Феодосий, — если бы небесные светила перестали слушаться, подчиняться своим законам и сошли со своих орбит? Что было бы с нами, если бы солнце перестало подчиняться силе всемирного тяготения и стало по небу ходить по своему хотению, как попало? Что было бы, если бы оно то очень приближалось, то очень удалялось от нас? Жизнь погибла бы», — заключает владыка. Прекрасно сказано, не правда ли?

И, пожалуй, бесспорно, когда речь идет о неодушевленной природе. Но когда мы говорим о живом человеке — образе и подобию Божию, то вряд ли способность к послушанию будет приоритетным качеством. Для машины — да, для компьютера — да. Хороший автомобиль хвалят — «он весьма послушен в управлении». О хорошем компьютере говорят — «он быстро справляется с заданными ему операциями».

Было время, когда человека, как существо, охарактеризовали словосочетанием «homo sapiens» — «человек разумный». Это действительно так: человека отличает от любого животного разум. Но главное ли это в человеке? Нет ли более важного свойства, определяющего личность человеческую? Конечно же, есть, и, конечно же, это воля к свободе. Именно свобода венчает творение Божие. Разумом, пусть и в зачаточном состоянии, обладают и животные. Но ответственен за свою жизнь только человек. Человек создан Богом свободным. И если

взглянуть на историю человечества, то вся она, почти без исключения, представляет собой извечные попытки одними людьми лишить Богом данной свободы других и сопротивление, борьбу последних с целью вернуть себе этот священный дар Господень.

И нельзя сказать, что общество человеческое за тысячелетия бытия ничего не достигло в этом направлении. Еще и полтора столетия не прошло с тех пор, как у нас на Руси было крепостное право, и оно воспринималось большинством в порядке вещей.

Да, сегодняшнее общество наше глубоко нездорово. Но, во всяком случае, все знают, что насилие — это зло и порабощение человека человеком — преступление, что нельзя сказать о рабовладельчестве «святой Руси».

Так вот, мы позволим себе не согласиться с архиепископом Феодосием, что послушание — это основа, на которой «зиждутся все человеческие сообщества», что якобы «без послушания нет семьи, без послушания нет школы». Очень плохо жить в семье, когда один член семьи диктует условия другим. Невыносимо жить в государстве, когда правитель держит в подчинении или послушании граждан своей страны.

На свадебном торжестве молодоженам желают многих благ, но в первую очередь — пронести через всю жизнь две вещи: любовь и согласие.

Взаимосогласие — вот принцип, на котором зиждутся здоровые семейные отношения.

Взаимосогласие — это также принцип общественных, как сейчас говорят, демократических обществ. В то время как основой тоталитарного строя, лишаящего граждан свободы, дарованной человеку Богом, и поэтому преступного, является диктатура, с одной стороны, и послушание, с другой.

Это же относится и к школе. Диктат преподавателя — это устаревший, отживающий метод образования и воспитания. Лучшие школы уже давно отказались от какого бы то ни было насилия над учащимися. Задача настоящего учителя — излагать преподаваемый предмет так интересно и увлекательно, чтобы учащийся хотел слушать учителя.

Армия и монастырь. Вот действительно два рассадника психологии подчинения.

Что касается армии, это особый социум, искусственно созданный для военных действий, для убийства, — в целях защиты Отечества. Состояние войны вряд ли можно квалифицировать как естественное состояние общества, и поэтому принципы взаимоотношений, действующих в армии, вряд ли пригодны для обычной мирной жизни людей.

О монашестве также можно сказать, что монах — это солдат Церкви. И развитие монашества как раз и явилось ответом на бедствие, постигшее Церковь в IV веке, когда после гонений она вышла из подполья, когда христианство провозглашено было официальной религией Римской империи, и Церковь наводнили вчерашние язычники, заботившиеся в первую очередь о мирских интересах. Христианству грозила смертельная опасность — раствориться в язычестве. И вот тут-то и появились люди, которые ушли из мира, обособились или же основали общежития — и сохранили веру Христову, сохранили Евангелие. И в самые различные времена монашество играло в первую очередь именно эту роль. Но здесь имеются в виду экстремальные условия, пограничные ситуации. Христос ведь не проповедывал монашество, не устраивали монастырей и апостолы. Сам Господь Бог сказал: «Нехорошо быть человеку одному» (Быт 2: 18). И святитель Василий Великий говорил: «Я молюсь о том, чтобы скорее настало время, когда не будет монастырей» (не помним координаты).

Мы считаем, что монастыри скорее всего нужны будут всегда, так же как и армия, но это особый путь, и правильно было бы стиль монашеской жизни прививать в естественные условия.

Но обратимся непосредственно к канонике. Владыка Феодосий напоминает нам в своем письме 39-е апостольское правило, гласящее: «Пресвитеры и дьяконы без воли епископа ничего да не совершают» и 57-е правило Лаодикийского Собора: «Пресвитерам нечего не творити без воли епископа». Ничего не совершать, ничего не делать без воли епископа. Или, другими словами, все делать только по воле епископа.

Так уж и все? Не ходить в магазин за покупками без благословения епископа, не принимать ванну, не делать уборку в доме? Нам могут возразить: все это епископ благословляет раз и навсегда. Согласны, но у нас сейчас разговор теоретический, поэтому нами взят искусственный пример. Ну а если бы епископ воспретил совершать вышеперечисленное, обязаны ли мы были бы исполнять это прещение?

Вопрос остается открытым: «все» — это что? Попытаемся размыслить над этим.

Человек многолик. Приведем пример:

Сидоров — сын по отношению к своему отцу,

Сидоров — муж по отношению к своей жене,

Сидоров — отец по отношению к своей дочери,

Сидоров — начальник над рабочими цеха,

Сидоров — подчиненный по отношению к директору фабрики,

Сидоров — сосед соседу по подъезду.

И вот в зависимости от того, кем он является в данную минуту — начальником или подчиненным, отцом или сыном, и будет зависеть его поведение и его воля — от того, кем он в данный момент соответственно будет восприниматься.

Episkopos — это страж закона, и когда он выступает как таковой, мы, пресвитеры, обязаны исполнять его волю, которая в данном случае *тождественна закону*.

Ну а если в нем как в человеке говорит своеволие или гордыня, немощь или ошибочная самоуверенность? Хорошо, когда собратья епископы могут помочь в этом. А если они разделяют его заблуждение? Что тогда делать? Творить по воле епископа? Продолжать находиться в послушании?

Когда Церкви Христовой угрожала арианская ересь, почти все епископы с пресвитерами перешли на сторону Ария. И восстал тогда против ересиарха *диакон* Афанасий — будущий епископ Александрии, и обличал заблуждение, и боролся с ересью, и в конечном итоге церковь пошла за ним и отстояла веру истинную.

В нашей ситуации речь, конечно, идет не о ереси, а о законопослушности. Поэтому не лучше ли, чтобы законопослушен был в первую очередь епископ — запрещал бы то, что противозаконно, и благословлял то, что законом не запрещено, а не волеизъявлял своеволие.

А когда уже возникла коллизия, и священник вынужден выбирать между послушанием

епископу или епископам, поступающим вопреки духу и букве Слова Божьего, и голосом своей совести, пусть критерием правильности поведения будут слова апостолов Петра и Иоанна, произнесенные синаедриону: *«Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»* (Деян 4: 19). Именно такая коллизия и произошла в истории с о. Михаилом Пшеничным, описанной в письме протоиерея Иоанна Замараева.

<DIR>

О выездных богослужениях под открытым небом

</DIR>

Далее архиепископ Феодосий приводит четыре ссылки на канонические правила, якобы запрещающие выездные богослужения под открытым небом. Напомним о том, что мы однажды общиной выехали в уединенное место в лес, поставили переносной престол с антимином, иконы и прочее, совершили полный чин божественной литургии и причастились Святых Тела и Крови Христовых, после чего у нас было братское общение. Владыка Феодосий — человек, конечно, занятой, и нам думается, что он сам прочитать эти правила не успел. Мы считаем, что с ними просто нужно ознакомиться.

31-е апостольское правило: *«Аще который пресвитер, презрев собственного епископа, отдельно собрания творити будет, и алтарь иный водрузит, не обличив судом епископа ни в чем противном благочестию и правде — да будет извержен яко любоначальный».*

5-е правило Антиохийского Собора: *«Аще который пресвитер или диакон, презрев своего епископа, отлучит сам себе от Церкви и начнет творити особые собрания, и поставит жертвенник, а призываемый епископом не покорится ... да будет извержен из своего чина...»*

94-е правило Карфагенского Собора: *«Постановлено и сие: повсюду на полях, и в вертоградах, поставленные якобы в память мучеников алтари, при которых не оказывается положенным никакого тела или части мощей мученических, да разрушатся...»*

6-е правило Гангрского Собора: *«Аще кто кроме церкви особо собрания составляет и, презирая Церковь, церковная творити хочет, не имея с собою пресвитера по воле епископа — да будет под клятвою».*

Несоответствие содержания этих правил ситуации, в которой они применены, очевидно, и не нуждается в комментариях. Однако для полной ясности напомним, что *«водрузить иный алтарь»* или *«поставить жертвенник»*, *«презрев собственного епископа, отлучив сам себе от Церкви, отдельно собрания творити»*, — означает не совершать богослужения во время путешествия общиной с пресвитером, относящимся к законному храму, а устройство нового алтаря или жертвенника, другими словами, основание нового храма вопреки воле епископа.

<DIR>

О пиршествах

</DIR>

Затем архиепископ приводит 55-е правило Лаодикийского Собора, гласящее: *«Не подобает освященным или причетникам, слагаясь, делати пиршества».*

Для правильного понимания этого правила нужно определить значение слова «пиршество,

пир». Поскольку это древнее слово сохранилось без изменений и таковым вошло в русский язык, в Полном церковнославянском словаре слова «пир» нет. Открываем Словарь русского языка С.И. Ожегова и находим: «Пир — большой званый обед, а также вообще обильное угощение».

Никакие большие званые обеды, никакие обильные угощения места не имели. Была скромная трапеза и общение.

<DIR>

О купании духовенства с мирянами

</DIR>

Далее владыка обвиняет священника Иоанна в общем купании с мирянами. Имеется в виду — на море, в «Железном порту», куда он с общиной ездил отдыхать. На самом деле он вместе с мирянами не купался (ему срочно надо было отъехать), но если бы и так, не видим никакого к этому препятствия. 30-е правило Лаодикийского Собора? Оно, на наш взгляд, тоже не нуждается и в каких комментариях. Его достаточно прочесть: *«Не подобает освященному лицу, или причетнику, или монаху, мыться в бане с женами, ниже всякому христианину или мирянину, ибо сие есть первое обвинение от язычников»*. Почти слово в слово повторяется это правилом 77-м VI Вселенского собора.

<DIR>

О совершении литургии вечером

</DIR>

Владыка считает, что «люди, пришедшие вечером в храм к литургии и уже успевшие вкусить «тленного брашна», вряд ли будут достойны вкусить нетленной Святыни — Тела Господнего».

Напрасно архиепископ считает нас невоздержанными нарушителями евхаристического поста. Никакого повода к этому мы не давали.

Вечернее время для совершения божественной литургии более сообразуется с церковным уставом, так как в суточном богослужебном круге литургию предписано совершать либо после шестого часа (12:00), либо после вечернего богослужения, с которым соединяется литургия за день до Рождества Христова или Крещения Господня, или в период Великого поста. Конечно в большинстве случаев литургию совершать с утра удобнее по чисто практическим соображениям, и мы так же ее совершаем, хотя странно как-то слышать вечером: «Исполним утреннюю молитву нашу Господеви», а утром: «Исполним вечернюю молитву нашу Господеви», и в обед произносить: «Вечери Твоя Тайныя...»

Практика совершения литургии вечером имеет место в С.-Петербургской духовной академии. В нашем храме божественная литургия вечером совершается только один раз в неделю — в пятницу — для людей, которые по каким-либо причинам не могут быть в храме в другое время.

<DIR>

О связи таинства исповеди с причастием

</DIR>

В нашем храме люди могут исповедываться заблаговременно до причастия. Таким образом священник может уделить каждому кающемуся неограниченное время по потребности. Владыка Феодосий сокрушается, что «не только за месяц, но и за один день человек может столько нагрешить, что не будет достоин Чаши Господней, не будет готов принять Святые Тайны». Мы можем продолжить: не только за один день, но и за один час, и даже за одну минуту. А что, если человек сразу после исповеди подходит к Чаше, что он — достоин причастия? Разве не всеобща святоотеческая истина о том, что считающий себя достойным — менее всех достоин? Да если мы даже за полминуты до причастия закончим исповедь — все равно не станем достойными Святыни. Поэтому мы и принимаем Тело и Кровь Христовы «во оставление грехов и в жизнь вечную» (из молитвы Иоанна Златоуста перед св. причащением). То есть Причастие — это не продолжение Исповеди, а независимое от исповеди таинство. Причастие — центральное таинство, «таинство таинств» Церкви, и оно вполне самостоятельно.

Практика присоединения исповеди к причастию, равно как и редкое причащение, — это совершенно уникальное историческое явление на Руси, а отнюдь не практика древней церкви, как пишет архиепископ. Этого обычкновения не знает христианский мир и по сей день, не знала наша страна до относительно недавнего времени. Мы думаем, что неплохо бы дать тему студентам духовной академии для исследования евхаристической жизни в синодальный период, чтобы они покопались в книгах и сами поискали подробности о том, как до октябрьского переворота 1917 года Православная церковь поддерживалась государством. О том, как правительство, из лучших побуждений, часто делало церкви «медвежьи» услуги. Как, в частности, всем православным гражданам Российской империи было вменено в обязанность исповедываться и причащаться на уровне гражданского законодательства. И как соблюдение сего было контролируемо государственным аппаратом чиновников. Как лиц, не посетивших церковь и не участвовавших в таинствах, ожидали крупные неприятности, вплоть до увольнения с работы.

Будущие священнослужители должны знать о том, почему наши прадеды, вместо еженощного причастия стали причащаться раз в году. Ведь проследить за всем населением огромной тогда страны делом было нелегким, поэтому эти «рейды» и проводились не каждое воскресенье, а перед Пасхой, в период Великого поста. Вследствие этого остальные неконтролируемые государством причастия в народном сознании стали восприниматься как необязательные и мало-помалу стали опускаться, что и привело к тому обычкновению, которое мы имеем до настоящего времени. По этой же причине развилась порочная практика исповедываться только непосредственно перед причащением и причащаться непосредственно только после исповеди. Чиновник-то не будет лишней раз со списками бегать и выяснять, кто, где, когда исповедовался и когда причастился. Проще поставить две галочки сразу. С другой стороны, и понятно, если человек год не участвовал ни в одном, ни в другом таинствах, его действительно без исповеди нельзя допускать к причастию. Но это не должно распространяться на тех, кто совершает все в свое время.

И как уже сказано выше, весь христианский мир и все мировое православие в частности, кроме как на Руси, не знает обычкновения увязывания исповеди и причастия в какой-то узкий временной промежуток. Не знала этого и Русь до вышеизложенных событий. Всегда и везде эти два таинства воспринимались отдельными и самостоятельными. И даже у нас по сей день этот принцип сохранился в среде священнослужителей, когда пресвитер или диакон исповедуется несколько раз в году, а причащаться может каждый день.

<DIR>

О редакции и составлении Богослужебных текстов

</DIR>

Да, 18-е правило Лаодикийского Собора и 116-е правило Карфагенского Собора действительно запрещают составление богослужебных текстов и бесконтрольное их введение в богослужение. Необходимо отметить, что в тот исторический период, когда приняты были эти правила, богослужебное творчество перехлестывало через все края. Сочиняли кому не лень, и часто бездарные тексты без должной проверки, оценки и апробации оказывались сразу же в богослужебной структуре. С тем, чтобы установить контроль и упорядочить этот творческий процесс, и были приняты эти правила. Но были и есть другие крайности и перегибы: знаменитому песнотворцу Иоанну Дамаскину запретили составлять молитвенные гимны, и только одному Богу ведомо, сколько бы еще прекрасных стихословий вышло бы из-под его пера, если бы не воля игумена, которому казалось, что все, что надобно для спасения, уже сделано, а все, что сверх того, — от лукавого.

Как бы то ни было, процесс богослужебного творчества шел постоянно — с самого начала и по сей день. Например, венчание в самостоятельное таинство выделилось только к XI веку и стало отдаленно быть похоже на наш современный чин. Так приходской чин «песенной вечерни» сменился монашеским типом богослужения. Студийский устав, по которому жила Русь с самого времени ее Крещения, был заменен на Иерусалимский. В Новгороде еще в XVI веке не знали Иерусалимского устава, а Студийский и Иерусалимский уставы абсолютно различны.

Что говорить о простых молитвах и богослужениях, если евхаристический канон, самая священная, казалось, самая неприкосновенная часть священнодействия постоянно изменялся, развивался и дополнялся! О том, что с самого начала не было единой жесткой формы евхаристического канона, говорит один из самых великих православных литургистов архимандрит Киприан (Керн). Он пишет: «В первохристианской общине харизматический порыв придавал всему строю и быту апостольскому характер экстаичности, расплавленности и исключительной подвижности» (*Профессор архимандрит Киприан. Евхаристия. YMCA-PRESS, Париж, 1947, с. 42*). Поэтому «ни о каких записях анафоры в первые два века не могло идти речи» (там же, с. 64).

В последующие века, когда богослужебные формы уже стали фиксироваться, их оказалось достаточно много. Они были разнообразны и продолжали умножаться. Отделяющиеся от одних общин и созидаящие новые церкви «общества верующих сохранили свои литургии и даже создали новые, написав их для большей авторитетности именами разных апостолов или святых отцов церкви. Абиссинцы знают даже «литургию Божией Матери». Восток вообще всегда был терпимее Запада в отношении национальных черт, языка, обычаев и т. д. Восток сохранил большую разнообразность литургических типов. Несколько разных евхаристических молитв уживаются рядом друг с другом» (там же, с. 82).

Архимандрит продолжает: «От одной сионской Вечери Господней и от более или менее единообразной апостольской Вечери в течение истории образовалось огромное количество разных типов евхаристических молитв. Так, Ренодо знал, при состоянии науки в его время, 50 анафор у одних только яковитов и маронитов; у эфиопов нам известно до 15 литургий. С другой стороны, более унифицированная в целом западная месса знает варианты отдельных молитв одного и того же евхаристического типа. Литургисты знают, что римская месса в древности насчитывала свыше 240 молитв «*praefatio*». Мозарабская литургия тоже очень богата была вариантами. *Амвросианская же литургия меняла «praefatio» почти каждый день года» (!!!)* (там же, с. 29).

И заключает архимандрит Киприан: «В единой церкви не может не быть единой Евхаристии. Но с этим вовсе не стоит в противоречии тот факт, что при многочисленности поместных

церквей, разнообразии входящих в них многих племен и народов, различных исторических наслоений, традиций и пр. существует огромное количество разных типов евхаристических молитв, или анафор.; варианты, поместные особенности не только терпимы, но и важны как доказательство соборной природы Церкви» (там же, с. 29).

Как мы говорили выше, речь здесь идет о самом священном, самом таинственном, самом, казалось бы, неприкосновенном — евхаристическом каноне. Тем более естественно и необходимо творчество и разнообразие в подготовительных богослужениях.

<DIR>

О применениях за богослужением музыкальных инструментов и электроники

</DIR>

Лица, вошедшие в комиссию по данному вопросу, утверждают, что «употребление органа и фонограммы... недопустимо потому, что противоречит:

- а) апостольскому наказу *«держаться строго того, чему научены были»* (2 Тим 3: 14),
- б) заповеди *«вся по чину да бывают»* (1 Кор 14: 40),
- в) правилу 2 Карфагенского Собора — *«церковный чин, по согласию каждого и всех вкупе, должно соблюдать»*.

Построим силлогизм по первой ссылке — (2 Тим 3: 14):

- 1. Апостольский наказ гласит: *«держаться строго того, чему научены были»*.
- 2. Богослужения в С.-Сретенском храме сопровождаются звуками органа.
- 3. В Свято-Сретенском храме нарушается апостольский наказ.

В логике эта ошибка называется «post hoc ergo propter hoc», или «смешение простого преемства с причинной связью».

В судопроизводстве, даже светском, с тем, чтобы по ошибке не обвинить невиновного, применяется только категорический силлогизм 1-й фигуры, например:

- 1. Воровство противозаконно и наказуемо.
- 2. Петров похитил у гражданки Ивановой бумажник с деньгами.
- 3. Петров нарушил закон и должен понести наказание.

Никакой связи между происходящим в нашем храме и отрывком из Нового Завета не наблюдается. Но, может быть, в словах Послания апостола Павла к Тимофею есть **косвенные** намеки на недопустимость сопровождения богослужения органом.

Обратимся к контексту: «... Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы.

Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. А ты *пребывай в том, чему научен* и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса».

По контексту ясно видно, что слова эти никакого отношения не имеют ни к музыкальным инструментам, ни даже к богослужению вообще.

Но все же, в качестве заключительного аккорда, откроем толкование Библии, изданное преемниками А.П. Лопухина, и посмотрим, как церковная традиция понимает эти слова апостола.

Читаем: «В то время, как лжеучители будут иметь успех, вводя людей в заблуждения, коим подвержены и сами, Тимофей должен стоять твердо в том *учении*, какое он принят от ап. Павла». То есть речь идет даже не о богослужебных традициях, а о вероучении.

Какие выводы следуют из вышесказанного?

1. Лица, вошедшие в комиссию по данному вопросу, не обладают юридическим, равно и церковно-каноническим образованием.

2. Их неверное истолкование Священного писания означает:

а) либо незнание ими Библии и ее традиционного толкования Церковью,

б) либо их недобросовестное и тенденциозное отношение к богодухновенному Писанию, когда по-сектантски вырываются фразы из священного контекста.

Из этой же справки: «*вся по чину да бывает*» (1 Кор 14: 40). Эта цитата также взята для доказательства непозволительности применения за богослужением музыкальных инструментов и звуковоспроизводящей аппаратуры.

В данном случае мы видим грубейшую ошибку, имеющую название «*quaternio terminotum*» или «учетверение терминов». Нужно сказать, что почти все аргументы, и выше, и ниже рассматриваемые, страдают этими же грубейшими логическими погрешностями, что само по себе говорит об отсутствии у оппонентов опыта научной работы. Нет никакого смысла демонстрировать эти ошибки во всех высказываниях, поэтому мы ограничиваемся простым обращением к контексту Священного писания или непосредственно к правилу апостольскому, соборов или святых отцов.

«Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками; только *все должно быть благопристойно и чинно*». Из контекста апостольского послания видно невооруженным глазом, что речь идет о языкоговорении за богослужением — глоссолатии, а не о музыкальных инструментах. Но вооружимся толкованием. В этом же вышеупомянутом издании толковой Библии мы читаем: «Апостол делает здесь краткую сводку раскрытых выше мыслей о сравнительном значении дара пророчества и дара языков». Полагаем, что дальнейшие рассуждения по данной цитате не имеют никакого смысла.

Далее, наконец, комиссией приводится цитата из 2-го правила Карфагенского Собора: «*Церковный чин, по согласию каждого и всех вкупе, должно соблюдать*», которая уже имеет отношение к богослужению.

Открываем полный православный энциклопедический словарь, изданный П.П. Сойкиным, и

читаем: «Чин означает порядок, и однозначущ со словом устав. Так, например, бывают Чины: «Чин Божественной Литургии», «Чин Преждеосвященных Даров», «Чин над кутьею», «Чин великия вечерни, сие есть бдения всенощнаго» и т. д.

Итак, чин — это порядок; богослужебный чин — это порядок в богослужении, в противоположность бесчинству, беспорядку, хаосу, которые, в малой или большей степени, могли сопровождать молитвенные собрания первых христиан, совершающих молитвословия и священнодействия экспромтом, заранее не составляя никаких последований. Что нужно сделать, чтобы преодолеть беспорядок?

1. Нужно было богослужения, совершающиеся экспромтом, построить в последовательности, придать им чинность **«по согласию каждого и всех вкупе»**, т.е. согласовать с каждым в отдельности и со всеми вместе участниками богослужения.

2. И этот *«чин, по согласию каждого и всех вкупе, должно **соблюдати**»*, т.е. каждый исполнитель должен придерживаться того последования, того порядка, который согласован.

Но при чем здесь музыкальный инструмент, сопровождающий общенародное пение или молитву?

Вот и все доводы и аргументы комиссии Киевской духовной академии!

Против инструментального сопровождения богослужения выступает и владыка Феодосий в своем заключении. В качестве основания им приводится 15-е правило Лаодикийского Собора, где сказано: *«Кроме певцов, состоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно иным некоторым пети в церкви»*. Не думаем, что нужно обладать особой подготовкой, высшим образованием, гениальным умом для того, чтобы увидеть, что это правило запрещает *общенародное пение*, а не орган.

Что же касается общенародного пения за богослужением, то оно сейчас, в большей или меньшей степени, практикуется везде. В России и на Украине, в том числе и Киево-Печерской лавре, общенародно поются «Верую...» и «Отче наш...», в Западной части Украины все богослужение поется народом.

Кто хотя бы поверхностно знаком с каноническими правилами, знает, что это далеко не единственное отжившее правило. Их огромное множество. Мы уже не говорим о правилах, позорящих нашу церковь, которые до сих пор не отменены, как например, 11-е правило VI Вселенского Собора, гласящее: *«Никто из принадлежащих к священному чину или из мирян отнюдь не должен вступать в содружество с иудеями, ни в болезнях призывать их и врачества принимать от них, ни в банях купно с ними мыться. Аще кто дерзнет сие творити, то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен»*.

Далее владыка Феодосий по этому же поводу приводит 75-е правило VI Вселенского Собора: подобает *«приносить псалмопения Богу» с «великим вниманием и умилением»*.

В том, что архиепископ цитирует именно это правило, проявляется некая ирония всего происходящего вокруг этой темы, так как в этом правиле говорится даже о более конкретной вещи, чем все богослужение в целом. Речь идет о псалмопении псалтири, а псалтирь — это ничто иное, как наименование древнего струнного музыкального инструмента. И псалмы, с самого начала, пелись как под звуки струнных, так и духовых, и даже ударных, инструментов. В самой Библии перед псалмами стоят предписания — какой инструмент должен сопровождать

пение. Так, например,

4-й псалом должен сопровождаться струнным инструментом,

5-й пс. — духовым,

6-й пс. — восьмиструнным инструментом,

8-й пс. — Гефским орудием,

44-й пс. — музыкальным орудием Шошан,

45-й пс. — музыкальным инструментом Аламоф,

59-й пс. — орудием Шушан-Эдуф и так далее.

Рассуждения наши должны быть простыми: *«да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»* (Мф 5: 37). Если Библия боговдохновенна и является Словом Самого Бога, какие могут быть возражения против того, что в ней написано? *Если Сам Бог говорит через Своего пророка Давида о том, что подобает воспевать Господа со звуком трубным, на псалтири, гуслях, органе, на звучных кимвалах, с тимпаном...* (Пс 150: 3-5), какие могут быть препятствия этому?

Некоторые, правда, пытаются возразить, что, дескать, это было в Ветхом Завете, а мы живем в Новом. Так и Десятизакон Моисея было в Ветхом Завете, давайте и его отменим. Сам Христос говорил: *«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить (восполнить)»* (Мф 5: 17).

Конечно, Новый Завет — это приход Самого Бога на землю. Ветхозаветный пасхальный агнец был заменен Нетленным Агнцем, закланным раз и навсегда за все грехи человеческие (Евр 9: 12). Поэтому отменены кровавые жертвоприношения. Обрезание и другие ветхозаветные обряды стали необязательными (Деян 15: 19-20). Разрешено вкушение запрещенных ранее видов пищи (Деян 10: 15) и пр. О всем этом говорится в Библии — Деяниях и Посланиях апостолов, т. е. в книгах боговдохновенных, но об отмене музыкальных инструментов, сопровождающих богослужение, не говорится *абсолютно нигде*.

Более того, нам известно из истории богослужения, что «связи между первыми христианами и синагогой и даже иерусалимским храмом прерваны были не сразу, и традиция храмовая и синагогальная первыми христианами поддерживалась», да и затем, когда произошел этот разрыв, христианское богослужение в значительной степени основывалось на ветхозаветных традициях (кроме «преломления хлеба по домам») (*Профессор архимандрит Киприан. Евхаристия. УМСА-PRESS, Париж, 1947, с.42*).

А учитывая, что и в храме, и в синагогах музыкальные инструменты применялись, логично будет предполагать, что, таким же образом, были музыкальные инструменты и у первых христиан, и если они и не использовались широко, то только из-за тяжелых условий, гонения на христианство в первые века.

Сохранилось ценное историческое сведение о том, что святитель «Василий Великий из Цезареи (епископ Кессарийский) повелел специально обученным певцам петь псалмы наподобие эпиникий Пиндара, а при заключительной строфе вступала вся община под сопровождение кифар» (кифара — древнегреческий струнный щипковый инструмент). (Шток. История музыки. С. 112.)

Конечно, к большому сожалению, исторические сведения относительно применения музыкальных инструментов в древней церкви скудны, но вполне *достоверно, что с 660 года, по инициативе папы Римского Виталиана, в церкви, еще единой и неразделенной, вошел в богослужебный обиход орган* (Музыкальная энциклопедия. М., 1981, т. 4, с.73).

И позже, через 394 года, когда произошло разделение церкви на Восточную и Западную, использование органа в Западной церкви не было фактором разногласия с Восточной церковью.

Относительно звукозаписывающей цифровой лазерной аппаратуры, которая дает возможность осуществлять запись и воспроизведение хора такого уровня качества, которое вполне соответствует натуральному звучанию. Как было сказано в письме протоиерея Иоанна, нами не ставилась цель заменить живое звучание хора фонограммой. Весь смысл в независимости от всевозможных жизненных обстоятельств, коллизий, которые либо могут полностью сорвать богослужение, либо внешне ухудшить его качество. Хористы иногда болеют, иногда опаздывают на богослужение, иногда проявляют безответственность. И с тем, чтобы это не отражалось на богослужении, с нами наготове всегда аппаратура. *А для того, чтобы никто не смог обвинить нас в том, что мы, дескать, заменили живое пение мертвой фонограммой, мы ее в чистом виде не используем, т. е. ставим одного или нескольких человек, которые поют параллельно с фонограммой.*

Ваше Блаженство, досточтимый владыка Владимир!

Все вышесказанное является кратким изложением наших взглядов относительно затронутых тем. Наши взгляды не совпадают с позицией архиепископа Феодосия, а также авторов академической справки, но, как говорили в древности, «Платон — мой друг, но истина дороже». Епископский сан или профессорская мантия сами по себе не гарантируют истинности высказываний их обладателями.

Если бы разногласия касались каких-либо абстрактно-теоретических тем, то следовало бы смириться и уступить позиции ради мира и единства. Но затронутые темы — жизненно важны для церкви сейчас. Редакция богослужебных текстов, применение музыкальных инструментов и электроники, адаптация богослужения для детей и молодежи — все это крайне важно для воцерковления сегодня, если мы не хотим остаться «бездетными». Мы уже потеряли много времени, каждый день мы теряем души, которые призваны привести к Богу.

Мы — чада нашей Матери Православной Церкви, если наша Мать откажется от нас, не признает или не узнает нас, это ее болезнь и наша скорбь. Не мы ее выбирали, и не нам ее оставлять. Но мы преданы Богу и слишком любим Святую Церковь, чтобы *бездействовать*, когда повсюду — побелевшие нивы и множество жатвы.

Протоиерей Иоанн Замараев,

Протоиерей Петр Замараев,

Иерей Игорь Шевченко,

Протодиакон Сергей Зырянов.

Регент Стефан Галуненко

1 января 1997 года.

Вера Еремина: Из истории Русской Православной Церкви (1921-1946гг.): так называемые «правые» расколы.

История церкви

Лекция для студентов МВПХШ

Сегодняшняя наша беседа будет посвящена русской церковной смуте 1921-1946 гг., но с подзаголовком «Расколы справа». У нас было два основных «правых» раскола. Один — заграничный, так называемый «карловацкий», и затем масса отечественных расколов, толков и всяческих ответвлений.

Поскольку заграничный и отечественный расколы декларировали свою приверженность православию, методологически вполне разумно применить к ним единый подход. Тем более, что в процессе исследований становится ясно, что различия там не родовые, а видовые, то есть род один, а виды могут быть разные. Рассматривая некоторые видовые различия, мы одновременно даем отрицательную (апофатическую) характеристику тому или другому расколу.

Сразу скажем, что наибольшее внимание будет уделено не каноническим сторонам, а идейному, идеологическому разбору, исследованию духовной платформы, истоков, не только социальных, но прежде всего психологических. То, что мы имеем на сегодняшний день, — это все-таки в основном какие-то обмолвки, а не настоящее серьезное исследование, оформленное, ну, хотя бы в виде трактата. Во всяком случае, какие-то вполне верные мысли были высказаны. Полезно опереться и на мысли, высказанные за рубежом. Есть несколько интересных замечаний, например, у архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского) в его труде «Белая Церковь» и в некоторых других, сопутствующих произведениях. На что он там обращает внимание? Прежде всего на то, что все иерархи, которые переехали за границу, несмотря на то, за что они ратовали (т. е. за патриаршество), в своих привычках, устремлениях, в своем менталитете оказались накрепко связаны с привычками синодальной эпохи. Это имело и плохие, и хорошие стороны. Но в чем это оказалось губительно? В том, что люди рассматривали церковь как национально-государственное учреждение, именно так, как устроил Петр Первый при содействии Феофана Прокоповича и еще кое-каких деятелей.

А что такое национально-государственное учреждение? Дело не только в том, что дореволюционный Синод получал указания и распоряжения от трех инстанций — от Сената, от тайного кабинета и от Совета министров. Сам церковный орган как второстепенное государственное учреждение постепенно загонялся всей жизнью в какой-то определенный угол, и даже если этот угол был почетным, он все равно был тем, что в просторечии называется «как икона в углу» — можно креститься, а можно забыть про нее.

Положение приходского духовенства в синодальный период было грустным. Наименее грустным оно было для профессорской корпорации духовных учебных заведений, особенно петербургской и московской академий. Мы еще к этому вопросу вернемся, но сейчас надо сказать, что преподаватели академий были на том же социальном уровне, в том же положении, что и профессора университетов. Это была почетная, уважаемая, материально вполне обеспеченная интеллигенция, в которой постепенно развилось инерционное восприятие. Инерция теплого, спокойного, зашторенного бытия постепенно вошла в привычки, в манеры, в плоть и кровь. Надо иметь в виду, что это национально-бытовое сознание, подменяющее собою

церковное, идеологически было оформлено так, что церковь соединялась с властью царя-помазанника просто потому, что царь — это, значит, глава государства, а церковь — часть государства, государственное учреждение. Конечно, вначале это людей возмущало, а постепенно люди ко всему — за 200-то лет! — успели привыкнуть.

Цари были людьми, как правило, верующими, но с церковным управлением ни один из них не церемонился. К счастью, сама жизнь показала ненормальность этого положения, когда уже не обер-прокурор Синода распоряжался церковными делами, а на его место встал не просто мужик в сапогах, а нечестивый, заведомо дурного общества, дурного поведения мужик — Григорий Распутин. И получилось, что обер-прокурор Самарин, а перед этим и вполне умелый обер-прокурор Саблер, оказались совершенно бессильными в том, чтобы как-то сладить с Григорием Ефимычем. Возник скандал. Саблера заменили на представителя родового дворянства Александра Дмитриевича Самарина — вдовца «Девочки с персиками» (В.С. Мамонтовой). Но и Самарин тоже оказался бессильным, и в качестве средостения между церковным управлением и царем сама царская власть его не принимала. Поэтому она, уже не доверяя своему обер-прокурору, прислушивалась более к мнениям Распутина, особенно когда первоприсутствующего члена Синода священномученика Владимира отозвали из Петербурга в Киев, а на его место поставили Питирима — человека чрезвычайно зазорного. Потом хиротонисали во епископа Тобольского некоего Варнаву, которого Распутин называл «сусликом», и царская семья в своей переписке тоже называла его «сусликом», т. е. это был позор.

Позор чувствовали и церковные иерархи. Некоторые, например Феодор (Поздеевский), мечтали, ждали, желали устранить Распутина, поэтому радовались его убийству. Антоний же (Храповицкий) в разговоре с Саблером, когда тот пригрозил, что просто уйдет в отставку, если не согласятся хиротонисать Варнаву-«суслика», на это ответил очень живым выражением: «Чтобы Вас удержать на этом посту, мы не то что Варнаву, а черного борова посвятим в архиереи». Словом, позор был уже всем виден, и ведь недаром же его Господь попустил. Господь попускает такие вещи для большей наглядности, чтобы люди понимали, что власть царя-помазанника ничего церкви не дает и статус церкви в качестве государственного учреждения может продлиться только благодаря Божьему долготерпению.

Образно говоря, позор возникает так же, как пожар в печной трубе, когда она не чищена. Так и тут: позор возник, чтобы обнаружить ненормальность сложившегося положения. Это то, что в церковно-государственных отношениях предшествовало февральской революции, а затем открытию первого Всероссийского поместного собора.

Поместный собор, вы знаете, восстановил каноническое управление церкви: избрал патриарха — святейшего Тихона. Нам хорошо известно из материалов собора, что много было мнений против, но уже после того, как возобладало стремление все-таки восстановить истину, все включились в выборы нового патриарха. Что касается выбора личностей на патриарший престол, то до сих пор мы читаем в зарубежной печати, что большинство голосов было у Антония (Храповицкого). Зачем, мол, понадобилась еще священная жеребьевка? Уж раз об этом не стыдятся печатать сейчас, значит, кольми паче эти голоса были громки в свое время. Во всяком случае, надо иметь в виду, что во главе зарубежного раскола встал тот самый архиерей, которому не посчастливилось, можно сказать, попасть в патриархи — и недаром.

Теперь перейдем к вещам, которые последовали за Карловацким собором в Сремских Карловцах в 1921 г. Люди были выброшены из своих насиженных мест. Они должны были по праву и по церковным правилам именоваться «бывшими». Многие из них не приняли для себя этого статуса «бывших» и все пытались именоваться сущими — Киевскими, Галицкими, Холмскими или еще кем-то. Получилось так, что утратив кафедры, паству, землю и все

остальное, они пытались сохранить за собой право говорить от лица Церкви и от лица России. А сказать-то было уже нечего. Получилось-то, что все-таки главный голос был предоставлен Высшему монархическому совету.

По сути дела, почти в полном составе эмигрировала монархическая фракция Государственной Думы во главе с Николаем Евгеньевичем Марковым Вторым. Этот самый Марков Второй собой был очень похож на Петра Первого — и не даром. Он происходил из рода Нарышкиных, его дореволюционная кличка была «Медный всадник». Так вот этот самый «Медный всадник» как раз и сумел взять инициативу на церковном собрании в Сремских Карловцах, и в результате включили установку о монархии, о монархии именно из дома Романовых, в катехизис зарубежного церковного общества. Своей властью святейший патриарх Тихон вменил этот самый собор в Сремских Карловцах «яко не бывший», т. е. объявил его не имеющим никакого канонического значения, а Высшее церковное управление за границей распустил и власть над приходами Русской Православной Церкви за границей передал митрополиту Евлогию (Георгиевскому). Но тот оказался недостаточно решительным и недостаточно энергичным, чтобы исполнить распоряжение патриарха.

Существует грубоватая, но довольно точная поговорка: выше носа не прыгнешь. К сожалению, вся эмиграция оказалась политической — пассивно или активно, и поэтому даже вполне серьезные архиереи были вынуждены оглядываться на то, как смотрит их паства. А паства смотрела по-разному. И верно замечено, что когда произошла некая поляризация Евлогия и Антония (Храповицкого), кающаяся интеллигенция сгруппировалась вокруг митрополита Евлогия, а не кающаяся, включая Высший монархический совет, осталась в юрисдикции Антония (Храповицкого). Здесь стоит упомянуть, что вожди белого движения, патриотически настроенные военные, оказались в среде кающейся интеллигенции, в основном — в юрисдикции митрополита Евлогия, который потом, в 1930 г., перешел в юрисдикцию Константинополя, хотя это было нарушением церковных правил. Туда, например, относился и Антон Иванович Деникин, и даже Петр Краснов был духовным чадом о. Иоанна (Шаховского), тогда еще архимандрита.

Но это все события внешние, а что же внутреннее стояло за этим? Ведь, кроме обыкновенной человеческой привычки к сытому куску, к теплоте угла, к спокойному житию, было и что-то другое. Надо иметь в виду, что чувство собственной вины, собственной ответственности и, особенно, заслуженности страданий — все это приходит не сразу, и приходит к людям с достаточно чуткой совестью.

Мало кто обратил внимание на то, что более 100 000 пастырей молились за царскую семью — о благоденствии и мире царской семьи, а Дух Святой Божий прошел мимо этих молитв. Ведь это все не даром. Пора понять, что тысячи безбожников считались и назывались православными. Лев Толстой так и говорил: «За что меня отлучили от Церкви, тогда как так же или почти так же думает все так называемое образованное общество», т. е. дворяне и разночинцы, закончившие по одному и более факультетов в русских университетах. (Сам Лев Толстой университета не кончил. Он завалил первую же сессию и ушел.) В этом тоже много справедливого. Разумеется, Льва Толстого отлучили еще и как активного, злого кощунника, который не скрывал своего ожесточения против церкви, но большинство-то ведь было теплохладными, им было практически все равно.

Если сказать более честно — люди покупали свидетельства о говении и причащении, платили за это 10 рублей. Государство считалось православным, и этим было продиктовано то, что государственные служащие не могли быть безбожниками. А раз по статусу государственные служащие — не безбожники, значит, хотя бы раз в год они обязаны поговеть и в этом, так сказать, отметить. И получалось так, что офицеры, солдаты, чиновники, придворные,

учащиеся средних учебных заведений, люди, готовящиеся вступить в брак, — все должны были причащаться и, как правило, причащались в суд и во осуждение как себе, так и тем священнослужителям, которые преподавали им Святые Христовы Тайны. (Да, еще и умирающие, конечно, должны были причащаться.) Этот совершенно ненормальный, немислимый порядок был известен. О нем знали, конечно, святые земли русской, святые русской Церкви, но они имели возможность высказывать это только в частном порядке. Эти высказывания святых становились известными лишь через 70, через 50, в крайнем случае — через 100 лет. Ведь Серафим Саровский в частном порядке сказал, что часто человек видимо причащается, а у Господа остается не приобщенным, — и это как раз и есть то самое знание, да еще свидетельство «свидетеля верного», то самое, о чем мы только что говорили.

Я сразу взяла вот такой ретроспективный подход для того, чтобы потом легче было подчеркнуть ситуацию, ведь люди не только несли в себе свои взгляды, менталитет и прочее, они несли в себе кровную память о той действительности, из которой они вышли. Эту инерцию действительности в каждом члене Церкви надо изживать, и изживать ее покаянием. Об этом редко кто задумывался.

Первый раскол произошел в 1921 г. в Югославии, в Сремских Карловцах. Этот раскол оформился не сразу. Для виду патриарха послушались, но вместо Высшего церковного управления организовался Архиерейский Синод под председательством все того же митрополита Антония (Храповицкого), невзирая на энергичный протест епископа Армии, т. е. епископа Вениамина (Федченкова). Протестовал и Евлогий, но не очень энергично, главным образом потому, что чувствовал себя связанным; насколько Вениамин (Федченков) был сравнительно свободен, настолько Евлогий чувствовал себя связанным.

Так и получилось, что впоследствии, в 1927 г., верность Московской Патриархии исповедал и пронес ее через всю свою жизнь как раз епископ, а позднее митрополит, Вениамин (Федченков). Но вот ему, втроем, с двумя своими сотрудниками — Феодором Текучевым и Стефаном Светозаровым, пришлось начинать с нуля. Они начали церковную работу, и потом уже к ним присоединялись люди, как-то почувствовавшие, что они или их ближайшие предки также прогневили Господа и что на их долю выпало искупление. Это, конечно, лучшие люди. Все остальные держались умеренного покаяния или обходились без покаяния совсем. Во всяком случае, тут можно сказать, что не сама по себе монархическая идея оказалась во главе угла, а то, что не было альтернативы. Вот эта 200-летняя привычка по-настоящему не была преодолена, а дальше уже, так сказать, были бы чувства, а убеждения придут.

И стали выдвигать такую философию: церковь нуждается в православном царе — просто даже смешно с христианской точки зрения. Каждую всеночную церковь поет: «Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию». Так с чего же Церковь, стяжанная Христом, Его честною Кровию, должна в земном плане возложить свою надежду на кесарей?

А уже дальше из этой самой катехизической установки возникла чистой воды комедия в виде признания где-то в Сэн-Бриаке, во Франции, императором великого князя Кирилла Владимировича. Не так давно умерший Владимир Кириллович был как раз его сыном. Еще у него была дочь — Кира Кирилловна, которая с согласия Гитлера даже вышла замуж за одного из Гогенцоллернов (на тот случай если все-таки русская территория будет завоевана немцами во второй мировой войне), чтобы был немецкий претендент, женатый на русской принцессе. Все эти дела не проходят бесследно — они оставляют плоды, которые должны показать, обнаружить, выявить для человеческого сознания, для церковного сознания, что же это за дерево? Раз у него такие плоды — значит само дерево не годится, и плоды его несъедобны.

Теперь перейдем к событиям, которые уже территориально поближе. Еще при патриархе Тихоне оформилась так называемая правая оппозиция, которая всячески противилась заключению, установлению нормальных отношений с новым гражданским правительством, т. е. с большевиками, с новоявленными советскими деятелями, которые не только себя объявили атеистами, но и государство свое атеистическим. И очень скоро христианское мировоззрение объявили устаревшим и поставили прямую цель на физическое уничтожение церкви.

Патриарх Тихон принял тяжкий крест и настоящие, неуклонные труды во Христе. Эти труды нужно было поднять, и люди наиболее ответственные всячески старались по его указаниям ему помогать. Но было очень много таких, которые оказались в церковном отношении в положении отказников. Из этих отказников наиболее известен бывший ректор Московской духовной академии епископ, впоследствии даже архиепископ, Феодор (Поздеевский). Один из расколов даже назван его именем — «феодоровский». Известно, что он, приходя к патриарху, пытался его как-то повернуть на другую стезю, и когда эта попытка не принесла результатов, он устранился. Это, так сказать, характеристика поведения патриарха. Ясно, что святейший Тихон к этому намерению, к этим взглядам серьезно отнестись не мог.

Впоследствии местоблюститель Сергей назвал это умонастроение кабинетным мечтательством, что, мол, только кабинетные мечтатели могут думать, что в такой огромной стране и при таком громадном церковном обществе, при такой громоздкой церковной организации можно жить, закрывшись от власти.

Но каким-то образом, а впрочем, далеко ли здесь ходить, все начинается всегда с гордости... Для того, чтобы вступить на путь раскола, человек должен сначала мысленно объявить себя лучшим: лучшие представители, лучшие выразители, лучшие люди и т. д. Когда впоследствии Сергей указывал на то, что большинство церковного народа ведь приняло же — так почему не можете вы? — на это он получил ответ: «Голоса надо не подсчитывать, а взвешивать». Взвешивать — это значит, что самыми весомыми окажутся наши.

Мы сейчас не то, чтобы забежали вперед, а просто показали умонастроение, которое впоследствии создало почву и для расколов. Я не буду вдаваться в систематическое, событийное описание того, что происходило на самом деле, — тут имеется серьезная, написанная еще в 1966 г., но неосуществленная магистерская диссертация покойного митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). В ней как раз дано (ну, язык, конечно, несколько суконный, но ведь дело не в красноречии) громадное систематическое описание, как эти расколы развивались. Но это — описание вширь, а вот проникновение по-настоящему вглубь будет посложнее. Назрело время, может быть, именно сейчас, т. е. по прошествии 50 лет после того, как уже последние действующие лица сошли со сцены (после 1946 г. как раз и прошло 50 лет в минувшем 1996 г.).

Дальше надо сказать, как правые расколы сами себя именовали. Название «григорьевского» раскола — «староцерковники» было связано с тем, что они сразу объявили себя приверженцами старого (в отличие от обновленцев). Оба эти пути ведут во мрак. Здесь надо сказать, что, кроме романтического взгляда на будущность церкви, был и другой взгляд. Я лишь очень поверхностно охарактеризовала взгляд, который отчасти идеализировал прошлое, а отчасти смотрел на настоящее с отрицательной точки зрения и в событийном смысле живого действия принимал позицию отказничества. Но подоплека таких суждений была все-таки та, что мы — лучшие люди и мы надеемся, что нас-то Бог и оправдает.

Была другая позиция среди так называемого староцерковничества, которая, с одной стороны, характеризовалась более трезвым отношением к действительности и отношением, которое не игнорировало настоящее положение вещей. Здесь люди пересмотрели больше, чем следовало:

факт революции они приняли как свершившийся факт. Но после кончины патриарха они увидели, что нового избрать не удастся. Местоблюститель — это что-то непонятное и ненадежное, поэтому не лучше ли вернуться к привычному старому положению, т. е. к какому-то подобию синодального устройства?

Конечно, вернуться прямо к прошедшему не получилось, но на первый случай они быстро создали так называемый ВВЦС — Временный высший церковный совет. В это название сразу же вошло слово «совет». Этим они пытались встать в некую параллель к советской власти. Они пытались именовать свое начинание восстановлением соборности, игнорируя то, что коллегиальность — это ни в коей мере не есть соборность. Соборность начинается с нравственной ответственности всех, всего церковного тела, сверху до низу. И, конечно же, не насильственное, а добровольное исполнение соборных установлений, принятых Церковью на семи Вселенских соборах и освященных тем, что память отцов семи Вселенских соборов есть церковный праздник, есть то, что принято всей Церковью. И наконец, заканчивается соборное установление как раз святостью. На первом Апостольском соборе под председательством апостола Иакова, брата Господня, было высказано Церковью свидетельство: «Изволися Духу Святому и нам...». Так вот, завершение соборности и есть святость, «изволися Духу Святому и нам» — исповедание первого Апостольского собора. Церковь свидетельствует о своем знании, что «изволися Духу Святому» — это значит, что голос Духа Святого в Церкви явственно различаем. Поэтому оказывается, что всякая предварительная установка, и тем более платформа, и тем более твердость убеждений могут оказаться опасными. Как мы видели, опасна была катехизическая установка о монархии. Когда она есть «нужды ради» — приходится потерпеть, но если есть возможность исправить — надо исправить.

Катехизическая установка во всем ориентироваться на государственную власть — это тоже ориентация на кесаря, только вместо кесаря-царя помазанного тут появились цари, уже не помазанные. Как раз в 1926 г. на самых верхах советских шла страшная, темная рукопашная потасовка между четырьмя претендентами на верховную власть. Ими были знаменитый организатор, создатель Коминтерна Зиновьев, первый на всю Россию оратор Троцкий, знаменитый теоретик и участник антирелигиозных диспутов Бухарин, автор «Азбуки коммунизма», и, наконец, победитель-кавказец — товарищ Сталин, который в то время ничем не был знаменит. Так вот в конце концов получилось, что у них тоже возобладал один над всеми другими, но уж до помазания он не дотянул.

Во всяком случае, вот этот самый «григорьевский» раскол (названный по имени Григория (Яцковского)* был подготовлен абсолютно государственными средствами: попросту некоторых архиереев распропагандировали совершенно государственные чиновники, служащие госполитуправления, и выдали им бумагу о регистрации наскоро сколоченного Временного высшего церковного совета. Их тут же запретил митрополит Сергей. Они пытались столкнуться с живущим уже в ссылке местоблюстителем Петром Крутицким, но ничего из этого не вышло.

Я тут оговорюсь, что Всероссийский собор 1917–18 гг. прямо воспретил архиереям и вообще церковным начальникам управлять подведомственной им областью из мест лишения свободы, т. е. из ссылок, тюрем и лагерей. Следовательно, каждый церковный начальник, уходя, обязан был назначить себе заместителя, и если он не будет назначен, то его придется как-то выбирать. Во всяком случае, из ссылки, тюрьмы и каторги церковью управлять нельзя. В данном случае церковный Всероссийский собор оказался действительно провидцем, потому что попытки как-то заставить ссыльного иерарха произносить церковные суждения несколько раз предпринимались, но всякий раз они были обречены на неудачу. В данном случае митрополит Петр попытался утвердить коллегия из трех епископов для Высшего церковного управления.

Привезенный под спецконвоем из Нижнего Новгорода в Москву митрополит Сергей развернутым письмом с точными формулировками и ссылками ответил ему, что это будет возвращением к коллегиальному управлению, т. е. аналогом синодального, вразрез с избранием патриарха. Поэтому митрополит Петр по совести взял назад свое решение, подписав новое обращение — «кающийся митрополит Петр».

Этот малый откол не имел под собой прочной идеологии. Здесь была чисто тактическая попытка на любых основаниях, хоть как-то, с грехом пополам, договориться с властями. Но Божье дело с грехом пополам не делается. Это попытка строить на песке. Такое здание немедленно завалилось, а самый авторитетный из участников этого образования, архиепископ Борис (Рукин), будучи в заключении, повесился.

Это тоже лишний раз показывает, что участие не в Божием деле лишает человека помощи Божией, поэтому лишает и твердости, и упования, и человек уже не в силах противостоять ни мрачным мыслям, ни просто нападениям врага нашего спасения. Но этот раскол не оставил ничего, кроме некоторой исторической памяти, которую можно использовать в диссертации.

А вот следующий раскол — так называемый «иосифлянский» — более серьезный. Вот на нем я хочу остановиться подробнее. Я уже упомянула о том, что из всех церковных работников наиболее привилегированным положением пользовалась академическая корпорация. Так вот, «иосифлянский» раскол имел питательную среду: его питательной средой была как раз академическая корпорация, притом, столичная — бывшей столицы, т. е. Санкт-Петербурга, тогда уже Ленинграда. И душой его было среднее духовенство — профессора-протоиереи: профессор-протоиерей Верюжский, профессор-протоиерей Феодор Андреев, профессора-миряне и т. д. И вот оказывается, что в таком образовании тоже можно задавать тон. Кроме социальной основы, была еще некая государственная подоплека.

Дело в том, что с самого начала большевики в целях внутреннего развала церкви начали с того, что стали игнорировать всякое централизованное церковное управление. Они сделали ставку на православный приход, а еще точнее — на инициативную группу этого прихода, а по их терминологии — на исполнительный орган прихода, т. е. на так называемую «двадцатку», 20 человек. Здесь тоже явная аналогия: приходской совет — как аналог сельсоветов, горсоветов и т. д. вплоть до Верховного совета и вообще советской власти, а исполнительный орган — как аналог исполкома, ну а в просторечии стали это называть просто «двадцаткой».

Так или иначе, хозяином храма была «двадцатка», которая имела право выбирать себе священников, каких она хочет. Священник совсем не обязательно должен был быть поставлен от канонически правомочной власти. Конечная цель этой глубинной церковной политики была рассчитана на то, чтобы отколоть от церковного тела сколько возможно всяких мелких кусочков, а еще лучше — распылить вообще всю массу верующих на множество мелких самостоятельных сект. Это и есть евангельские слова Господа апостолу Петру: «Се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк 22: 31-32).

Итак, принципом единства Церкви здесь оказалась личная вера, личное упование и личная обязанность каждого православного христианина. Но это в идеале. А практически «двадцатка» могла переходить в секту; весь храм, например, мог записаться в баптистскую общину и сказать тем, которые православные: ступайте в другое место. Но таких вещей фактически не было: если люди переходили к баптистам или к адвентистам 7-го дня, то этот переход был личный, а не коллективный. Но зато очень часто бывало так, что сам приход имел возможность голосованием решать, в какую юрисдикцию они больше хотят или за каким архипастырем следовать. Бывало так, что голоса разделялись пополам, и тогда искали компромиссное

решение, т. е. поминали в церковном тайнодействии, за божественной литургией, обоих. Такие казусы тоже встречались. Встречалось и другое, вот как в «даниловском» расколе. Данилов монастырь был уже закрыт, а для даниловской братии дали храм вне стен монастыря — храм Воскресения Словущего, и даже по чьим-то хлопотам удалось забрать туда и мощи преподобного князя Даниила Московского. И вот что они сделали: мощами перегородили храмовое пространство вдоль, т. е. от царских врат до западного входа, и в одной половине служили, поминая митрополита Сергия, а в другой — не поминая. И никто не вспомнил апостольское слово: «Или Христос разделился?» Но нет сомнений, что ни к чему доброму такой казус привести не мог. В частности, не только этот храм был закрыт, но и мощи преподобного князя Даниила пропали безвозвратно, остались лишь две небольшие частички мощей, которые сейчас и находятся в Даниловом монастыре. Такова была социально-психологическая подоплека этого будущего правого раскола. Как говорится в русском просторечии, была бы кутерьма, а люди найдутся.

Это умонастроение отказничества слагалось очень давно, по крайней мере уже с 1923 г., когда вышедший из заключения патриарх Тихон взял назад, т. е. «вменил яко не бывшее», анафематствование не только власть предрержащих, но и вообще всяких, так сказать, анархических и антицерковных элементов. Но поскольку большевики приняли анафему на свой счет, патриарх Тихон ее снял абсолютно. Это был совершенно верный и глубокий шаг: одно дело — отлучение от церкви Льва Толстого, который объявлял себя христианином и пользовался, хотя весьма недобросовестно, именем Христа, но как можно отлучить от церкви людей, которые всячески декларируют, что они к ней не принадлежат? Стало быть, отлучение может касаться не настоящего, а будущего их, т. е. если они — крещенные люди, то им как бы и вход в церковь загражден, даже если они захотят туда прийти. Разумеется, это противоречит самой цели смерти Христовой. Господь хочет, чтобы все спаслись и пришли в разумение истины. Но когда анафема была снята, это направление отказничества стало получать уже некоторую формулировку. Во-первых, сразу было объявлено, что распоряжение патриарха от 1923 г. неприемлемо. Это было началом идеологической базы, а дальше — больше. Возник вопрос: что такое лояльность? Лояльность всегда понималась как добросовестность, добросовестное отношение к своим гражданским обязанностям. Надо сказать, что церковь в отношении с какими бы то ни было гражданскими властями всегда стояла на позициях добросовестности и даже сверх того. Ну, например, православный священномученик Ипполит, епископ Римский, даже запрещал крестить рабов без согласия их господ, чтобы только церковь не обвинили в какой-то социальной уравниловке, дескать, церковь тайно борется против рабовладения.

То, что Христос умер за всех людей от Адама, Церковь всегда исповедывала, но личный статус, социальный аспект Церковь не затрагивала. Апостол Павел пишет: «Рабом ли ты призван, не смущайся» (1 Кор 7: 21). Но все-таки запрет крестить рабов без согласия господ — это ведь очень сильная и вполне серьезная уступка как раз государственным установлениям. Ничего подобного ни патриарх Тихон, ни местоблюститель Сергий не предлагали. Патриарх Тихон распорядился помянуть власти за богослужением в ектеньях «о властях и воинстве» и сразу — из Послания апостола Павла к Тимофею — «да тихое и безмятежное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Это распоряжение патриарха было разослано по епархиальным управлениям, но на него не обратили внимания. Его не то что не выполнили, его не поняли по существу. Поэтому, хотя сам патриарх за своими богослужениями власти и поминал, большинство приходов этому благому примеру не последовало. Приход сразу приобрел гражданскую самостоятельность; канонической самостоятельности не было, а гражданская была. Потом начались испытания: бразды правления принял местоблюститель Петр и очень быстро был отстранен с помощью провокации. Его отчасти оклеветали, отчасти он показался и самим властям не тем человеком, с которым они собирались договариваться, и с ним

поступили очень просто: он был арестован. Перед этим он успел сделать распоряжение о том, что в случае невозможности ему отправлять должность патриаршего местоблюстителя полностью прав и обязанностей патриарха он возлагает на таких-то трех кандидатов. Так вот из этих трех кандидатов первым был поименован митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), который, будучи еще в заключении, тем не менее по промыслу Божию, по Божию благословению взялся за это дело. Он сразу ввел церковную жизнь в строгие рамки канонов, т. е. поставил ее на строжайшую каноническую основу, а нарушителей сразу же запрещал в священнослужении.

Так же, как русская жизнь не знала законов, а знала, в основном, личность начальника, это справедливо и для церковного общества, которое никогда никаких канонов в глаза не видало, никогда их не читало и не понимало, и не знало, как с ними работать. Как говорил князь Петр Андреевич Вяземский, современник Пушкина, «если все указы выполнять или законы, так России бы не было. Тем и живы, что выполняется, дай Бог, если половина».

А по-настоящему, точно так же, как в государственной жизни, так и в церковной видели своего начальника, в данном случае — епархиального архиерея. Люди не то что канонов Церкви, а вообще служб церковных не знали, поэтому даже в вопросе с обновленческими церквями далеко не сразу обнаруживали, что что-то не то, ведь служба — та же. Потом уже, когда установили, что там какие-то женатые митрополиты распоряжаются, то из этих церквей либо уходили сами, либо выгоняли батюшек. От священников требовали, чтобы они принесли справку, кто их поставил. Тут, конечно, было много наивных вещей, но, с другой стороны, было много и настоящей искренности, и желания, и настоящей церковной добросовестности.

Послереволюционное церковное общество было, в сущности, несравненно горячее, живее и правильнее, нежели люди, которые до революции числились верующими. Насколько там было общераспространенным настроением теплохладности, настолько тут в условиях гонений сама вера и все отношения сделались несравненно более искренними и горячими. Иногда эта горячность переходила границы: устраивались просто потасовки, драки за какой-либо храм между представителями разных направлений. Во всяком случае, возникло нечто живое, и люди оказывались жизненно связаны, т. е. церковь стала не привычкой, а истиной и жизнью для них.

Но давайте все-таки продолжим наше описательное определение. Как дальше складывалась эта идеология, которая впоследствии оформилась в виде правого раскола, — идеология отказничества, стремление хотя бы мысленно закрыться от власти, даже если это будет политика страуса — голову под крыло — и затем стремление дожить свой век? Но ведь ты-то умрешь, а твои дети? Неужели ты захочешь, чтобы они ушли от церкви совсем? Да наконец, и целая поместная церковь: ведь ей как-то придется жить, а люди, горячие к вере, не могут не думать о судьбе своей церкви.

И вот тут возникли некоторые философы. Прежде всего, чего надо было ожидать, — это возникновение так называемого ложного эсхатологического умонастроения. Попросту говоря, не имея никаких живых указаний свыше, люди стали ждать конца света, отчасти его и просить. Но отчасти это было не религиозное чувство, не религиозное переживание, не вопль ко Христу — и это самое важное, а некоторое философско-идеологическое умонастроение, которое уже дальше оформлялось тоже в качестве философии о близком конце света. Вот это умонастроение было осуждено Богом. Я не оговорила. И как всегда в таких случаях, Господь, как Он и обещал, указывает: по плодам узнавайте древо. И Господь не замедлил выявить не только плоды: Он помог людям и самих этих деятелей поставил так, что они высказались, и сказали, что ожидание скорого конца света было не воплем верующего ко Христу, а скорее тоже таким теплохладным умонастроением. А к этому умонастроению и нужно было искать не обетования свыше, не знамения, а некую философию, т. е. нужно было полистать философские

фолианты — не найдется ли там чего-нибудь ближайшего, так сказать, к настоящему моменту.

И получилось по промыслу Божиему так, что вот эти самые ожидающие конца света стали опираться не на пророчество Нила Мироточивого, привезенное с Афона Антонием (Булатовичем) (тоже, впрочем, еретиком), а на Владимира Соловьева. У Владимира Соловьева есть литературное произведение «Три разговора». Там, в частности, говорится об антихристе, о том, что все иерархи Церкви антихриста сразу примут и исповедают Христом, но зато антихриста сможет разоблачить некий старец, который опознает антихриста по когтям на руках его, каковые когти он будет прятать в перчатки. А уж все остальные, значит, будут с отведенными глазами и когтей на руках его не разглядят.

И это все, конечно, измышления человека праздного и полного всяческих страстных побуждений. Владимир Сергеевич был человек очень талантливый, но очень неустойчивой душевной организации. Вдобавок, и церковно был человек неустойчивый: он втайне перешел в католичество восточного обряда, но там тоже не удержался. Скончался формально православным, всего 47 лет от роду. Но так или иначе, в качестве церковного авторитета его использовать по меньшей мере смешно. Надо иметь в виду, что люди в церкви, то есть те, которые регулярно ходили на богослужение, регулярно причащались, приняли «Три разговора» буквально, как вероисповедное произведение, на которое они сразу стали ориентироваться. Более того, даже люди, которые никогда в жизни не открывали книг Владимира Соловьева, из устного предания ссылались на те же самые «Три разговора», хотя о Владимире Соловьеве вообще имели понятие самое слабое. Но так или иначе, это существовало в недрах церковного общества, которое потом образовало фундамент правого раскола.

А события развивались очень просто: как знак для выступления была использована декларация митрополита Сергия и его временного Патриаршего Синода «О лояльности». Тут я несколько слов все-таки скажу в пояснение. Надо иметь в виду, что как раз митрополиту Сергию удалось добиться 20 мая 1927 г. регистрации патриаршей церкви, т. е. по крайней мере управления, чтобы это управление было признано властями за нечто существующее, и существующее легально. 20 мая они получили регистрацию, чего не могли добиться в течение почти 10 лет, а 25 мая был организован из приглашенных самим Сергием архиереев временный Патриарший синод. «Патриарший» было введено в название специально для того, чтобы в церковном обществе не прекращалась вот эта идея, что о патриаршестве мы не забывали и его предстоит восстановить. А дальше в декларации есть такие слова, что мы благодарим советское правительство за внимание к духовным нуждам. А это происходило во время массовых арестов духовенства и верующих мирян и объявления в том же 1927 г. безбожной пятилетки.

«Внимание к духовным нуждам» — это как раз регистрация Патриаршего управления: местоблюстителя и Синода. Дальше — вводное замечание насчет того, что только кабинетные мечтатели думают, что можно жить в церкви, закрывшись от власти. Дальше — напоминание, что во всей жизни поместной церкви и во всей жизни страны действует та же Десница Божия, то есть то, что произошло со всеми нами, не есть какая-то случайность, не есть ошибка, не есть исторический казус, а есть Десница Божия. (В данном случае — это, несомненно, Божие наказание, но оно к нашему исправлению). И затем — уверение, что мы должны не на словах, а на деле показать власть предержащим, что настоящими, добросовестными гражданами своей страны могут быть не только отщепенцы от церкви или ее враги, но прежде всего настоящие, преданные сыны и дочери этой церкви. И последнее, смутившее многих: мы признаем Советский Союз нашей гражданской родиной, и успехи, и неудачи этой родины — наши успехи и неудачи. По-настоящему, и у нас, и за границей мало кто внимательно это прочел даже среди людей, вполне церковно настроенных, оказавшихся за рубежом, таких, как, например, митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский), человек чрезвычайно

церковно ответственный и канонически не просто правильно настроенный, а еще и знаток канонического права. Он тоже понял выражение в декларации так, что радости и неудачи безбожной власти — это наши радости и неудачи. Потом уж ему при свидании сам митрополит Сергей вынужден был пояснять, что ведь не «власти» сказано, а родины.

Неудачи родины — это бедствие для народа, это голод, поральные болезни, стихийные бедствия — все то, что народу причиняет страдание и несет физическое уничтожение. Надо сказать, что слова эти были сказаны в последний год НЭПа, при еще сравнительно благополучном житье. А слова-то были пророческими: предстоял 1929 год — коллективизация, как сказал бы Солженицын — «мужичья чума», потом 1930 год — искусственный голод, потом 1932–1933 годы — голод настоящий, стихийный, не говоря уже о массовых арестах, которые теперь захватывали все слои населения: и рабочих, и крестьян, и церковников, и обновленцев. Эти напасти церковь готовилась разделить со всем народом, и даже если лично кого-то та или иная напасть не захватывала, то духовно сострадать все церковное общество обязывалось именно этой декларацией.

Когда имеешь перспективу, то уже нетрудно рассудить, как дальше развивались события. Сразу после декларации очень оживились внутрицерковные споры и вообще всякие разногласия. С одной стороны, людей, церковно ответственных, сама по себе декларация не смутила, их смутило, что при местоблюстителе — какой-то еще Синод. Это не возврат ли к синодальному управлению? И митрополит Сергей стал получать письма, чрезвычайно трогательные, но такого характера: видали мы уже одного такого местоблюстителя — это при Петре Первом Стефана Яворского, который в конце концов принес церковную истину в жертву своему сытому и благополучному житию, но тот-то с Украины, а Вы же из Арзамаса, из самой середины, так сказать, русской глубинки. Неужели Вы теперь последуете его примеру и, значит, согласитесь, чтобы Патриаршее управление свернуть, а значит, установить, учредить этот самый Синод?..

Но естественно, что на все такие письма митрополит Сергей радостно отвечал. Это и есть горячность искреннего сердца. А были вещи не очень искренние. Например, к нему явилась целая депутация верующих, как раз из Ленинграда, из той самой академической корпорации, где уже давным-давно готовили почву и зрели всяческие нестроения, и именно в их среде произрастал этот сорняк — ложные эсхатологические умонастроения. Участвовал в этом и протоиерей Верюжский, и автор одного из посланий — протоиерей Феодор Андреев (из епископата совсем никому не известный викарный архиерей — епископ Гдовский Димитрий (Любимов)), и многие другие. Так вот, явились они к нему, и разговор очень быстро перешел на эсхатологическую тему:

— Можно ли молиться за антихриста?

— Нет, нельзя.

— А почему Вы уверены, что это власть не антихриста?

Это было по крайней мере добросовестное, хотя и как энцефалитный клещ глубоко внедрившееся в церковное тело заблуждение, с которым можно было спорить и которое можно было обсуждать.

Так митрополит Сергей кротко и ответил: «Ну какой же это антихрист? В конце концов, антихрист — 3,5 года, а эти — уже 10 лет». — «Все равно, мы же не можем быть уверены, и, простите, владыка, это старец может определить, антихрист это или нет». Вот здесь уже идет явная подоплека из сочинения Владимира Соловьева. Не просто старец, а старец из «Трех

разговоров». «Три-то разговора», разумеется, в такой беседе упомянуты не были, но Сергей эти вещи знал не хуже, а лучше их. (В свое время он был бессменным председателем религиозно-философских собраний 1901-1904 годов и позже, которые как раз и ставили задачей диалог духовенства с представителями русской образованной, ученой интеллигенции. Сергия (Страгородского) с полным правом можно назвать пастырем русской интеллигенции. И вот на этих религиозных собраниях он неукоснительно присутствовал сам. Дебаты продолжались уж обязательно до полуночи, а в полночь восставал во весь рост председатель и говорил: «Ввиду позднего времени заседание объявляю закрытым». Потому что этот народ был готов заседать и всю ночь, и до утра, и до следующего дня до обеда.)

Во всяком случае, тот разговор, конечно, не привел ни к какому согласию, но он очень четко выявил умонастроение спорящих партий. Кутерьма, так сказать, была налицо. Общественная атмосфера накалялась, а дальше — то, что я сказала раньше: была бы кутерьма, а люди найдутся. И вот этот самый ленинградский уже готовый раскол, который тут еще не был расколом в каноническом смысле, но уже содержал в себе все нужные элементы для него. Он искал себе достаточно авторитетного возглавителя.

Надо сказать, что это свойство всех расколов. Хорошо известно, что во второй половине XVIII века старообрядцы приглашали святителя Тихона Задонского, чтобы он их возглавил. Он отвечал, что не у чего тут возглавителем-то быть, вы сами еще пусты. Но это — Тихон Задонский. А были архиереи, запрещенные или находящиеся не у дел, которые на такие приглашения и предложения соглашались. Вполне, так сказать, не единичный случай.

Старообрядчество-то было уже с конца XVII века (1667 г.), а к святителю Тихону они обращаются в конце XVIII, т. е. 100 лет спустя. С другими же архиереями поплотше они имели успех. Важно здесь то, что движение, течение, наконец, сообщество людей существовали загодя и задолго, а искали они архиерея даже не для того, чтобы их возглавить, а главным образом для того, чтобы придать их сообществу, по крайней мере внешне, каноническую организацию.

Вот это, как раз, та ситуация, которая имела место в отношении так называемых «иосифлян». Речь идет о том, что по-настоящему, как вообще во всех церковных скандалах, нестроениях или разрухе, деятели, т. е. движущие силы этой разрухи, всегда остаются где-то в глубокой тени и иногда вообще не появляются на поверхности событий; бегают же и трудятся за них представители средней руки и даже помельче. Но какая-то направляющая рука очень чувствуется, потому что к поступкам тех исторических лиц, которые были задействованы на поверхности, вся ситуация явно не сводится.

Итак, перейдем ближе к делу. Мы говорили о том, какие движущие силы образовали «иосифлянский» раскол. Прежде всего его средоточие, очаг, так сказать, нужно сразу определить в бывшем Ленинграде, бывшей северной столице. Его движущими силами были все-таки в основном академическая интеллигенция, профессорская корпорация, среднее духовенство, самые махонькие викарные архиереи, притом только что посвященные, без всякого архиерейского стажа, тоже из вдовых священников, т. е. Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Надо иметь в виду (я уже говорила о том), что идеи, которые их вдохновляли, были идеи ложно-эсхатологического характера. Они существенно отличались, например, от идей зарубежных иерархов. Насколько зарубежники, по словам святителя Тихона Московского, были «обижены революцией» и лишь тогда обратились к церкви, к которой всю жизнь были равнодушны, настолько эта академическая корпорация имела серьезный навык церковности, не говоря уж о том, что это были люди достаточно образованные в каноническом праве, начитанные и прочее, словом, это были действительно в своем роде серьезные силы.

Ситуация сложилась так, что все создавало пограничную, пороговую ситуацию — край обрыва, с которого действительно легко сорваться, если не встать, как на скале, на церковном послушании.

Ленинградская кафедра была несколько лет вдовствующей. Мануил (Лемешевский), епископ Лужский (от Луги) там был викарным и пробыл на ней не очень долго: 1923 г. — это его хиротония, а уже в 1924 г. он был отправлен на Соловки.

В 1926 г. к Сергию (Страгородскому) пришли делегаты от ленинградских приходов и от академии и стали просить себе в архиереи викарного архиепископа Ростовского Иосифа (Петровых), т. е. это назначение не было инициативой Сергия. Сергей в конце концов сдался их настойчивым просьбам. Это не его кандидатура, и уж менее всего его инициатива. Явно со слов Мануила (Лемешевского) митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) в своей магистерской диссертации пишет о том, что Сергей нескольких архиереев пытался направить, т. е. назначить, на ленинградскую кафедру, но все они уклонялись. «Одни разумно, — пишет о. Иоанн, — другие преступно». А одна из центральных кафедр продолжала вдовствовать. Надо иметь в виду, что у всех в памяти еще был Поместный собор 1917–18 гг., где как раз учитывалось желание паствы иметь архиереем вот такое-то лицо. Это в отличие от синодальной практики перемещений: перемещение в поощрение, перемещение в наказание, и в результате — разобщение духовенства и мирян. Поэтому Сергей не мог не согласиться и поставил им Иосифа (Петровых) с возведением его в сан митрополита. Где-то на Александра Невского, 12 сентября н. ст., он был уже в Петербурге, служил. Конечно же, он был чрезвычайно польщен.

И дальше начинаются необъяснимые вещи. Естественно, что взрыв энтузиазма оказался очень не по душе советским властям. Зиновьевская администрация (Зиновьев был хозяином Ленинграда) вообще отличалась если не терпимостью, то во всяком случае более или менее спокойным характером. Каменев с интеллигентскими кругами всегда находил общий язык. Он был кумом Александра Блока, тот у него кого-то крестил, кажется, мальчика. Вполне сочувственно о нем пишет и Ходасевич. Это тоже надо иметь в виду. Так что все, кто эту историю как-то пролистывал, с нею знакомился, в том числе и постфактум, как митрополит Елевферий Богоявленский, все сходились на том, что если бы митрополит Иосиф спокойно принял бразды правления и спокойно на своей кафедре сидел, то власти бы тоже успокоились. Вместо этого, о чем он думал — непонятно, но только после единственной литургии, совершенной на месте своего назначения, он вдруг срывается с места и едет снова в Ростов, чтобы проститься с ростовской паствой. Как будто он не мог послать им туда письмо-послание, да еще учитывая, что он был всего лишь викарным, он мог послать свое письмо на имя митрополита Агафангела, правящего архиерея Ярославской епархии. И поскольку тот был человек очень мирного и благожелательного характера, то он бы, наверное, не отказался, чтобы в ростовских храмах оное послание было прочитано.

И далее начинается кутерьма: ленинградские власти возбраняют митрополиту Иосифу возвращаться в Ленинград. А тогда они имели на это полное право, поскольку архиерей занимал кафедру, так сказать, с согласия гражданской власти. Это очень старое положение, в XII–XIV веках было много таких прецедентов. В Ленинграде остаются три викария, среди них — вполне церковно ответственный человек Николай (Ярушевич) и два уже клонящиеся — очень прислушивающиеся к разным толкам, колебаниям, шатаниям и т. д. — Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Эти двое — Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин) — в течение года курсируют из Ленинграда в Ростов Ярославский и согласовывают большие важные дела со своим правящим архиереем. Разумеется, связь эта искусственная, совершенно ненормальная. Ко всему прочему, существовало положение Поместного собора 1917–18 гг., которое

воспрещало архиереям править епархиями из мест лишения свободы, словом, находясь поневоле в другом месте. Именно поэтому святитель Тихон Московский, будучи арестован в 1922 г., передал всю полноту своих патриарших прав митрополиту Агафангелу (Преображенскому).

Наконец, происходит первый обвал. После опубликования декларации Сергия, декларации 29 июля 1927 г., когда наконец Священный Патриарший Синод Русской Православной Церкви получил государственную регистрацию — какое-то официальное признание и возможность работать, тогда же большевики ставили своей целью полную дезорганизацию церковного управления и распыление церкви на множество сект. Этому способствовало и разрешение каждой церковной общине самой выбирать себе руководителя, который ей более импонирует, а договор на пользование храмом заключался не с епархиальным центром и тем более не с московским церковным центром, а с каждой частной общиной, точнее, с приходским советом. Как я уже говорила, советская власть вся состояла из того, что есть горсовет, есть сельсовет и есть также маленькая ячейка — приходской совет. Во всяком случае, такое положение способствовало тому, что власти не сразу обращали внимание на какой-либо раскол, а долго его не замечали, пока он был им выгоден в смысле нагнетания напряженности и церковного нестроения.

Итак, к Сергию (Страгородскому) явилась целая депутация во главе с епископом Димитрием (Любимовым), которого он сам же совсем незадолго до этого рукоположил, то есть хиротонисал во епископа. Главным лицом там был протоиерей Василий Верюжский, затем еще один академический протоиерей Феодор Андреев и несколько мирян тоже из профессорской, академической корпорации. Сергию они почти в ультимативной форме предложили некую свою программу. (Год перед тем Сергей протерпел ненормальное положение, поскольку все не находилось кандидатуры на правящего архиерея. В конце концов, он взял на себя временное управление Ленинградской епархией. Это было, конечно, ненормально, так как Москву он покинуть не мог.)

Депутация от него потребовала, во-первых, возвратить Иосифа (Петровых) в Ленинград (как будто это зависело от Сергия). Затем изменить, как они выразились, «курс церковной политики», хотя молитва за власти есть как раз апостольское установление и при всех режимах оно было всегда. Затем потребовали никого не назначать им без согласия паствы, как будто можно было создать референдум — кто согласен, а кто нет с этим назначением, и это в условиях жесточайших гонений. И еще одно положение: удалить из вновь организованного Синода пререкаемых лиц, а главным пререкаемым лицом был архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), т. е. будущий патриарх Алексей I. А дальше произошла уже беседа, так сказать, личная...

Вот на эти пункты им, естественно, Сергей ответил. Я эти ответы зачитаю, но сейчас хотелось бы акцентировать внимание не на тезисах, не на требованиях и ответах, а на том, что зафиксировать труднее, — на настроении, на мыслях, а это как раз то, что и двигало расколом. Речь шла о том, является ли она советская власть антихристовой, а за антихриста молиться, конечно, нельзя. Это ключ к пониманию всего. Эти академические гости все настаивали, что власть от Бога та, которая идет в точности по пирамиде и восходит к Самому Богу, потом к царю, потом к царским министрам, вельможам и т. д. Они прямо так не говорили, но во всяком случае речь шла о безусловной иерархии. Дело это весьма зыбкое, потому что, если на то пошло, в это время советская власть уже пришла к иерархической структуре, и полномочию Сталина не сравнилось бы ни с каким царем.

Но они еще помнили недавнюю борьбу за власть, т. е. время 1925 – начала 1926 гг. Напомню, что 1926 г. — это год политического падения Троцкого (платформа 46-ти). Но был еще другой

разговор. Сергей им спокойно и даже кротко возразил: какой же это антихрист? Церковь всегда молилась за римских императоров, как раз за гонителей, я приводила уже примеры из положения, которое вводил священномученик Ипполит Римский, где даже крестить рабов запрещалось без согласия их господ, запрещалось вводить рабов в состав клира, если господин не дает отпускную (Ап. пр. 82). То есть это вещи несравненно более важные. А уж молитва за императоров — они все были враждебны христианству, из них добрая половина злодеев уж не хуже Сталина, как бы не лучше...

Но здесь как раз и проявилось то, о чем мы говорили в первой части нашей беседы. В сущности, за неимением истинно церковных авторитетов, за неимением свидетельства святых, они пробавлялись «Тремя разговорами» Владимира Соловьева. Я об этом уже упоминала. Там у него есть такое лжепророчество, что антихриста радостно примут все церковные иерархи, но обнаружит и разоблачит его старец по когтям на руках, которые он будет в перчатках прятать, а другие люди этих перчаток и когтей как бы не заметят. Это, конечно, очень наивно. Но так или иначе, тот же протоиерей Верюжский и особенно Феодор Андреев сразу заявили митрополиту Сергию, что для того, чтобы определить антихриста, надо быть старцем. А сейчас есть подозрение, что это власть — антихристовая.

Сергий, разумеется, не был старцем из «Трех разговоров», но ситуацию он определил абсолютно верно. Вот его ответы. Относительно перемещения архиереев, естественно, он сказал, что это явление временное и вызвано тяжкой нуждой. После того, как стало ясно, что власти укрепились на своем и Иосифа (Петровых) не допустят до Ленинграда, Сергей дал ему новое назначение в Одессу потому, что Одесская кафедра тоже долго перед тем вдовствовала. Ну а Иосиф (Петровых) очень обиделся.

Главное, конечно, — вопрос об отношении к государственной власти и о возможности устраивать как-то церковную жизнь. Надо было в условиях неслыханных гонений сохранить громадную церковную организацию, сохранить весь порядок церковного управления и, главное, сохранить ее видимо для всех православных русских людей, не только верующих сейчас, но и тех, которые в будущем могут прийти к вере, для того чтобы им было куда прийти. И вот тут, в кратких ответах, Сергей просто упомянул, что почитать власти — это обязанность христианина и, безусловно, необходимость настоящего дня, что пора этот вопрос поставить четко и без всяких уклонений совершить то, что от христианина требуется.

Надо иметь в виду, что поминовение властей ввел еще патриарх Тихон в 1923 г. и сам поминал и распорядился почитать, но его, в сущности, не послушались — настолько это было дико тогда. Поэтому в настоящем случае церковная линия проводилась неуклонно и просто за счет требования канонического церковного послушания. Притом началось с того, что когда Сергей разослал декларацию по епархиям для прочтения в церквях, в приходах, эта декларация без всяких комментариев из многих мест возвращалась ему обратно просто по почте.

Но, видимо, он был не из тех людей, кто сразу опускает руки. Сила воли у него была. Кроме обыкновенного административного распоряжения, он еще должен был обратиться с пастырским посланием, уже как бы личным, как бы частным письмом, которое бы шло действительно из глубины его собственного исповедания. Вот что он пишет: «Еще раз и лично от себя заявляю, что архиерейскую присягу я помню и по своим силам и способностям соблюдаю, веру святую православную содержу и буду содержать несомненно. Правила святых апостолов, святых соборов и святых отцов с любовью приемлю, сам их стараюсь исполнять и от других того же исповедания требую. Вверенное мне стадо Христово вообще желаю вести только прямым православным спасительным путем, не уклоняясь ни направо, ни налево. Что же касается поминовения властей за нашим богослужением, то это поминовение вводится не в отмену, а во исполнение церковного установления (Иер 29, Вар 1: 11-12; 2: 22-23), это

заповедь апостола (1 Тим 2: 2-4), свято соблюдавшаяся нашей Церковью во все времена повсюду и при всяких правительствах совершенно независимо от того, желают или не желают они этого поминовения, веруют они или не веруют.

Итак, пусть никто не торопится при первом встретившемся недоумении бежать из ограды церковной, говоря: «Какие странные слова! кто может это слушать?» (Ин 6: 60). Наоборот, любовью покрывая случайные ошибки своего пастыря, пусть каждый запасается терпением, пока дальнейшая жизнь не разъяснит недоумений. Пусть каждый помнит, что не вне Церкви Христовой, а только внутри ее имеются глаголы жизни вечной и что современные носители высшей церковной власти при всем их недостоинстве не менее заинтересованы в чистоте Православия, чем и другие.

19 января - 1 февраля 1929 г. Сергей, митр. Нижегородский».

Таково пастырское заверение.

Дальше события развивались уже неотвратимо. По-прежнему Ленинград оставался средоточием: Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин) сразу же по приезде заявили о своем отходе. Естественно, Феодор Андреев и протоиерей Василий Верюжский немедленно туда же присоединились, а Иосиф (Петровых) все еще соблюдал некую выжидательную политику и, хотя состоял с отколовшимися архиереями викарными в переписке, сам никаких заявлений не делал. К нему, естественно, Сергей послал от Патриаршего синода двух архиереев, в том числе Анатолия (Грисюка). Они с ним побеседовали, но тот начисто отрицал всякую свою принадлежность к расколу и к отколовшимся. Но конечно, он не был искренен. А тут еще возникла новая беда — 6 февраля отделилась от Сергея так называемая Ярославская церковная область. Возглавлял ее весьма достойный иерарх митрополит Агафангел (Преображенский) — старейший по хиротонии архиерей, считая и отечественных, и эмигрантов. У него-то были, конечно, совсем другие мотивы. Он и его викарии Варлаам (Ряшенцев), Евгений (Кобранов) и Серафим (Самойлович) написали Сергию, что мы раскола не учиняем, что имя митрополита Петра мы продолжаем возносить, но распоряжения церковного центра мы по нашей совести исполнять не можем. Каких распоряжений — об этом уже не было сказано, но речь шла о том, что церковь как будто меняет кесаря, т. е. насколько она в синодальный период вся была подчинена государственной администрации во главе с чиновником от правительства обер-прокурором Синода, настолько она как будто сейчас просто меняет кесаря и вместо того царя теперь ставит уже царя не помазанного и самозванного, т. е. царя-узурпатора, каковым на тот момент был Сталин.

Надо иметь в виду, что в период гонений Церковь внутренне более свободна, чем когда она имеет статус государственной организации — ведомства духовного исповедания. Именно потому, что власти никакого поминовения не хотят и драконовские меры применяют. Вот как раз в это время молитва за гонителей не имеет под собой иного основания, кроме Нагорной проповеди (Мф 5: 44): «Благословляйте проклинающих вас и добро творите ненавидящим вас...» Это как раз и есть Христова Церковь, которая иначе относиться к своим гонителям и даже палачам не может. Ярославские иерархи предвидели, конечно, то, что после преследования эти самые безбожные власти захотят контролировать церковное управление. Церковь много потерпела в так называемый синодальный период. Сегодня идет преследование, а завтра вместо свободы, которую имеет церковь, хотя и гонимая, она должна будет подчиняться уже совсем другим личностям, инструкциям, законам.

Но всего этого выражено не было. Вместо этого к официальному документу было приложено искреннее и очень живое письмо архиепископа Серафима (Самойловича), которое как раз поясняет то, что нельзя высказать в официальном документе. Вот это письмо, помеченное тем

же числом, т. е. 6 февраля 1928 г. Вот тут его можно зачитать.

«Более чем полугодовой срок, протекший со дня издания Вами декларации, показал, что все надежды Ваши на мирное установление наших церковных дел, на приведение в должный порядок и строй всего нашего церковного управления напрасны. А Ваша уверенность в возможности деятельности и жизни в пределах закона совершенно несбыточна и никогда не может при настоящих условиях перейти в действительность. Наоборот, факты чуть не ежедневно свидетельствуют, что еще труднее стало жить православно верующим людям. Но особенно тяжело, прямо мучительно им сознавать, что Вы приносите в жертву кому-то и чему-то внутреннюю свободу Церкви».

Здесь сделаем остановку.

Господь сказал: «Где Дух Господень — там свобода. Познаете истину, и истина сделает вас свободными». Только вот эта свобода, которую не могут отнять ни узилища, ни сама смерть, вот только эта свобода и есть истинная, а эти так называемые свободы, послабления — они имеют лишь относительное значение и отнять можно только их. Эти свободы неистинны, и потому трудно сказать, какую свободу тут можно принести в жертву. Ее Русская церковь, в сущности, и не знала.

Читаем дальше.

«До слез горько сознавать, что Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего заместительства (т. е. до четвертой посадки), теперь свернули с прямого пути и пошли по дороге компромиссов, противных истине.

Вы повергли нас в область страшных нравственных мучений, и сами себя сделали первым из таких мучеников, ибо должны страдать за себя и за нас. Раньше мы страдали и терпели молча, зная, что мы страдаем за истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждою, что в срок, ведомый единому Богу, истина Православия победит, ибо ей неложно обещано, и когда нужно, будет подана всесильная помощь Божия.

Своей декларацией и основанной на ней церковной политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от служения истине, а лжи Бог не помогает. Мы, лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления Советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее. Но хотим быть честными и правдивыми членами Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваться в советские цвета».

Пока еще не совсем поздно, пока еще не совсем захлестнула Вас эта страшная пучина, готовая бесславно и уже навеки поглотить Вас, соберите свои еще недавно могучие умственные и нравственные силы, встаньте во весь свой духовный рост, издайте другую декларацию во исправление первой или хотя бы подобную той, которую Вы разослали в первый период своего заместительства. Разрубите благодатным порывом духа цепи Вас сковавшие и выйдите на святую свободу. За Вас будут молить Бога все истинные сыны Церкви, и все мудрые архипастыри и добрые пастыри встанут на вашу сторону. Вас духовно облобызают все многочисленные страдальцы, этот голос свидетелей чистой истины, удаленных от своих паств и собратий (т. е. сущие в тюрьмах и лагерях, особенно в Соловецком). За Вас будет сама непобедимая истина.

Дорогой владыка, я представляю, как Вы должны страдать. Неужели Вы не найдете мужества

сознаться в своем заблуждении, в своей роковой ошибке изданием Вами декларации 29 июля 1927 г.? Страшный стон несется со всех концов России. Вы обещали вырывать по два, по три страдальца и возвращать их обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, и стоны их не доносятся до Вашего сердца! Как же Вы могли своей декларацией наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда и они, и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политике, строго, до самопожертвования охраняя чистоту Православия?

Проявите мужество, сознайтесь в своей роковой ошибке, и если невозможно Вам издать новую декларацию, то для блага и мира церковного передайте свои права и власть заместительства другому.

Архиепископ Серафим Самойлович».

Итак, вот это заявление, кроме викариев митрополита Агафангела, подписал и митрополит Иосиф (Петровых). Это и было его первое официальное заявление. Если мы будем историю рассматривать не как «течение» (*hystoria* - греч. — означает «течение»), которое все-таки предполагает по крайней мере последовательность рассказа, а по принципу одновременности, мы тогда поймем, в каком положении окажется человек, когда его встречает целый букет таковых событий: Ленинград и Ярославль, потом Московская область, Серпухов — это же все происходит одновременно. Как выразился на Соловках архиепископ Иларион (Троицкий), прежде по каким пустякам места жительства меняли, т. е. переводились в разные другие епархии, да еще за радость считали, а теперь заскандалили, как будто все с ума посходили, как будто с цепи сорвались.

Действительно, в церкви началась анархия. И вот тут, при этих захлестывающих волнах, нужно было не только держать кормило церковного корабля, нужно было еще ни единого разу не потерять терпения, ни единого разу не потерять хладнокровия и спокойно, неуклонно вести свою, т. е. Богом назначенную, линию поведения, а свои нравственные и душевные страдания поверять только Господу и святым, да, может быть, стенам своей кельи.

Известно, что Сергей (Страгородский) носил помысел Антония Великого — «все спасутся, один я погибну». Он то и дело твердил: «Плачет по мне геенна, плачет». Но это нигде не опубликовано. Это я в свое время узнала от покойного протодиакона Сергея Боскина, а он это знал от своего личного друга и секретаря митрополита Сергея — Сергея (Воскресенского). Это уже другой вопрос, но во всяком случае здесь надо было действительно принимать срочные меры.

В течение полугода Сергию (Страгородскому) удалось умирить Ярославскую епархию. Много пришлось употребить сил, терпения, времени, ума, воли, искусства. Как говорил Иоанн Златоуст: «Много искусства надо, чтобы убедить согрешившего добровольно подвергнуться врачеванию». Сергей искусством церковного управления владел виртуозно.

Но если с митрополитом Агафангелом можно было иметь дело сравнительно легко, то в Ленинграде оно пошло кувырком. Был направлен в качестве правящего архиерея митрополит Серафим (Чичагов) (вот недавно, на последнем Соборе, причисленный к лику святых). Епархия его приняла без всякого воодушевления; он приехал на уже созревший раскол. По всем церквам он объявил молитвы, молебны об умирении, об умножении любви, но видимых результатов это не приносило. Он испросил у Сергея позволения привезти Мануила (Лемешевского) в качестве человека авторитетного для ленинградской паствы и по требованию этой паствы, но оказалось, что это тоже было требование лукавое: они ждали, что Мануил примкнет к расколу. Этого не произошло, наоборот, он всячески свидетельствовал о

том, где истина церковная.

А дальше само время решало, подгоняло события, и происходили неожиданные вещи. Уже прошел, перевалил за свою половину 1928 г. В это время Иосиф (Петровых) был арестован и сослан в Новгородскую область, из которой он происходил и родом. Переписка была интенсивная, и он всячески поддерживал, подначивал и распалял своих приверженцев.

А тем временем политические события шли своим чередом. В 1929 г., как известно, Троцкий был выслан за пределы СССР, а перед этим с конца 1928 г. был разгромлен несуществующий троцкистско-зиновьевский блок. Напомню, что Ленинград — это как раз город Зиновьева, т. е. с 1928 г. здесь начинаются массовые аресты.

И вот под эту вывеску разгрома троцкистско-зиновьевского блока людей хватают, попросту говоря, до кучи, и в этот улов, в этот невод попали и деятели партии — коммунисты, бывшие гонители церкви начала 20-х годов, и деятели «правого» раскола «иосифлянского», и вполне правоверные, послушные церкви и верные Христу клирики, и миряне, и епископы, кстати говоря, тот же Венедикт (Плотников). Все они оказались в одних и тех же телячьих вагонах, все они направлены были по соответствующим лагерям.

Вот и сбылось пророчество Сергия относительно общих печалей и радостей. Верующие разделяли судьбу всей страны, все были в исключительных условиях, как тогда это называлось. Все были в исключительном положении, и все были товарищами по несчастью. Кстати говоря, из этих бывших гонителей кое-кто обращаться начал уже в это время. Ну а люди, религиозно разрушенные, потихоньку в лагере учились молиться. В 1929 г. были арестованы основные деятели «иосифлянского» раскола и весь его епископат, кроме епископа Сергия (Дружинина).

У Зиновьева и Каменева был отобран Ленинград, и туда назначен Киров. 1934 г. — убийство Кирова и под этой вывеской новая чистка Ленинграда. И вот в эту чистку попал и последний иерарх, оставшийся на свободе, — епископ Сергей (Дружинин), и тоже исчез в этой пасти.

Сделаем отступление. Синодальная эпоха, во-первых, поддерживала в мирянах очень низкое церковное образование и очень малое церковное сознание. Люди верующие шли, в основном, за своими духовниками; стоило духовнику уклониться — и он за собой тащил целый выводок своих духовных чад, потому что разбираться люди не умели, да и не хотели — уж как наш батюшка велит. Между прочим, подобная вещь произошла не так давно в Суздале, когда в зарубежный раскол перешел настоятель единственной действующей тогда в Суздале церкви равноапостольного царя Константина. Обыкновенные, верующие бабушки заявили, что мы теперь — зарубежники, хотя, что это за зарубежный раскол, они не знали. А некоторые даже говорили, что мы теперь — карловчане, хотя в чем оно, карловчество, они тоже не умели объяснить, но ходили так, как привыкли. И вот люди, которые попали в эти тенета, чаще всего довольно быстро возвращались, никому не хотелось умирать без христианского приготовления — без исповеди и причащения святых Христовых Таин.

А вожди раскола не дожили, т. е. большинство из них не дожило, до прекращения гонений в 1943 г., за некоторым исключением; и как раз исключением оказался протоиерей Василий Верюжский. Он неизвестно как, но прошел все свои узилища и после войны был освобожден. Вот тут он изъявил свою покорность, был прощен, принят в общение, назначен вновь преподавателем возрожденной Ленинградской духовной академии и скончался мирно в 1955 г. И милость Божию можно усмотреть в том, что он не дожил, к счастью, до хрущевских гонений. Он умер в период семибоярщины, в 1955 г., а изъявил свою покорность тому самому пререкаемому архиерею, члену сергиевского Синода, который стал к тому времени патриархом Алексием I.

Что можно добавить к тому, что в данный момент было рассказано? Мы сейчас все-таки изложили более канву событий — и церковных, и государственно-общественных. Но надо иметь в виду, что существует еще история идей. Дело в том, что иерархи, священники, миряне, члены церкви, попавшие в «иосифлянский» раскол, вожди одного раскола были осуждены за церковное самочиние — первый признак раскола и он же, так сказать, достаточное условие, то, что в математике называется критерием. Так вот, критерий раскола — это когда группа иерархов, или белого духовенства, или вместе с мирянами объявляет себя Церковью и начинает судить, т. е. присваивает себе права церковной полноты. И этому критерию удовлетворяют и раскол «карловацкий», и расколы левые «живоцерковные», и, разумеется, раскол «иосифлянский». Это называется «восхитить суд». Почему Сергей и предупреждал — лучше потерпите, останьтесь в церковной ограде, но не присваивайте себе того, чего иметь не можете. В данном случае некоторые эти самые «иосифлянские» деятели доходили до крайних выражений, т. е. находились уже в глубокой явной прелести. Был такой околоцерковный путаник, так называемый епископ Максим (Жижиленко), который был в зрелом возрасте мирянином, врачом по образованию, потом был тайно пострижен еще при патриархе Тихоне, а потом уже незаконно рукоположен в чужой епархии в Киевских пещерах. Словом, он очень с большим азартом называл православные храмы храмами сатаны, а причащение — пищей бесовской. Но это крайности. А вот «иосифляне», которые таких страшных заявлений не делали, были осуждены за раскол, который вот мы только что описали, за церковное самочиние, за отсутствие церковного послушания и т. д. Но идеи, которые ими руководили, по сути дела не были разоблачены, не была показана внутренняя ложность этих руководящих идей. Так же, как в свое время толстовщина, от которой русские люди, особенно интеллигенция, отгораживалась то умолчанием, то иронией, но по-настоящему эти пророческие вещания яснополянского старца не были разоблачены в смысле их антихристовой сущности.

Так и тут, общество верующих этими идеями постепенно проникалось, особенно в более позднее время (70-е годы), когда история не была предметом изучения, а идеи без их конкретных носителей продолжали как-то носиться в воздухе. Они проникали в печать, особенно ту, которая «тамиздатская». Они как-то проступали в разговорах, но конечно, с людьми старшего поколения, что всегда выгодно творителю всех раздоров, врагу нашего спасения. Всякий раз он любит действовать дезинформацией, или полуинформацией, или какими-то недомолвками.

Вот и тут было очень мало известно. Все остальное предлагалось додумывать самим, и как лодка, долго стоящая в воде, постепенно пропитывается водой, так и церковное сознание неопитов 70-х годов так или иначе пропитывалось вот этими некоторыми идеями — что существует еще какая-то другая, то ли тихоновская, то ли катакомбная, то ли еще какая-то, но какая-то особенная подпольная церковь, и вот в ней ... Что в ней — точно известно не было, но как раз это-то и было выгодно тем, кому вообще нужно как можно более навредить Церкви.

Что тут можно сказать? Прежде всего, всякие недомолвки боятся дневного света. Разумеется, по-настоящему серьезных трудов по этому кругу вопросов очень немного. Следует сразу назвать, во-первых, митрополита Елевферия — «Неделя в Патриархии» и приложение как раз о ярославском расколе. Но это чисто каноническая оценка, это слишком профессионально, а для широкого круга мирян разбирать апостольские правила, сверять их с Книгой правил — слишком скучное занятие. Затем существует очень хороший, строгий труд профессора Иринарха Стратонова о церковных смутах 1921–1931 гг., где он вполне четко и правильно, весьма профессионально показывает единую природу и раскола «живоцерковнического», и раскола «карловацкого», т. е. зарубежного. Эти вещи вообще симметричны и для расколов так называемых «правых». И затем уже упомянутая мною диссертация митрополита Иоанна

(Снычева), которую он опубликовал в 1992 г. в виде книги о расколах Русской Православной Церкви 20 – 30-х годов. Но это все, скорее, внешняя история, а вот внутренняя — по сути дела еще не написана.

Надо иметь в виду, что Иоанн (Снычев) писал все-таки в 1966 г., когда вынужден был говорить эзоповым языком. А Иринарх Стратонов и митрополит Елевферий (Богоявленский) — оба скончались в 1940 г., притом, профессор Стратонов — в фашистском лагере, в застенке. Так что они еще не дожили до окончания тех событий. Это очень специальные труды, которые с точки зрения канонического права являются, конечно, превосходными руководствами по истории соответствующих течений.

Но одно дело каноническое право. В свое время митрополит Кирилл (Смирнов) писал местоблюстителю Сергию: «Вы, конечно, в канонах очень, так сказать, превзошли многих, но это не значит, что Вы правы. Церковная жизнь в XX веке не по канонам устраивается». Кстати говоря, он очень сильно заблуждался. Насколько правила Вселенских соборов попирались в синодальный период, настолько наши 20-40-е годы были возвращением к строгому их соблюдению, и главное — к их основанию, как бы. Церковная жизнь была поставлена на твердое основание канонического права церкви, т. е. внутрицерковного закона.

Но это закон, а как же нам все-таки судить по благодати? А вот это еще нам предстоит. Вот тут действительно нужен будет не только труд ума и памяти, но труд сердца. Это история, которая ждет своего осмысления и с Божией помощью своего настоящего глубокого и четкого рассмотрения в свете Божией правды. И этот свет Божией правды, который Церкви присущ всегда, должен осветить разные темные закоулки нашей трудной отечественной истории.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Хвалы и молитвы святого Франциска

Экуменический и нехристианский опыт

Когда мир истощили богатые,

ты ницетюю Христовою обогатил его;

любовью же твоею ко всякому созданию

ты открыл нам сияние света Фаворского;

посему разумеют в тебе все народы вожделение изрядное всех людей.

Моли Христа Бога спасти души наши.

Тропарь, глас 3Св. Франциск Ассизский

Хвалы и молитвы святого Франциска Похвалы добродетелям

О царица премудрость, спаси тебя Господь сестрой твоей, чистой и святой простотой. Госпожа святая ницета, спаси тебя Господь сестрой твоей, святым смирением. Госпожа святая Любовь, спаси тебя Господь сестрой твоей, святым послушанием. Все пресвятые добродетели, спаси вас Господь, от Него же вы исходите и происходите. Ибо нет на земле человека, чтобы мог обрести себе одну из вас прежде того не умер. И кто единой обладает и

прочие не оскорбил, обладает всеми; а кто оскорбляет единую, ни одной не обладает и все оскорбил; и каждая сокрушает грехи и пороки. Святая премудрость сокрушает сатану и все козни его. Чистая и святая простота сокрушает всю мудрость мира сего и мудрования плоти. Святая нищета сокрушает всякую алчность и скупость; все попечения мира сего. Святое смирение сокрушает гордыню и побеждает всех людей, какие есть в мире, и все, что есть под небом. Святая любовь сокрушает всякое искушение, дьявольское и мирское, и всякий страх человеческий. Святое послушание сокрушает всякое желание плотское и телесное и держит тело как бы убитым в послушании духу и в послушании брату своему, и делается человек слугою у всех людей, какие есть в мире, и не только у людей, но у скотов и диких зверей, так что могут они делать с ним все, что пожелают, насколько будет им дозволено от Господа.

Перевод О. Седаковой

Приветствие Пресвятой Деве

Радуйся, Госпожа Святая, Царица Пресвятая, Мати Божия Мария Приснодево, избранная Пресвятым Отцем Небесным, Им же освященная со Пресвятым и возлюбленным Сыном, и со Духом Святым Утешителем. В Тебе было и есть все исполнение благодати и всякое благо. Радуйся, чертог Его. Радуйся, скиния Его. Радуйся, дом Его. Радуйся, одеяние Его. Радуйся, раба Его. Радуйся, Мати Его. И вы все радуйтесь, святые добродетели, благодатию и светом Духа Святаго изливаемые в сердца верных, чтобы из неверных сделать их верными Богу.

Перевод О. Седаковой

Молитва перед Распятием

Всевышний, преславный Боже! Просвети тьму сердца моего и дай мне веру прямую, надежду твердую, любовь совершенную, разум и разумение, Господи, чтобы я исполнил святую и истинную волю Твою.

Молитва о любви

О, пускай похитит, молю Тебя, Господи, огненная и сладостная сила любви Твоей; ум мой от всего, что под небом, чтобы я умер от любви к любви Твоей, как Ты изволил умереть от любви к любви моей.

Песнь благодарения во всех тварях Божиих Всевышний, Всемогущий, Благий Господи, Тебе слава и хвала, честь и всякое благословение, Тебе Единому да будут возданы; и никто из человеков не достоин именовать Тебя! Слава Тебе, Господи мой, за все Твои творения, особливо же за достославного брата нашего Солнце, что день зачинает и светом нас освещает, в лучах блистает и в лепоте великой являет образ Твой, Господи! Хвала Господу моему за сестру Луну за звезды осиянные, Им в небесах сотворенные; хвала Господу моему за брата Ветра, за Воздух и Тучи, за Ведро и Ненастье, коими Он всякому дыханию пропитание промышляет! Хвала Господу моему за сестру Воду, ибо она весьма полезна, любезна, смиренна и непорочна; хвала Господу моему за брата Огня, что светит в ночи; он весел и рдеен, необорим и бодр; хвала Господу моему за мать нашу Землю, что всех нас кормит и носит, всяческие плоды производит, цвет и травы на свет выводит! Хвала Тебе, Господи мой, за тех, что Тебя ради обиды прощают, нужду и скорбь с терпением сносят; блаженны с миром до конца претерпевшие, яко от Тебя, Господи, венца сподобятся! Хвала Тебе, Господи мой, за сестру нашу Смерть, ее же никто из живущих не минует; но горе почившим во грехе смертном! Блаженны, кто нашли себя в час свой последний верными Твоему пресвятому волению; смерть вторая повредить им не сможет. Славьте и хвалите Господа моего, величайте Его, и да служит Ему всякое дыхание с

великим смирением!

Перевод С. Аверинцева

[Молитва о мире]

Приобщи меня, Господи, к воле Твоей, К любви Твоей, к миру Твоему! Даруй мне заронить любовь в сердце злобствующих, Принести благодать прощения ненавидящим, Примирить враждующих. Даруй мне осветить истиной души заблуждающихся, Укрепить верою сомневающихся, Озарить светом Твоего разума пребывающих во тьме. Даруй мне возродить надеждой отчаявшихся, Одарить радостью скорбящих.

Соделай меня, Господи, не ищущим утешения для себя, Но жаждущим дать его другим; Не вразумляющим в гордыне своей, Но вразумляемым в смирении духа; Не любимым, но любящим. Об этих милостях молю Тебя, Боже, Ибо отдавая, мы получаем; Забывая о себе — находим себя; Прощая других — прощение обретаем; А умирая — воскресаем к жизни вечной!

Перевод Е. Широной

ПРИЗЫВ К БРАТЬЯМ

О возлюбленные братья и благословенные вовек сыны, услышьте меня, услышьте голос Отца вашего: Мы обещали много: Но нам обещано больше. Послужим на земле, Устремясь к небесному. Наслаждение кратко: Наказание вечно. В меру страдание: Слава без предела. Многих призвание: Немногих избрание. Но всем воздаяние. Братья, пока у нас есть время, будем творить добро.

Перевод Е. Широной

Сергей Аверинцев: «Цветики милые брatца Франциска» - итальянский католицизм русскими глазами

Экуменический и нехристианский опыт

Второго февраля 1944 года без малого семидесятивосьмилетний Вячеслав Иванов занес в свой поэтический дневник очередное стихотворение, которое начинается любовной, чуть фольклористской характеристикой обрядов римского церковного года, а завершается личным раздумием о шаге, который он сделал восемнадцать лет тому назад в римском соборе Св. Петра, присоединившись к католической церкви. Но в середине, между тем и другим, развито сопоставление двух типов народной набожности — итальянского и русского.

Где бормочут по-латыни, Как-то верится беспечней, Чем в скитах родной святыни, —
Простодушней, человечней. Здесь креста поднять на плечи Так покорно не умеют, Как пред
Богом наши свечи На востоке пламенеют.

Присмотримся: это действительно сопоставление, взвешивающее и так, и эдак, без однозначной тенденции. Да, «простодушней» и «человечней». Однако «не умеют». «Беспечней» — нельзя сказать, чтобы очень похвальное слово; а ведь оно здесь образует не только рифму, но и синоним к «человечней». Мысль выражена с обычной для Вячеслава Иванова сжатостью,

приличествующей формулировке целой темы, которая стоит за двумя четверостишиями. Это словно бы эпиграф к рефлексии над темой.

Стоит задуматься о тех исторических чертах, какие приобрело христианство в Италии и в России, как ощущаешь замешательство от преизобилия, с одной стороны, черт сходства, с другой стороны, контрастов. Поистине *embarras de richesse*: не знаешь, с чего начать. Так много общего: память о византийском наследии, особенно ощутимая, конечно, на полугреческом юге, однако исторически присутствующая и в Риме, например, в отданной когда-то бежавшим от иконоклавов константинопольским монахам церкви Santa Maria in Cosmedin; почитание Божьей Матери, почитание чудотворных икон, вокруг которых то там, то здесь воздвигнуто Santuario; порой доходящий до колоритных суеверий и всегда далекий от протестантского морализма вкус народной набожности к конкретному; глубина исторической перспективы, то тут, то там уводящей в дохристианское... Когда русский читает надпись XII века в вышеупомянутой Санта Мариа ин Космедин, где Матерь Божия именуется «Божией Премудростью» («Deique Sophiam»), когда он слышит от жителя столь, казалось бы, буржуазной и одновременно коммунистической Болоньи, что город этот до сих пор живет по-иному те несколько дней в году, на которые чудотворную икону приносят из местного Santuario, когда он видит, что делается с Неаполем в ожидании чуда св. Януария, — все это вызывает чувство, поистине близкое к ностальгическому. Недаром, недаром молодой итальянский граф из гоголевского отрывка 1839 г. «Рим», возвращаясь в отечество из заграничных скитаний, переживает благочестивые чувства, какие мог бы иметь в аналогичной ситуации набожный россиянин:

«Он вспомнил, что уже много лет не был в церкви, потерявшей свое чистое, высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн и долго молился, сам не зная за что: молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, — и молитва эта, верно, была лучшая»¹.

Италия, простосердечная и безотчетно, непосредственно молитвенная, противопоставлена охладевшим к вере «умным землям Европы» в точности так, как им обычно противопоставляется Россия. Внутри привычной славянофильской двучленной формулы на месте, нормально отведенном России, оказывается Италия; то, что это возможно, говорит о многом.

А с другой стороны: как не ощутить резкого диссонанса, скажем, между пышностью римского барокко, столь неразрывно связанного с папством, с иезуитизмом, а равно и «беспечностью», по слову доброжелательного Вяч. Иванова, итальянской народной веры, — и русским православным понятием о страхе Божиим, о «духовном трезвении», о «духовной нищете»?

Гоголь еще мог помянуть без всякой внутренней дистанции «великолепные мраморные колонны» как обстановку для растроганной молитвы коленопреклоненного графа, да и вообще включить эту молитву в романтически беспечную смесь из красоты обворожительной Аннунциаты, архитектурных восторгов и прочего. В этой связи возникает острый вопрос о соотношении между итальянским идеалом красоты в духе Ренессанса и русским чувством христианской святости. В исторической перспективе вопрос этот не допускает простых ответов. Не будем забывать, что еще у Достоевского чистый и целомудренный, то есть, очевидно, христианский идеал красоты, противостоящий «идеалу содомскому», именуется «идеалом Мадонны». Здесь не место обсуждать особую роль слова «Мадонна» (у авторов Пушкинской поры «Мадона» с одним -н-, не на итальянский, а на французский манер) в языке литературы и вообще культуры некатолических стран, например, Англии и России; слово это, отсылая к реалиям истории искусства, оставляет открытым вопрос о богословской идентичности

поименованного лица. В сонете Пушкина (1830) «Мадона», т. е., собственно, картина, «Мадону» изображающая, воспета как метафора возвышенного счастья поэта в браке — счастья, при всем своем возвышенном характере, несомненно, вполне земного и постольку несообразного с теологическими импликациями «мариологии»; слова замыкающей сонет и потому особенно важной строки, по контексту относимые и к «Мадоне», и к супруге поэта, — «чистейшей прелести чистейший образец» — суммируют и заостряют некое деликатное противоречие, лежащее в основе стихотворения: да, «чистейшая», но все же «прелесть» — слово лукавое, даже если не вспоминать его мрачных коннотаций в славянской лексике православной аскетики («прелесть бесовская», т. е. прельщение). Как бы то ни было, однако, «Мадона» — картина, но одновременно как бы и Сама Дева Мария, — важнейший предмет русской поэзии 1830-х годов, упоминаемый, безусловно, куда чаще, нежели церковно-обиходные именованья «Богородица» или «Богоматерь». Необходимо отметить повествовательное стихотворение самого вдумчивого из поэтов пушкинской плеяды, Евгения Баратынского, — «Мадона» (1832). Стихотворение это, по видимости имитирующее тон наивно-назидательной легенды, на самом деле построено на резком столкновении двух коннотаций слова «Мадона», то есть двух рядов ценностей: ряда традиционно-религиозного и ряда, так сказать, «искусствоведческого», «музейного». Картина, принадлежащая, как выясняется в дальнейшем, кисти самого Корреджо, увидена для начала верующими глазами бедной старушки, утешающей свою дочь, — как икона, на месте коей при других этногеографических обстоятельствах была бы точно в такой функции православная икона:

«Не плачь, не кручинься ты, солнце мое! — Тогда утешала старушка ее: — Не плачь, переменится доля крутая: Придет к нам на помощь Мадона святая. Да лик Ее веру в тебе укрепит: Смотри, как приветно с холста он глядит!»

Недаром она ниже так и именуется картину — святой иконой. Поэт заставляет читателя на мгновение увидеть некое сокровище итальянской культуры не извне, но изнутри итальянской жизни, глазами итальянской народной традиции набожности, у себя дома. «Старушка смиренная» крестится «дрожащей рукою» на свою «икону» точь-в-точь так, как это делала бы ее русская сестра. И затем читателю предложено пережить контраст: является чужак, странствующий эстет, охарактеризованный в рифму: «любопытный» и «ненасытный». Тихая молитва перед «иконой» — не для него; он прямо-таки подпрыгивает — «вспрынул, картиною вдруг пораженный». Не только «икона» подменяется «картиной», но умиление подменяется возбуждением. «Чуждый взор иноплеменный», и здесь, как и в известных стихах Тютчева о России, «не поймет и не приметит» самого главного, ибо тайна Италии, как и тайна России, как эсотерика всякой народной жизни, от него утаена.

Здесь трудно не вспомнить, что среди изображений Мадонны, созданных итальянским Высоким Возрождением, одно получило в истории русской культуры XIX-XX вв. совсем особое значение. Речь идет о картине Рафаэля, изображающей Деву Марию на облаках со свв. Сикстом и Варварой, находящейся в Дрезденской галлерее и известной под названием Сикстинской Мадонны. Абсолютно невозможно вообразить русского интеллигента, который не знал бы ее по репродукции. История ее русского восприятия от Василия Жуковского, посвятившего ей прочувствованное мистическое истолкование, до Варлама Шаламова, после тяжелых лагерных переживаний с недоверием шедшего на свидание с временно выставленной в Москве картиной и затем ощутившего, что его недоверие полностью побеждено, — это тема для особого исследования. (Шаламов перед Сикстинской Мадонной — не ответ ли на вопрос Адорно о ситуации поэзии «после Освенцима»?)

Для Жуковского и тех, кто воспринял основанную им традицию, духовная доброкачественность Сикстинской Мадонны, в том числе и с православной точки зрения, ее право почитаться не

только «картиной», но и «иконой», сомнению не подвергались. Как говорил об «идеале Мадонны» Достоевский, столь гневливый православный обличитель католицизма, мы уже упоминали. Однако в начале XX в. происходит эстетическое открытие византийско-русской иконы, побудившее православных мыслителей строить так называемое богословие иконы, которое обосновывает единственное право иконы быть аутентичным выражением православной духовности. «Богословы иконы» — о. Павел Флоренский, Леонид Успенский и другие — резко акцентируют пропасть между духовностью иконы и западной традицией, однозначно описываемой как разгул чувственности и сентиментальности, как «прелесть» в самом одиозном смысле. Продолжая эту же линию, Алексей Лосев выступил с резкой критикой Возрождения, стремясь в духе немецкого идеалистического дедуцирования времен Гегеля и Шеллинга диалектически вывести черты западного искусства из догматических расхождений католицизма с православием. Интересно, правда, что и Флоренский, и Лосев делают *de facto* некоторое исключение именно для Рафаэля. Русский мыслитель мог отторгнуть Рафаэля (и специально Сикстинскую Мадонну) от своего сердца лишь поистине с кровью сердца. Исключительно напряженное эмоциональное отношение к этому вопросу выявляет статья о. Сергия Булгакова «Две встречи», впервые опубликованная в «Русской мысли», 1923/1924, № 9/10, с. 925–33. Виднейший богослов повествует, что первая встреча с Сикстинской Мадонной в Дрезденской галлерее на исходе 1890-х годов была им пережита, как мощный стимул возвращения к вере и Церкви. И вот теперь он, принявший уже после революции священнический сан и переживший изгнание из России, снова стоит перед знаменитой картиной — но к ужасу своему ощущает в ней недопустимую духовную двусмысленность, страшное смешение святыни с человеческим, слишком человеческим...

Именно то, что Италия для традиционного европейского восприятия, вполне усвоенного послепетровской Россией, — страна искусства *par excellence*, а значит, и территория исполненного гордыни артистизма, край, где сначала великих художников кощунственно именуют «божественными», а там уже и любая стяжавшая успех певица может называться «дива», — усугубляет контраст. Недаром же у нас в старину о важничавшем, нескромно великолепном господинчике на простонародном русском наречии говорили: «Эка фря, прости Господи!» («фря», т. е. «фрязин», как немецкое «Welsche», — историческое обозначение романского южанина и специально итальянца). Грандиозная жестикуляция итальянского Ренессанса, итальянского барокко, итальянской оперы, — в определенной русской перспективе чуть-чуть «фря». В этой же перспективе колорит русской набожности определенным образом ассоциируется со скудостью русского ландшафта («край родной долготерпенья», как сказано в известнейших стихах Тютчева), описываемого по противоположности к западноевропейскому и особенно к итальянскому: «ни замков, ни морей, ни гор», — читаем мы у Некрасова, антипода Тютчева; в родном акцентуируется нешуточная выстраданность, как примета, едва ли совместимая с роскошью юга. Чуть ниже Некрасов (приоткрывая обычно подспудную у него ностальгию по вере) говорит о русской сельской церкви:

Храм воздыханья, храм печали, Убогий храм земли моей! Тяжеле вздохов не слышали Ни римский Петр, ни Колизей!

Для того, чтобы христианские чувства итальянца были восприняты русским абсолютно всерьез, необходимо, чтобы он и в них почувствовал выстраданность; притом желательно, чтобы носитель таковых чувств обретался подальше от институционального католицизма — от пап и прелатов, но также и от католических правительств.

В этом отношении весьма примечательна восторженная заметка Пушкина, посвященная книге Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» и написанная в 1836 г. Разумеется, карбонарий Пеллико (1789–1854), приговоренный австрийскими властями в 1820 г. к пятнадцати годам

заклучения и отбывший из них десять, страдавший в таких страшных местах, как свинцовые камеры Дворца Дожей, был для русского читателя прежде всего автором книги о своем тюремном опыте «Le mie prigioni». Свидетельство о вере такого человека трудно было заподозрить в конформизме. Характерна собственная его фраза (из письма 1843 г. к издателю «Brockhaus Conversations-Lexicon», в котором он просил изменить заметку о себе): «Сильвио Пеллико в заключении перестал сомневаться в вере: он — католик, но не ханжа». Надо полагать, что Пушкин не преминул бы процитировать эту фразу, если бы знал ее, настолько точно соответствует она тому облику Пеллико, который стремится вызвать у читателя он сам. На похвальном слове автору «Моих темниц» слог Пушкина становится очень торжественным:

«В позднейшие [сравнительно с Отцами Церкви] времена неизвестный творец книги «О подражании Христу», Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежали к тем избранным, которых Ангел Господний приветствовал именем «человеков благоволения» [Лук 2: 14].

Не приходится удивляться тому, что список Пушкина так краток¹. Любопытно, конечно, что он состоит из одних только католиков. Но образы средневекового католицизма и оставленные им тексты, за исключением трактата «De imitatione Christi», европейская и специально русская известность которого единственна в своем роде, были слишком основательно забыты; даже и многоученому Гете, например, святыни Ассизи не говорили ровно ничего. Но в отличие от Гете, Пушкин, так и не вырвавшийся в свое итальянское путешествие, так и не увидевший той Бренты, которую превратил в символ своей неисполнимой мечты, -

Адриатические волны, О Брента! я увижу ль вас? -

не имел представления о народных святых нового времени, живших достаточно недавно для того, чтобы память о них еще не ушла в книги из живой жизни. Для Гете такой фигурой был Филиппо Нери, по прозвищу «Добрый Пеппо» (Perro il Buono, 1515-1595); у Пушкина подобного опыта не было. А затем и в России, как повсюду, распространяется избирательное предпочтение к католицизму непременно средневековому, во всяком случае — дотридентинскому; в предпочтении этом объединялся как вкус времени, породивший английское Praeraphaelite Brotherhood и нескончаемые неоготические стилизации по городам Европы, так и высказываемая во множестве популярных книг и книжек убежденность в том, что католицизм был верой в Средние Века, а затем сохранился только в качестве институции. (В скобках заметим, что русский интеллигент и доселе имеет смутные сведения о репрезентативных фигурах католической духовности между Тридентским и Вторым Ватиканским соборами, кроме, разумеется, испанских мистиков XVI и французских янсенистов XVII вв., так что хуже всего дело обстоит именно с итальянцами; ни Филиппо Нери, ни Альфонс Лигуори, ни Джованни Боско в «канон» обычно не входят).

И после Пушкина русская литература продолжает искать объекты сочувствия среди таких представителей итальянского католицизма, которые при несомненной пламенности религиозного чувства стояли заведомо вне того мира официального Ватикана, мира прелатов, который, как правило, вызывал подозрение и неприязнь одновременно по мотивам православным и по мотивам либеральным. Исходя из этого, очевидно, что Савонарола был темой, можно сказать, неизбежной. Не приходится удивляться, что у Аполлона Майкова есть поэма о флорентинском доминиканце, в которой самое сильное — проповедь героя, а самое слабое в отношении поэтическом — рассуждения в конце, когда поэт никак не может решиться, хвалить ли ему героя за то, что «Христом был дух его напитан», или все-таки либерально порицать за недостаточную толерантность:

Христос! Он понял ли Тебя?

Между тем на Западе постепенно открывают того итальянского святого, которому и в России суждено было стать тем же, чем он стал в странах Европы, в особенности, пожалуй, протестантских, — любимым святым интеллигентов, далеких от католицизма: Франциска Ассизского. Открытие это происходило постепенно: отметим роль исследований Поля Сабатье и гейдельбергского искусствоведа Тоде, имевших немалый резонанс и в России. И вот пришло время, когда русская цензура на двенадцать лет — от октябрьского манифеста 1905 до октябрьского переворота 1917 — перестала противиться проникновению католических сюжетов. Это двенадцатилетие сделало возможным множество русских публикаций, так или иначе связанных с Ассизским Беднячком (отметим, например, серьезную книгу В. Герье: «Франциск, апостол нищеты и любви», М., 1908, а также переводы: «Сказания о Бедняке Хрис-тове», М., 1911, и «Цветочки св. Франциска Ассизского», М., 1913). Характерно, что на исходе упомянутого двенадцатилетия заглавие поэтического сборника Бориса Пастернака — «Сестра моя жизнь» — воспроизводит парадигму знаменитых формул Франциска: «Брат наш Солнце», «Сестра наша Смерть».

Охотников обличать Франциска с православной точки зрения, например, за отсутствие смирения, как это делал некто Ладыженский, автор «Мистической трилогии», нашлось немного. Гораздо чаще образ Франциска представлялся особенно близким как раз православной душе: любовь к нищете, любовь к природе — и, главное, бесхитрость, отсутствие чего бы то ни было лукавого и властного. Недаром уже в наши дни такой православный полемист, как Никита Струве, предлагал признать Франциска святым, чтимым также и Русской Православной Церковью; предложение это, во всяком случае, представляет собой характерный историко-культурный факт.

Если Франциск не является лицом, официально «прославленным» Русской Православной Церковью, то он вне всякого сомнения — один из неофициальных небесных заступников русской литературы.

Священник Георгий Кочетков: Жизнь и деятельность Франциска Ассизского (1182-1226гг.) в оценке русской православной мысли

Экуменический и нехристианский опыт

Разделение церквей «восточной» и «западной» глубоко проникло в сознание, подсознание, культуру и религиозный опыт людей, ограничив и даже в известном смысле исказив их. При этом очень трудно разобраться в том, что же именно служит главным камнем преткновения, мешающим вновь полюбить друг друга так, чтобы воссоединиться, узнав друг в друге братьев и сестер во Христе, а значит и в вере, в надежде и в той же любви, во всем духовном опыте жизни. Это единственный, указанный еще Господом путь к единству, ибо «по тому все узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Это — путь к единому и единственному Православию, в том числе и для нас, уже в чем-то православных, ибо, по словам великого православного философа и мыслителя: «Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя норма поведения, а духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь»¹.

Пока этого единства нет. И людям, приходящим сознательно в церковь ко Христу и Богу Отцу еще приходится выбирать себе матерей, — ведь «кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец». Здесь-то и обнаруживается тот практический пласт разделения, который позволяет это не только делать, но и сделать. В нашей работе не идет речи о протестантизме, поэтому будем говорить только о том, что касается оставшихся двух «ветвей» христианства: Православия и Католичества. Сопоставляя их, современный человек чаще всего думает о том, что ему более подходит в его конкретной жизни при данном психологическом, духовном, культурном, бытовом и социальном настрое. И здесь при условии его достаточной культуры на первый план выступают совсем не исторические ассоциации, иногда даже не национальный менталитет, а всего две вещи: над всеми главенствующий, но далекий от нас папа и, как может быть это ни покажется странным, мистико-аскетические особенности и стиль жизни. Человек деятельный больше думает о первом и, не будучи богословом, нередко выбирает западную организованность и порядок, но человек созерцательный и творческий, ценящий личную духовную свободу, думает о втором, и чаще выбирает восточную глубину и трезвенную мистику. В этом случае так или иначе рефреном звучит мотив: «на Западе все слишком натуралистично, слишком чувственно, там в церкви слишком много крови», после чего человек делает сознательный выбор, если не всегда прямо в пользу Православия, которое в наше время тоже легко чем-нибудь упрекнуть, то всегда не в пользу Католичества.*

Как мощный вихрь, людей захватывает католическая культура, но в то же время она способна испугать и оттолкнуть. Всем ясно, что она (а значит, и породивший ее дух) не проста, что ей нельзя без оглядки довериться. Это может быть отнесено совсем не только к относительно позднему иезуитскому барокко, но и к ее истокам. И в первую очередь это относят к св. Франциску с его стигматами, нутром чувствуя их связь с флагелланством. Впрочем, жесткое противостояние онтологизма Православия антропологичности Католицизма — также результат разделения церквей².

Используя сокровища русской православной мысли, мы еще и еще раз попробуем разобраться, верны ли подобные оценки и, если верны, то насколько, а также попробуем различить в образе св. Франциска естественно-исторический фон и личность самого святого, его мистику и традицию подражания Христу, влияние на него папства и его же братства, а позже францисканского ордена.

Наша работа ни в коей мере не может претендовать на полноту и всесторонность раскрытия темы. И ее можно считать оправданной, если она поможет хотя бы сдвинуть один из залежавшихся больших камней на пути восстановления христианской свободы и любви, т. е. на пути единства.

Св. Франциск легендарен. В своей религиозной гениальности он похож на основателей религий или, точнее, на тех избранников, которые дают первые образцы и направления жизни по нормам этих религий и которые подобно апостолам ничего или почти ничего сами не пишут. Они живут в определенном духе, воплощая и тем самым проповедуя свою новую религиозность...

Вот, кончились так называемые темные века европейского христианского Запада. Настал век, которому, по выражению С.С. Аверинцева, было «свойственно некоторое качество молодости» (доклад на Випперовских чтениях в Москве в 1980 г. «Миф Фомы Аквинского». К слову сказать, сопоставление времени св. Фомы и св. Франциска не случайно¹). И в эту молодую пору новым для людей стало... христианство, понимаемое не только как форма жизни, обряд и иерархия, а как дух и сама жизнь в любви и свободе без какого-либо конфликта с теми же формами, обрядами и иерархическими надстройками. Апостолом этого нового Христианства и стал св. Франциск. Ему некогда было что-то торжественно доказывать или писать, он должен был

успеть по-христиански прожить, «подавая пример стаду». По сану он был простым диаконом, но по достоинству своего апостольского служения можно сказать превосходил (ведь именно им в видении свыше была спасена от «разрушения» Латеранская базилика) даже великого своего современника, первоверховного «преемника апостолов» папу Иннокентия III.

Итак, св. Франциск почти ничего не писал. Однако его и о нем знает почти весь мир. Откуда? Конечно, из легенды, сложившейся из многих отдельных источников и иногда даже граничащей с мифом¹.

Возьмем теперь «Книгу о св. Франциске», пролистаем ее, взглянемся в «Золотую легенду» (Legenda aurea), вдохнем аромат эпохи, не забывая, что она была тогда молода, а теперь она легендарна.

Первый же рассказ обращает на себя внимание и заставляет остановиться. Здесь говорится «о том, как св. Франциск, бросив свою прежнюю жизнь, перестроил церковь Божией Матери Порциункулы...» Это произошло уже после того, как он перестроил церковь Сан-Дамиано. «Когда же он покончил работу и в этой церкви, пошел третий год со времени его обращения». Это один из верных признаков особого духовного призвания.

Перед моими глазами поныне стоит образ молодого человека нашего времени, в своем духовном развитии как бы прошедшего те же этапы, что и Франциск, причем, без какой-либо возможности прямого влияния со стороны последнего. В частности, он тоже, оказавшись вдалеке от дома примерно через три года после обращения, которое также не совпадало со временем его крещения, и увидев на юге нашей страны разоренный и запущенный древний храм, в алтаре которого в одной части виднелись следы свечей, а в других стояла страшная «мерзость запустения», превратившая святое место в отхожее, «исполнился жалости» и возвышенной ревности и стал почти одними руками восстанавливать и очищать его. И также это дело неожиданно вылилось в проповедь. Когда удивленно-сочувствующие прохожие спросили, что он делает и не верующий ли он, то услышали в ответ слова древнего поэта и пророка: «Сказал безумец в сердце своем — нет Бога».

Еще по меньшей мере два раза мы сталкиваемся в «Книге о св. Франциске» с темой созидания храма, но уже в других контекстах. В главе «О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу и о названии «Меньших братьев», данном ордену...» говорится о том, что «...воздвигалось благородное здание, утвержденное взаимною любовью, и живые камни, собранные со всего мира, образовали обиталище для Духа Святого». А в главе «О времени, месте и силе молитвы св. Франциска» говорится о еще более интимном духовном процессе: «В груди своей он созидал храм». Если мы еще вспомним сонное видение папы Иннокентия III, то нам окончательно станет ясно, что храмоздательство, благодатная икономия были призванием и идеалом великого святого. Однако в самосознании Франциска то же самое звучало несколько иначе — не в категориях служения, а в общих категориях пути. Так, в своем «Завещании» св. Франциск писал: «Сам Всевышний открыл, что я должен в жизни соблюдать св. Евангелие». Но он призван «не только для него самого, но для того, чтобы он собрал жатву душ и чтобы многие спаслись через него» («Как св. Франциск сомневался, что ему делать, проповедовать ли или пребывать в молитве»). Когда же неизбежно вставал вопрос о том, почему именно он был призван идти столь великим путем, то и здесь был им самим дан ответ («Как брат Массео искушал св. Франциска»): «Не найдя более презренного творения, чтобы выполнить то чудесное дело, которое Он задумал, Бог избрал меня, чтобы уничтожить знатность, и величие, и красоту, и силу, и премудрость мира сего, чтобы все знали, что от Творца всякая добродетель и всякое благо, а не от творения, и чтобы никто не мог хвалиться перед Ним...»

Однако призвание и идеал св. Франциска осуществлялись конкретной личностью и в

конкретных жизненных условиях, которые тесно сплелись с личными и индивидуальными особенностями. О внешних условиях жизни прямо не говорится. Но косвенно — даже очень ярко. В цитированной уже нами главе «О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу...» можно прочесть следующее: «Славный воин Христов Франциск обходил города и замки, убеждая не словами человеческой мудрости, но силой духовного поучения, провозглашая Царствие Божие, проповедуя мир, призывая к спасению и покаянию во оставление грехов... Бежали мужчины, бежали и женщины, устремлялись священнослужители, поспешали монахи, чтобы увидеть и услышать ученика Божия, который казался человеком другого мира. Люди всякого пола и возраста спешили увидеть чудеса, которые Бог вновь явил в мире через раба Своего». Несмотря на явную стилизацию под Новый завет, можно все-таки увидеть за ней некоторую реальность, почувствовав господствовавшие во времена св. Франциска духи язычества и законничества.

Каков же был сам св. Франциск? В чем выразилась его индивидуальность и личность? По точному выражению проф. В.И. Герье, Франциск Ассизский — апостол нищеты и любви. Но чтобы понять, каковы были его любовь и бедность, которую он также любил, надо начать с других черт. Надо обратить внимание на то, что в связи с характером рассматриваемой нами эпохи Франциска Ассизского описывают как «второго Предтечу» и даже «второго Христа» (ведь не случайно вскоре после смерти святого даже его Правило вместе с Заветанием стали восприниматься как «второе Евангелие»). В его жизнь и посланничество неотъемлемо входят элементы предпосланничества. Иногда даже в его уста вкладываются слова Предтечи («сотворите достойный плод покаяния», см. «Цветочки», гл. XXI) или те слова Христа, которые также связаны с проповедью приблизившегося Царства Небесного и покаяния. В связи с этим одним из исходных образов является и направление на такую же проповедь по двое первых учеников и последователей Франциска. Все делалось буквально по Евангелию, а это требовало большого дерзновения, граничащего в христианском мире с безумием.

«Он не смягчал перед людьми их проступков, но глубоко поражал их, он не оправдывал греховной жизни, но сурово порицал ее. Ибо он прежде применил к себе на деле то, в чем убеждал других словами и, не боясь упреков, с уверенностью провозглашал истину» («О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу...»). Это убеждало, ибо полное соответствие, гармония слова и дела бросались в глаза. Его слово не оставалось без последствий и для него самого, и для его учеников, и для народа. Если он уходил от мира и семьи, то напоминал о ревностном служении одному Богу («О том, как дьявол искушал св. Франциска сладострастием и как святой победил его»), если призывал к жалости к животным, то тут же предлагал выкупить и освободить их («О любви и сострадании, которые св. Франциск питал к бедным, и о том, как он поступил с овцой и ягнятами»), если убеждал разбойников покаяться, то «обещал им позаботиться об их нуждах и взять на себя их пропитание» («Цветочки», гл. XXVI).

Св. Франциск обладал особой верой, не боящейся никаких мучений и выражающейся в его словах: «Возложи заботу о себе на Бога, и Он напитает тебя» («О том, как св. Франциск послал братьев своих по двое в мир...»). Ему ниспосылались особые откровения, которые он поверял ученикам, благоговевшим за это перед учителем, его наставлял в делах Божиих Сам Бог (см. там же), он, наконец, был особый поэт, глубоко чувствовавший музыку.

Это все коренилось в двух принципах поведения, в двух типах жизни — монашеском и пророческом. Первый был связан с праведностью и святостью, с послушанием, смирением, благочестием, терпением, простотой, созерцанием, трудолюбием и вообще с исполнением христианско-монашеского закона. Второй тип, как вполне харизматический, иногда ярко проявлялся в потрясающей свободе, в блаженстве и юродстве Христа ради наряду с собственно пророчеством.

Страницы буквально пестрят примерами того и другого. Так, в главе «О славе св. Франциска...» говорится о первых учениках: «Не рассуждая о повеленном, без возражения, они с возможной поспешностью исполняли все возложенное на них... Мир и благожелательность сопутствовали им, и на всех делах их лежала печать кротости и целомудрия». «Блаженный Франциск говорил, что праздные люди, не занимающиеся полезным и смиренным трудом, будут извергнуты из уст Божиих... кто не знает ремесла, пусть выучится» («О том, как блаженный Франциск требовал, чтобы все братья трудились своими руками», см. также «Завещание»).

О нем же говорили: «Он был смиреннейшим из людей, он всех принимал одинаково ласково и применялся к нраву каждого. Святейший среди святых, он среди грешников был как бы один из них» («О любви, которую св. Франциск ради Творца питал ко всем тварям и описание его душевных свойств и внешнего вида»). «Он все стремился к большему совершенству... Неутомимый в своем стремлении к дальнейшим святым подвигам, он хотел сызнова начать свое дело, ибо не считал его исполненным... Он видел, как многие стремились к власти и первенству и, ненавидя их поползновения, хотел собственным примером излечить их от этой язвы. ...Полезнее подчиняться, чем властвовать, особенно ныне, когда так увеличилось зло и умножилась неправда. ...Он плакал над теми, которые презрели истинное счастье ради мирской суеты. Чем выше они возносились в почете и власти, тем ниже они падали, бесцельно блуждая в бесполезной свободе» («О жизни братьев, служивших св. Франциску, и о том, как он хотел устроить свою жизнь»).

Франциск говорил: «Выше всех милостей и благодати и даров Святого Духа, которые Христос сообщает друзьям Своим, — победить себя самого и охотно терпеть из любви ко Христу горести, обиды, унижения и лишения. Всеми другими дарами Бога мы не можем хвалиться, ... но крестом испытаний и горестей мы можем хвалиться, потому что это от нас...» («Цветочки», гл. VIII). «Чем больше даров и милостей мы имеем от Бога, тем смиреннее мы должны быть, ибо ни одна добродетель без смирения не угодна Богу» («Цветочки», гл. XII).

А вот примеры уникального харизматизма и свободы Франциска, как и его ближайших учеников. Святой Франциск «всем указывал образ жизни и истинный путь спасения на всяком поприще» («О славе св. Франциска»). «Сильна была в нем власть апостольская, и он отказывался угождать царям и сильным мира сего. Он всегда и во всем соблюдал святую простоту, и теснота помещения не мешала широте его сердца» («О жизни братьев в Риво-Торто и о соблюдении бедности»).

Он возвещал, «движимый Духом Святым», о том, что «Господь сказал мне, что Он желает, чтобы я был неразумен в мире, и что Он поведет нас по пути Своей мудрости» («О том, как блаженный Франциск сделал внушение братьям, желавшим идти по пути мудрости и науки, а не по пути смирения»). «Господь коснулся уст брата Филиппа, чтобы он мог сладко и умирительно говорить о Нем; он также разумел и изъяснял Священное писание, хотя и не учился ему, уподобляясь тем, которых еврейские цари выдавали за невежд и глупцов» («О проповеди Евангелия и о возглашении мира, и об обращении шести первых братьев»). «Покинутыми Богом они себя считали, если не чувствовали в сердце обычного благочестия и благоговения» («О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу...«).

В своей евангельской свободе Франциск говорил: «Поверь мне, Пресвятой Деве угоднее, чтобы соблюдали Евангелие Ее Сына и разорили Ее алтарь, чем чтобы воздвигали Ей богатые алтари, отрекаясь от Ее Сына» («Порицание брату, желавшему под предлогом бедности сохранить деньги»). И еще: «Думаю, что Богу угоднее дар, чем обряд» («О том, как св. Франциск отдал нуждающейся матери двух братьев единственный Новый завет, имевшийся в ордене»). И еще: «Думаю, что каждый должен сообразоваться с природой своей, ибо одному нужно более, чем другому» («О том, как св. Франциск вкусил пищи с братом, умирающим от голода...»).

О пророческом даре св. Франциска свидетельствовали бывшие с ним, что «когда он говорил о чем-нибудь: это так и есть или так будет, это всегда в точности исполнялось» («О том, как блаженный Франциск предсказал примирение между епископом и правителем Ассизи»). А когда святой Франциск заставил кружиться брата Массео, чтобы показать дорогу (см. «Цветочки», гл. XI), тот его не понял и «сильно изумлялся тому, что святой Франциск заставил его сделать, уподобив его ребенку на глазах проходивших мирян».

Таким образом, св. Франциск, питаясь то монашеским, то пророческим духом, жил как небесный человек, имея в себе внутренние мир и мудрость. Это также засвидетельствовано в древнейших текстах, где прямо говорится, что «святой мир, наполнявший мудростью его сердце, никогда не покидал его» («О времени, месте и силе молитвы св. Франциска»). Тот же брат Массео «ясно увидел, что св. Франциску были открыты тайны его души, и уразумел, что дух божественной премудрости руководил всеми поступками св. отца» («Цветочки», гл. XI), который сам «паря в небесах, не устаивал спускаться на землю» («О проповеди Евангелия и о возглашении мира...»). «Душа его была так свободна и отрешена от всего земного, что парила в высоте, как ласточка» («Цветочки», гл. XXVIII). И в то же время, хотя «сиял он, как звезда, блистающая во тьме ночной, и как утро, восстающее над мраком», он «был как некий светоч, явившийся с неба на землю, чтобы разогнать всеобщую тьму, до того объявляющую мир, что едва кто-либо видел путь, по которому шел» («О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу...»).

Небесная благодать зажигала его сердце тем жаром, который не противоречил внутреннему миру, трезвению, тишине и безмолвию. В одном месте говорится, что св. Франциск проповедовал людям «с таким жаром и с такой святостью, что привел их всех к миру, и к единению, и к согласию» («Цветочки», гл. XI). Таковы же были его вдохновенная молитва и ликующая радость, ставшая одной из характернейших черт духовной жизни св. Франциска.

Св. Франциск с самого начала «с сердечным жаром и радостью душевной проповедовал всем покаяние, простыми словами, но высоким сердцем наставляя слушателей» («О проповеди Евангелия и о возглашении мира...»). «Великая радость и особенное ликование переполняли души святого и братьев его, когда, по внушению Духа Святого, к ним приходил новый верующий...» («О том, как св. Франциск послал братьев своих по двое в мир...»). «Блаженный Франциск постоянно и усиленно стремился к тому, чтобы за исключением часов молитвы и божественной службы, сохранять в себе и проявлять радость духовную... Братья мои, мы должны всячески стремиться к приобретению и сохранению чистоты сердца и молитвы, дающей нам радость духовную, которую я так люблю видеть в вас и в себе ради вразумления ближнего и посрамления врага. Ибо ему и порождениям его надлежит печалиться, нам же ликовать и радоваться о Господе» («О том, как блаж. Франциск любил в себе и в других радость духовную»). «Он так любил людей, исполненных радости духовной, что на одном капитуле вместо наставления велел написать следующие слова: «Пусть братья остерегаются сумрачного и лицемерно печального вида, но да будут они радостны в Господе, веселы, довольны и приветливы ко всем» («О том, как св. Франциск сделал замечание угрюмому брату, и как он желал, чтобы братья вели себя»). Св. Франциск, произнося имя Божие, «бывал потрясен до глубины души и, весь исполненный ликования и целомудренного веселия, казался другим человеком, как бы другого века» («О любви, которую св. Франциск ради Творца питал ко всем тварям, и описание его душевных свойств...»).

Интересно, что св. Франциск воспринимал духовную радость как призвание, дар и служение божественные. Уже незадолго до смерти он услышал голос Господа: «Радуйся же, брат, и веселись о твоих недугах и страданиях...» («О том, как блаж. Франциск был искушаем мышами...»), Он призывал братьев после проповеди петь хвалу Господу и говорил: «Кто же

слуги Божии, как не Его песнотворцы, ободряющие сердца людей и возбуждающие в них радость духовную» (там же). Конечно же, это иногда смущало и соблазняло иных христиан: «Как он может выказывать такую радость, когда он близится к смерти и должен думать о смерти!» Но св. Франциск отвечал на это: «Разреши мне, брат, радоваться о Господе и хвалить Его в немощах моих, ибо, благодатью Духа Святого, я так соединился и слился с Господом моим, что могу, по милосердию Его, веселиться о Нем, Всевышнем» («О том, что ответил блаж. Франциск на порицание брата Илии»).

Духовная радость, столь свойственная св. Франциску, была тесно связана с двумя еще более глубокими в нем вещами: одной по преимуществу более внутренней и другой — более внешней. Это уже упоминавшиеся нами любовь и бедность, даже нищета! В них обнаруживаются самые глубинные душевные пласты св. Франциска. Посмотрим теперь, какая это была любовь и как он понимал свою бедность.

Прежде всего св. Франциск обладал великой силой любви, которая часто окрашивалась жалостливо-сострадательными тонами. Это каритативная любовь, близкая к любви Востока, очень сильно выражена в следующих словах: «Угодник Божий стоит над яслями, вздыхая от избытка жалости, но весь исполненный удивительной радостью. Обедня служит над яслями и священнослужитель испытывает неведомое умиление» («О яслях, которые он устроил в день Рождества Христова»). Но иногда любовь св. Франциска достигает вершин и всеобъемлюще-агапической любви, проявляющейся в отношении к врагам, животным, всей твари и даже самой бедности. Выкупив овечку из стада коз и козлов и получив позже тунику, сотканную из ее шерсти, «святой принял ее благоговейно и радостно, прижал ее к сердцу и поцеловал, приглашая всех присутствующих разделить его радость» («О любви и сострадании, которые св. Франциск питал к бедным, и о том, как он поступил с овцой и ягнятами»). «Кто и когда мог выразить всю силу любви его ко всем созданиям Божиим?... Даже к червям он питал любовь, ибо в Писании сказано о Спасителе: «Я есмь червь, а не человек» («О любви, которую св. Франциск ради Творца питал ко всем тварям...»).

В «Письме св. Франциска к брату Н.» говорится о любви к врагам: «И люби тех, которые так (т. е. плохо — прим. Г.К.) поступают с тобою, и не желай другого от них, если Господь не судил иначе. Люби их так, как они есть, не требуя, чтобы они были лучшими христианами... И если он тысячу раз явится пред очами твоими, люби его больше, чем меня, чтобы привести его к Господу, и всегда будь милосерд к подобным людям». А однажды во время молитвы Франциска Господь воспламенил его душу такой любовью к святой бедности, что лицо его зарделось, и казалось, что от него начали исходить огненные лучи любви» («Цветочки», гл. XIII).

Добровольная бедность св. Франциска была тесно связана с принятием им идеи (и следовательно, жизни — прим. Г.К.) добровольного унижения, а также с получением и раздачей милостыни, т. е. возбуждением в других и поддержанием в себе любви, без которой не получишь и не дашь сам и корки черствого хлеба. Отсюда становятся понятны слова святого, что «из хижины легче достигнуть небес, чем из дворца» («О жизни братьев в Риво-Торто и о соблюдении бедности»). «Ничем он не хотел владеть, чтобы лучше всем обладать в Господе» (там же). «Св. Франциск всеми силами, всем сердцем стремился к соблюдению святой и божественной бедности... Ибо, говорил он, невозможно удовлетворять потребность, не возбуждая вместе с тем чувственного желания» («О презрении к себе и об истинном смирении»). «По его мнению, трудно было соблюсти бедность при большом скоплении братьев» («О том, как надо основывать и устраивать обители в городах...»).

Бедность была для него богослужением. Он говорил: «Празднества Господа и других святых лучше чествуются в лишении и бедности, стяжавшей этим святым небесное наследие...» («О том, как блаж. Франциск словом и примером усовестил братьев, приготовивших пышную

трапезу в день Рождества Христова»). «Хлеб подаяния есть хлеб святой, освященный хвалой и любовью к Богу» («О том, как св. Франциск просил милостыню, прежде чем сесть за стол кардинала»).

О св. Франциске были написаны в связи с бедностью удивительные слова: «Отец бедных, бедный Франциск, приняв добровольную нищету, не мог видеть человека еще беднее себя, не вследствие стремления к суетной славе, а ради одного сострадания» («О любви и сострадании, которые св. Франциск питал к бедным»). Для него бедность была связана с царственным благородством. В день Рождества Христова св. Франциск проповедует народу «и умирительно рассказывает о рождении Царя-Нищего и о маленьком городке Вифлееме» («О яслях, которые он устроил в день Рождества Христова»). Он говорил: «Мы должны молить Бога, чтобы Он даровал нам всем сердцем любить благородное сокровище святой бедности, служителем которой — Сам Бог... Эта небесная добродетель заставляет нас попираť ногами все земное и преходящее и снимает с души все путы, мешающие ей свободно слиться с вечным Богом» («Цветочки», гл. XIII). Стоило ли в этом случае говорить, что «ни унижения, ни тягость нищеты не удерживали тех, кого наставлял в делах Божиих Сам Бог, возлюбивший людей, отверженных миром и простых» («О том, как св. Франциск послал братьев своих по двое в мир...»).

В прямой связи с так понятой святой бедностью стоит оригинальное отношение св. Франциска к учению, знаниям, книжной мудрости и науке. Он целиком отрицал их. Поэтому он «сделал внушение братьям, желавшим идти по пути мудрости и науки, а не по пути смирения». При этом он сказал, что эту «вашу мудрость и науку Господь поразит и накажет вас...». Этому вопросу посвящена отдельная глава «О послушнике, желавшем иметь Псалтирь с разрешения блаж. Франциска», где говорится: «Не о книге и науке должны мы заботиться, а о делах благочестия, ибо знание надмевает, а любовь созидает (1 Кор 8: 1)... Столько желающих прилепиться к науке, что блажен тот, кто сделался бесплодным ради Господа Бога... Человеку полезна только та наука, которая претворяется в действие, и только тот монах хорошо проповедует, кто творит благо, ибо по плодам их познаются дела».

Мы уже видели, как тесно связана была для св. Франциска бедность с состраданием и милосердием, стоящим за всяким актом милостыни. Милосердие св. Франциска было Божиим даром. Вот что пишет об этом его современник: «В пути, следуя за товарищами, он внезапно останавливался, когда на него снисходило вдохновение, и воспринимал сердцем милость Божию» («О времени, месте и силе молитвы св. Франциска»). Сострадание же ценилось им как священное качество, проявления которого надолго запоминались («О том, как блаж. Франциск из снисходительности к одному брату поел с ним виноград»). Из священного сострадания св. Франциск «не выносил упреков бедным или брани, произносимой одним человеком на другого» («О любви и сострадании, которые св. Франциск питал к бедным...»).

Аналогично он относился к больным и особенно прокаженным, о чем писал в «Завещании»: «Сам Господь привел меня к прокаженным, и я был к ним милосерд». Св. Франциск требовал сострадания и ко всякому грешнику: «Все братья, знающие об его грехе, не должны его стыдить или упрекать, но иметь к нему великое сострадание и держать в тайне грех его... Кустод же должен милосердно помочь ему... и священник не имеет права налагать другого покаяния, кроме слов: «Иди и больше не греши» (Ин 8: 11)» (там же).

Но у св. Франциска сострадание и милосердие были и более широкими понятиями, они во многом определяли вообще его отношение к миру, ко всем разумным и неразумным, одушевленным и неодушевленным созданиям и даже к себе, к своему телу, что было в то время неслыханно. Поэтому, например, «блаж. Франциск хотел уговорить императора, чтобы он обязал законом всех людей заботиться о птицах, волах, ослах и бедных во время праздника

Рождества Христова». «Все создания отвечали любовью за любовь святого и благодарностью платили за его отношение к ним. Они ласкались к ласковому, слушались просящего, повиновались повелевающему» («О том, как все создания любили блаж. Франциска, и как огонь не причинил ему вреда»). И когда св. Франциск «бывал удручен недугом, он начинал возносить хвалебную песнь Господу о всякой твари и заставлял петь братьев своих и, хваля Бога, забывал боль и страдание» («О том, как блаж. Франциск любил солнце и огонь больше всех других созданий»). «О, простодушное благочестие и благочестивое простодушие!... Муж сей, исполненный Духа Святого, не переставал хвалить, прославлять и благословлять во всех созданиях и стихиях Творца и Руководителя» («О любви, которую св. Франциск ради Творца питал ко всем тварям...»). «Он так радовался, созерцая и лаская какое-нибудь творение Божие, что душа его, казалось, была не на земле, а на небе. И ради этой великой любви он, незадолго до смерти, сочинил свою хвалу всякой твари, чтобы призвать всех людей к восхвалению Творца» («Об особенной любви, которую блаж. Франциск питал к воде, к камням, к деревьям и цветам»). Это было прекрасное творение св. Франциска — «Гимн брату Солнцу», в котором есть замечательное место: «Хвала Тебе, Господи, и всем Твоим созданиям, в особенности брату Солнцу, которое сияет и светит нам; оно прекрасно и лучезарно в своей величии, и Тебя знаменует, Всевышний». И как всегда, каким был сам Франциск, такими же он хотел видеть и окружающих. Проповедуя «сестричкам своим птичкам», он уберегал их от греха неблагодарности и призывал всегда стараться славословить Бога («Цветочки», гл. XVI).

Отношение св. Франциска и его братьев к своему телу изображается противоречиво. Отчасти может быть, эта противоречивость была свойственна самому Франциску, но несомненно то, что в большей части она возникла в силу огромной инерции уже сложившихся христианских представлений о теле. Поэтому, с одной стороны, нередко звучат почти монофизитские мотивы о теле как сосуде погибели, об умерщвлении плоти, о добровольном нанесении вреда телу и, в более мягкой форме, о теле — «брате-осле», призванном служить одному только Богу или терпеть побои и нужду. И если здесь говорится о «гармонии» тела и духа, то в смысле скорее «устранения» тела.

Но изредка все же звучит и иной, светлый мотив. «Радуйся, брат тело, ибо отныне я охотно буду исполнять твои желания и поспешу помочь твоим горестям» («О том, как св. Франциск спросил одного брата, нужно ли заботиться о теле»). И далее св. Франциск «в рассуждении того, что многие братья могли заболеть или уже заболели, воспретил братьям на одном капитуле носить что-либо (подобное веригам) на теле под туникой». Монах, более нуждающийся в пище, по словам св. Франциска, «должен удовлетворить потребности тела своего, чтобы оно могло служить духу; насколько поэтому мы должны остерегаться излишества в пище, вредящего телу и душе, настолько, и еще более, мы должны избегать излишнего воздержания, ибо Господь милости требует, а не жертвы» («О том, как блаж. Франциск вкусил пищи с братом, умирающим от голода, и как он призвал братьев к умеренности в покаянии»).

Таков был св. Франциск — апостол нищеты и любви.

В дополнение к описанному нами образу св. Франциска, специально рассмотрим еще ряд моментов, следующих из сказанного, и начнем с первостепенной важности вопроса о мистике св. Франциска и его принципе воздержания (*imitatio*), как он понимался людьми той эпохи и как он отразился на жизни и опыте святого.

Для мистики св. Франциска характерно проведение принципов любви и радости с сердечным жаром до области отношения к бесам и до сферы молитвы. «Бесы, — говорил он, — Божии палачи; и подобно тому, как правитель через палача наказывает преступника, так и Господь посылает Своих палачей, т. е. бесов, чтобы исправить и наказать тех, кого Он любит... Люди считают меня святым, а нужны бесы, чтобы выгнать меня из темницы», т. е. богатого и

уютного дома» («О том, как блаж. Франциск из дьявольского наваждения узнал, что Господу угоднее, чтобы он жил в бедных и убогих домах, чем у кардиналов»).

О молитве же говорит следующее: «Если раб Божий постепенно стремится к радости духовной, происходящей от чистого сердца и приобретаемой молитвой, то бесы не могут вредить ему...» («О том, как блаж. Франциск любил в себе и в других радость духовную»). А в особой главе, посвященной «времени, месту и силе молитвы св. Франциска», читаем: «Вся душа его стремилась ко Христу, Которому он посвятил всего себя, дух и тело... Безвкусным казался мир тому, кто питался небесной сладостью, а божественные очарования сделали его брезгливым к грубому человеческому веселию. Он искал всегда уединенного места, чтобы сочетать душу и тело в молитве. Когда же Господь посещал его при других, он прятался в свой плащ, точно в келью... Молясь же в лесах и пустынях, он не удерживал вздыханий, орошал землю слезами, бил себя в грудь и часто беседовал с Господом своим. Там он отвечал Судье, молил Отца, разговаривал с Другом, радовался с Женихом. Из глубины сердца возносил он жертву Богу, жертву обильную и смиренную. Он часто молился с неподвижными губами и, весь углубившись в себя, обращал душу к Всевышнему. Он так уходил в молитву, что был не молящимся человеком, а живой молитвой. Какую сладость ощущал он в это время? Про то знал он один, а я могу только изумляться. Дано знать посвященным, а прочим не дано. Проникновенны были слова его и вид его, пламенело его сердце, вся душа расплавлялась, обитая на небе в горних селениях».

Сладость и сила молитвы, испытывавшиеся св. Франциском, еще не означали сладострастия, с которым вел постоянную борьбу св. Франциск, что видно из главы «Об ангельской лютне, которую услышал св. Франциск». Он говорил в конце своей жизни о музыке: «Человеческое сладострастие обращает музыку в наслаждение для ушей, когда она предназначена к восхвалению Бога... Господь, Утешитель обремененных, не оставил и меня без утешения. Так как мне не дано было услышать игру человека, то я услышал более сладкую музыку ангелов».

Сила и благодатность молитвы св. Франциска были велики и подобны огромному пламени. Одна из легенд говорит о чудесной встрече святых Франциска и Клары так: «И как только подали пищу, св. Франциск начал говорить о Боге так сладко и так чудесно, что божественная благодать сошла на них, и все вознеслись духом к Богу, подняв глаза и руки к небу... После долгого времени св. Франциск и св. Клара и все другие пришли в себя и, насытившись духовной пищей, они мало позаботились о телесной» («Цветочки», гл. XV).

Одним из главнейших мистико-практических принципов святого Франциска был пример и подражание. «Целью всех самых горячих желаний и стремлений св. Франциска было соблюдение всегда и во всем святого Евангелия, всем сердцем, всей душой, всем помышлением следовал он учению Господа Иисуса Христа и подражал Его жизни» («О яслях, которые он устроил в день Рождества Христова»). Нередко от внешнего шли к внутреннему. Так было естественнее для человеческой природы, а Западная церковь всегда отличалась антропоцентричностью.

Отсюда постоянное желание составителей «Золотой легенды» находить прямые, пусть иногда лишь формальные параллели между жизнью св. Франциска и жизнью Христа, между учением св. Франциска и Евангелием. Эти параллели позже даже были специально описаны и подсчитаны. «Внешний» подход выражался и в буквальном понимании Евангелия. Именно буквальное понимание трех мест Священного писания (Мф 19: 21; 10: 9-10; Мк 9: 23 или Мф 16: 24) стало основой всего служения св. Франциска. В уста брата Бернарда вкладываются слова, относимые ко св. Франциску: «Поистине это человек Божий» («О проповеди Евангелия и о возглашении мира и об обращении шести первых братьев»). К непонимающему божественного призвания брату св. Франциск обращается с гневными словами: «Иди своим путем, брат

шмель...» («Выговор брату, не желавшему просить милостыни»). А в XVII главе «Цветочков» ясно намекается на Преображение: один отрок, «приблизясь к месту, где молился св. Франциск, услышал голоса и, подойдя ближе, увидел удивительное слияние, окружавшее св. Франциска, и в этом слиянии Христа, и Деву Марию, и св. Иоанна Крестителя, и евангелиста, и многое множество ангелов, беседовавших со св. Франциском». Первая же глава так и начинается: «Прежде всего надо обратить внимание на то, как преславный св. Франциск во всех деяниях своей жизни был подобен Христу...», и далее идут примеры избрания вначале двенадцати товарищей, один из которых также отступил от учителя и повесился, особой святости последователей св. Франциска, выразившейся в восхищении одного до третьего неба, прикосновения к устам другого пылающим огнем, уподоблении орлу в постижении божественной мудрости третьего, взятии живым на небо четвертого. Сюда же относит VII глава «Цветочков» стигматы св. Франциска и непрерывный пост в течение Четырехдесятницы, когда он съел только полхлеба, чтобы, как полагают, «не равняться со Христом благословенным, который постился 40 дней и 40 ночей, ничего не вкушая; таким образом он избежал отравы самовосхваления и по примеру Христа постился 40 дней и 40 ночей».

Очевидно, что уподобление Христу здесь понимается как прямое подражание, следование ранее данным примерам. Это помогало уклоняться от грехов и компромиссов: «Они не соглашались нести обязанности, с которыми мог быть связан соблазн, но всегда творили святое и справедливое, честное и полезное, подавая всем, с кем имели дело, пример смирения и терпения» («О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу...»). Эти примеры имели силу воздействия и на окружающих: «Потрясенные до глубины сердца подобным примером, они изменили свою жизнь к лучшему» («О презрении к себе и об истинном смирении»).

Св. Франциск и сам сознательно желал «обратить всех более примером, чем словом». Он говорил даже: «Я должен подавать им хороший пример, ибо для этого я призван» («О том, как блаж. Франциск из дьявольского наваждения узнал, что Господу угоднее, чтобы он жил в бедных и убогих домах, чем у кардиналов»). Исправлять даже самые тяжкие грехи братьев он хотел также только примером, «чтобы ныне и в будущем они не имели оправдания у Бога» («О том, как блаж. Франциск просил милостыню, прежде чем сесть за стол кардинала»). Исходя из сравнений и подобий Священного писания, св. Франциск особым образом относился к солнцу, огню, воде, камням, деревьям и птицам, ибо они напоминали о Христе.

Личный пример самого Франциска был особым способом его проповеди, поэтому он говорил: «Я до конца дней моих не перестану примером и добрыми делами проповедовать моим братьям, чтобы они следовали по тому пути, который Господь открыл мне, а я открыл им» («О том, как блаж. Франциск ответил одному брату на вопрос, почему он не восстает против излишеств, появившихся в ордене»). Он весь обратился в живую проповедь, «столько же примером, сколько словом» («О рвении блаж. Франциска и о том, как он страдал болезнью глаз»). И так как он и первые ученики «были истинными ветвями истинной лозы, т. е. Христа, то и получали великую и добрую жатву душ, обращавшихся к Богу» («Цветочки», гл. V). Иногда же, подобно тому, как св. Франциск подражал Христу, начинали подражать самому Франциску. Об одном из его учеников говорится: «И был Иоанн такой простоты, что подражал блаж. Франциску во всем... Когда блаж. Франциск заметил это, он стал, улыбаясь, выговаривать ему за эту чрезмерную простоту. Но тот ответил: «Брат, я обещал делать то, что ты делаешь, и мне надлежит во всем сообразоваться с тобою». И блаженный Франциск весьма удивился и радовался его чистоте и простоте» («О том, как один поселянин увидел, что блаж. Франциск подметает церковь, и как он вступил в орден и сделался святым братом»). Воистину в св. Франциске ожили древние апостольские слова: «Подражайте мне, как я Христу».

У читателя легенды могло сложиться впечатление, что Франциск действовал подобно Христу

один в чужом окружении, где кроме язычников и законников никого не было. Но ведь он жил и действовал в христианской стране с более чем 1000-летней традицией, причем не на какой-либо периферии, а в непосредственной близости к древнейшему центру — Риму. Везде были храмы, монастыри, крещеный народ. Неужели они никак не соприкасались, или весь церковный народ можно было приравнять к книжникам и фарисеям? Для такого вывода нет достаточных оснований. Более того, о св. Франциске говорится: «Больше всего он заботился о том, чтобы все берегли, сохраняли и уважали веру к святой Римской церкви, которая одна заключает в себе соль спасения» («О проповеди св. Франциска в Эскулануме»). Сам же он говорил: «Господь призвал нас для поддержания веры и на помощь священнослужителям святой Римской церкви, которых мы должны по мере сил любить, почитать и уважать... (Но) я хочу любить и почитать и подчиняться не столько епископам, сколько беднейшим священникам» («О том, как надо основывать и устраивать обители в городах...»).

Св. Франциск всячески смирялся и почитал клириков, но всегда с какими-то оговорками, создающими впечатление, что он хотел все же держаться от них подальше. Он не хотел принимать даже покровительство церковных властей, хотя с другой стороны, основал орден как официальную, утвержденную папой институцию, предполагавшую также протекторат на уровне кардинала.

Из всего того, что мы уже знаем о св. Франциске, о его святости, мистике и подражании, легко понять, какое было у него отношение к таинствам, особенно к Евхаристии. Может быть, это стало одной из главных причин того, как крепко держался Франциск за «святую Римскую церковь»? В «Завещании» он писал: «Господь даровал — и не отнял у меня — такую веру, вследствие святости их сана, в священнослужителей, живущих по правилам святой Римской церкви, что я радостно прибегаю к ним, хотя бы они и преследовали меня... я не хочу видеть грехов их, ибо Сына Божия вижу в них, и они мои владыки. И поступаю я так потому, что только в таинстве причащения могу видеть телесно Всевышнего Сына Божия в образе Его Пресвятого Тела и Пресвятой Крови; а таинство это совершается лишь одними священнослужителями. ...И всех богословов и всех, преподающих нам пресвятые слова Божии, мы должны уважать и почитать, ибо они приобщают нас к духу и к жизни...» И тут же: «Я определенно предписываю, во имя послушания, всем братьям, где бы они ни были, чтобы они не смели просить какой-либо привилегии от папского престола ни для себя, ни для третьих лиц, ни для церкви, ни для обители, ни для проповеди, ни для защиты от преследований». А в главе «О том, как блаж. Франциск ответил братьям, уговаривавшим его просить привилегию на свободу проповеди» говорится еще определеннее: «Я хочу обратить сперва прелатов святым смирением и послушанием, ... и они созовут больше народу, чем ваши привилегии, порождающие в вас гордость... Я для себя желаю одну привилегию от Господа: ни от кого никогда не иметь привилегии, кроме той, чтобы служить всем, и послушанием нашему святому правилу обратить всех более примером, чем словом». Какой редкий случай послушания, жидущегося на духовной свободе и утверждающего ее!

Мы уже раньше говорили о сочетании двух типов жизни в личности св. Франциска — «пророческого» и «монашеского», что делало его одновременно или почти одновременно блаженным (юродивым Христа ради) и великим святым. То же мы видим и в плодах и последствиях его деятельности. С одной стороны, духовное возрождение людей, их преобразование и объединение и неформальное братство, но с другой — францисканский орден, а точнее говоря, даже три ордена — собственно францисканский, орден кларисс и терциариев (а в историческом развитии их еще больше).

Итак, жизнь и учение св. Франциска оказались плодотворными и для него, и для других. Сам св. Франциск поистине «вернулся к первоначальной невинности, перед которой смягчается все

жестокое и суровое» («О том, как все создания любили блаж. Франциска...»), а благодаря ему «исчезло прежнее бесплодие и быстро поднялась жатва на необработанном поле» («О славе св. Франциска и об обращении многих к Богу...»), и «младенец Иисус, преданный многими забвению, возродился и запечатлелся в сердцах» («О яслях, которые он устроил в день Рождества Христова»).

В результате проповеди св. Франциска неизбежно у него стали появляться и ученики. Первым «необходимым ему товарищем и верным другом» стал Бернард из Ассизи. Число их росло, «а с приходом брата Филиппа их стало семь». Бог через св. Франциска собирал чад Своих, бывших рассеянными подобно Израилю. Он был к ним милостив, так что «со времен апостольских мир не имел таких святых и удивительных людей» («Цветочки», гл. I). «Бог отверзает уста немым и заставляяет премудро вещать простых сердцем» («Цветочки», гл. XIV). «Такова была душевная чистота этих первых учеников блаж. Франциска, что они совершенно не ведали суетного самовосхваления, хотя и знали, что творят доброе, полезное и святое» («О том, как св. Франциск послал братьев своих по двое в мир»), «Отрешившись от всего земного и уничтожив в душе всякое себялюбие, они перенесли всю силу любви на братию и с радостью положили бы живот свой за других» («О славе св. Франциска»). В будущем одна из ветвей францисканского ордена восприняла через брата Бернарда и других некоторых учеников эту традицию первой любви как высшей степени благодати, и не случайно в окружении духовных братьев брат Бернард говорил перед своей смертью: «Я чувствую в душе своей, что за тысячу миров, подобных этому, я не отдал бы служения Господу нашему Иисусу Христу и вам» («Цветочки», гл. VI).

Количество учеников росло, положение братства менялось, во многих охладевала (ибо объективировалась) любовь. И вот однажды при чтении слов Правила «да будут они меньшими», св. Франциск воскликнул: «Я желаю, чтобы община эта называлась орденом Меньших братьев» («О славе св. Франциска...»). Св. Франциск стал отцом ордена, а «сыны его должны были вести жизнь бездомных странников, отдыхающих под чужим кровом, с миром совершать свой путь и жаждать Небесной Отчизны» («О том, как блаж. Франциск отказался войти в келью, названную его именем»). Возникающие и ширящиеся обители должны были «удовольствоваться наименьшим количеством земли ради бедности и доброго примера для всех» («О том, как надо основывать и устраивать обители...»); их насельники не могли быть законными собственниками чего-либо, а должны были жить в обителях как странники и прохожие, и не в большом числе... Церкви их должны быть маленькие...» (там же). Ежегодные общие собрания (капитулы) у св. Марии Ангельской в Порциункуле — центре духовной жизни ордена — поначалу проходили в особой атмосфере: «Братья сидели по пятидесяти, и по сто, и по двести, и по триста вокруг церкви и были заняты только разговорами о Боге, и молитвами, и слезами, и делами милосердия» («Цветочки», гл. XVIII).

Увлекая за собою множество мирян, св. Франциск не мог не позаботиться и об их организации. Он основал вслед за первым, мужским, и вторым, женско-монашеским, орденом св. Клары еще третий орден «для всеобщего спасения» — орден терциариев, сохранявших прежнюю внешнюю обстановку жизни.

Расцвет орденов продолжался недолго. Уже в конце короткой жизни св. Франциска их охватил духовный кризис. Чуткий Франциск сразу все понял и сделал выводы. Он оставил главенство в ордене и вернулся к первобытному братству, живя с узким кругом ближайших учеников. Вот как он сам говорит об этом в главе «О том, как блаж. Франциск ответил одному брату на вопрос, почему он не восстает против излишеств, появившихся в ордене»: «Когда Господь умножил число братьев моих, и они, по вялости и бедности духа, начали сходить с истинного и верного пути, по которому шли... тогда я передал главенство и власть над ними Богу и министрам».

При этом он только внешне отказался от своих обязанностей, которые, по его пониманию, были «чисто духовные и заключались в исправлении и искоренении пороков» (там же). В нем окончательно победило Евангелие и Христос промыслительно явил Себя миру. Св. Франциск говорил: «Если я не могу исправить и утвердить в добре братьев моих проповедью, увещанием и примером, то я не хочу быть палачом, бичующим и наказывающим, как правители мира сего» (там же).

Так, нужен ли был орден? Увы, да. Благодаря ему удалось сохранить если не жизнь св. Франциска, то его пример и идеал, к которому никто и теперь не запрещает стремиться. Он обострил тоску по эпохе нового излияния Духа в мире. Он напомнил о нищете и первоначальной народности церкви. Он оттенил величайшую святость и особую духовную одаренность своего основателя, пусть и разошедшегося с ним, вернее с его официальной структурой. Он показал перспективу и будущее духовной общины — Церкви.

* По Сабатье (П. Сабатье. Жизнь Франциска Ассизского. М., Посредник, 1895. С. XXVI-XXVII, XXXI-XXXII) это: I. Сочинения Франциска (ряд писем и увещаний, два Устава 1221 и 1223 гг., Завещание, Гимн солнцу, служба Страстей, несколько проповедей, посвящение брата Льва, сохраняющееся в автографе в сокровищнице Сакро-Конвенто в Ассизи и некоторые другие). II. Собственно биографии: 1. Предварительные замечания; 2. Первое жизнеописание, составленное Фомою из Челано; 3. Общий взгляд на историю ордена от 1230 по 1244 гг.; 4. Житие, написанное Тремя Товарищами; 5. Отрывки из отброшенной части жития, составленного Тремя Товарищами; 6. Второе жизнеописание, составленное Фомою из Челано. 1-я часть; 7. То же. 2-я часть; 8. Житие, составленное Бонавентурой; 9. «Де Лаудибус» Бернарда Бесского. III. Дипломатические документы: 1. Альвернская дарственная запись; 2. Протоколы кардинала Уголино; 3. Буллы. IV. Летописцы ордена: 1. Летопись брата Иордана из Джиано; 2. Эклестон — прибытие братьев в Англию; 3. Летопись брата Салимбена; 4. Летопись «Испытаний» Анжело Кларено; 5. Фиоретти и прибавление к ним; 6. Летопись 24 начальников ордена; 7. «Книга послушаний» Варфоломея Пизанского; 8. Хроника Гласбергера; 9. Хроника Марка из Лиссабона. V. Летописцы, не принадлежавшие к ордену: 1. Жак де-Витри; 2. Фома из Спалато.

Наибольшей популярностью пользовались и пользуются оба жизнеописания Фомы Челанского (1228 и 1246 гг.), «Зерцало совершенства» (составленное несколько позже, может быть, в 1318 г. ревнителями францисканского идеала и связанное с не дошедшим до нас подлинником «Жития Трех Товарищей») и «Фиоретти» (Цветочки) св. Франциска, оформившиеся в первой половине XIV века и близкие, так же как и «Спекулум Перфектионис» («Зерцало»), к духовному крылу его последователей. На русском языке в 1911–13 гг. было выпущено три книги с переводами этих текстов. Все они включали то полностью, то отчасти Фиоретти (в переводе А.П. Печковского и В. Конради), а «Книга о святом Франциске» — также лучшие части из других трех источников (пер. В. Конради).

Протоиерей Всеволод Шпиллер: О конференции «Живое предание»

Информация

По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

Алексия II Свято-Филаретовская московская высшая

православно-христианская школа проводит конференцию

«Живое предание»

Конференция будет проходить в Москве

с 15-го по 17-е октября 1997 г

Главная тема конференции — проблемы непрерывности

и полноты церковной традиции.

Ее цель — достижение большего взаимопонимания и уважения различных церковных направлений и движений.

Предполагается обсуждение следующих вопросов:

духовная преемственность в церковном предании и церковное обновление; обновление и обновленчество; фундаментализм и модернизм; филетизм и кафоличность; конфессионализм и экуменизм.

Заявку на участие в работе конференции

просим присылать в Оргкомитет до 1-го июля 1997 г

Укажите, пожалуйста, в заявке свой точный адрес,

номер телефона или факса и предполагаемую тему доклада

или выступления. Если предполагаются иные формы участия

в работе конференции — укажите, какие именно.

По итогам работы конференции предполагается издать Сборник ее материалов. Поэтому просим не позднее 1-го сентября 1997 г. прислать текст доклада (до 0.5 печатных листов) или тезисов

выступления (до 2-х машинописных страниц). Текст может быть также подан в виде компьютерного файла в любом редакторе.

В программе конференции — представление переизданного сборника «Живое предание», включающего труды известных русских

богословов — еп. Кассиана (Безобразова), архим. Киприана (Керна), прот. Сергия Булгакова, прот. Николая Афанасьева, прот. Василия Зеньковского, А.В.Карташева, Г.П.Федотова, В.Н.Ильина и других.

Контактный телефон/факс: (095) 923-03-80

E-mail: stphilaret@glasnet.ru

Почтовый адрес: Россия, Москва, 125475, а/я 255,

Оргкомитет конференции

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа объявляет прием студентов на 1997/1998 учебный год

Информация

В Свято-Филаретовскую школу принимаются православные христиане не моложе 21 года, имеющие образование не ниже полного среднего, прошедшие цикл катехизации для взрослых, регулярно причащающиеся и представляющие себе цель своего прихода в школу.

Для поступления в Школу абитуриенты должны представить в Приемную комиссию следующие документы:

- 1) прошение на имя ректора,
- 2) письменную рекомендацию, подтверждающую прохождение оглашения (желательно от священника),
- 3) копию аттестата о полном среднем или диплома о среднем специальном (высшем) образовании,
- 4) две фотографии,
- 5) письменную работу «Мой путь к Богу и в Церковь» объемом от трех до пяти страниц (только для лиц, не прошедших катехизацию в Огласительном училище при Школе).

На основании представленных документов приемная комиссия выносит решение о допуске абитуриентов к вступительным испытаниям. Вступительные испытания в Свято-Филаретовскую школу состоят из письменного экзамена, устной проверки знаний по утвержденной программе и собеседования.

Письменный экзамен состоит из изложения предложенного отрывка из Евангелия и письменной проповеди на тему данного отрывка.

Устную проверку знаний и собеседование Приемная комиссия проводит с каждым абитуриентом индивидуально.

Программа для абитуриентов Свято-Филаретовской школы

I. Абитуриенты должны знать содержание и свободно ориентироваться в следующих книгах:

1. Новый Завет (полностью).

2. Ветхий Завет: Пятикнижие (полностью), Сирах, Премудрость Соломона, Притчи, Псалтирь, Пророки (одна книга «больших» и три «малых» пророков).
3. Всенощное бдение. Литургия (знать основные особенности богослужений: вечерни, утрени, литургии).
4. Православный молитвослов (со знанием наизусть молитв: начальные — «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царю Небесный», «Святой Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Приидите поклонимся»; утренние — «От сна восстав», «Боже, очисти мя грешного»; Ангелу-хранителю; вечерние — «Боже вечный», «Вседержителю, Слово Отчее», «Благаго Царя благая Мати», Ангелу-хранителю; Божией Матери — Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной Воеводе», «Милосердия двери», «Не имама иныя помощи»; Символ веры, молитву преп. Ефрема Сирина, молитвы перед святым причастием, заповеди Моисеевы, заповеди блаженств, тропари двенадцатых праздников, тропарь своему святому, псалмы 50 и 90.
5. Катехизисы свт. Филарета Московского или еп. Александра (Семенова-Тян-Шанского) — со знанием наизусть не менее 30 цитат из Священного Писания по-русски (а для желающих и по церковнославянски) из Катехизиса свт. Филарета.
6. Церковный календарь на текущий год (свободно ориентироваться, знать основные праздники, посты и их смысл).

II. Абитуриенты должны также прочитать следующие книги:

1. Беседа преп.Серафима Саровского с Мотовиловым.
2. Прот. А.Шмеман. За жизнь мира.
3. Прот.А.Шмеман. Исторический путь православия.
4. Митр.Сурожский Антоний. О встрече.
5. Архиеп.Финляндский Павел. Как мы веруем.
6. Свт.Феофан Затворник. Путь ко спасению

и выделить главное в них.

Приемная комиссия работает с 1-го мая по 10-е сентября

с 10.00 до 18.00 по адресу: Москва, ул. Покровка, 29-38

тел./факс: (095) 923-0380

почтовый адрес: Москва, 125475, а/я 255

E-mail: stphilaret@glasnet.ru